

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

SCANDINAVICA

ИЗДАЕТСЯ С 1961 Г.

IX

К 70-летию
со дня рождения
Б. С. Жарова

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург 2007

ББК 81.2
С42

Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. IX: К 70-летию
С42 со дня рождения Б. С. Жарова: Межвуз. сб. / Под ред. Е. В. Красно-
вой. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. — 288 с.

ISBN 978-5-8465-0668-8

В сборнике рассматривается ряд проблем звукового строя, грамматики, лексикологии, лексикографии, истории скандинавских языков и нидерландского языка.

В сборник включены также статьи, посвященные литературе, истории и культуре Скандинавских стран и Нидерландов, а также литературным контактам между Россией и этими странами.

Сборник посвящен 70-летию профессора Бориса Сергеевича Жарова. Приводится библиография его работ, опубликованных в период с 1965 по 2006 г.

Для специалистов в области скандинавской и нидерландской филологии и всех интересующихся языком, литературой и культурой Скандинавии и Нидерландов.

ББК 81.2

*Издано при поддержке
Генерального Консульства Дании в Санкт-Петербурге,
Датского института культуры (Санкт-Петербург)
и Голландского института (Санкт-Петербург)*

ISBN 978-5-8465-0668-8

© Коллектив авторов, 2007
© Филологический факультет СПбГУ, 2007
© С. В. Лебединский, оформление, 2007

Предисловие

11 мая 2007 г. Борису Сергеевичу Жарову исполняется 70 лет. В этот день коллеги Бориса Сергеевича и его многочисленные ученики смогут поздравить с юбилеем блестящего знатока датского языка, замечательного скандинависта, человека разносторонних научных интересов и энциклопедических знаний. Но не менее важно, что в этот день мы будем поздравлять и прекрасного, надежного коллегу, человека с которым нам всем всегда было легко и интересно работать.

Этот небольшой сборник является поздравлением кафедры скандинавской филологии в связи с юбилеем Бориса Сергеевича. В него вошли статьи сотрудников кафедры и коллег юбиляра из других городов. Мы прекрасно осознаем, что список авторов и присоединившихся к ним с поздравлениями коллег и учеников получился далеко не полным. Будучи многогранным и увлеченным человеком, Борис Сергеевич участвовал в самых разных проектах, сотрудничал с множеством разных людей. Поэтому привлечь всех было бы непосильной задачей, и мы надеемся, что те, кого нет в списке поздравляющих, не будут на нас в обиде.

Кафедра выражает благодарность Генеральному Консульству Дании, Датскому институту культуры и Голландскому институту в Санкт-Петербурге за поддержку при издании книги.

Tabula gratulatoria

Королевское посольство Дании в Москве
Генеральное консульство Дании в Санкт-Петербурге
Рикке Хелмс, Нина Лебедева, Анна Горбачева, Андрис Блумс, Датский
Институт Культуры в Санкт-Петербурге
Информационное бюро Совета Министров Северных стран в Санкт-
Петербурге
Генеральное консульство Королевства Норвегии в Санкт-Петербурге
Норвежский университетский центр в Санкт-Петербурге
Генеральное консульство Королевства Швеции в Санкт-Петербурге
Голландский институт в Санкт-Петербурге
Институт русской литературы Российской Академии наук
Сектор германистики и кельтологии Института языкознания РАН,
Санкт-Петербург
Кафедра скандинавских, финского и нидерландского языков Москов-
ского государственного лингвистического университета
Кафедра скандинавских, финского, нидерландского и греческого
языков МГИМО (У) МИД России
Кафедра скандинавской филологии, Университет Гумбольдта, Берлин
Центр скандинавистики, Вильнюсский университет
Российская национальная библиотека (РНБ), Зайцев Владимир Ни-
колаевич
Коллектив компании «Интертаймс», Санкт-Петербург
Ассоциация сотрудничества со странами Северной Европы «НОРДЕН»
(Norden), Санкт-Петербург
Культурный и Издательский Центр «Эклектика», Игорь Воеводский
Марианна Амирджановна Амирджанян, Санкт-Петербург
Дарья Владимировна Ахутина, Санкт-Петербург
Нина Константиновна Белякова, Санкт-Петербург
Юрий Николаевич Беспятых, Санкт-Петербург

Людмила Юльевна Брауде, Санкт-Петербург
Валерий Евгеньевич Возгрин, Санкт-Петербург
Наталия Юрьевна Грякалова, Санкт-Петербург
Галина Николаевна Захарова, Санкт-Петербург
Елена Захарова-Андерсен, Дания
Татьяна Ивановна Зубкова, Санкт-Петербург
Елена Йоргенсен, Орхус, Дания
Кристиан Йоргенсен, Орхус, Дания
Маргарита Евгеньевна Канарская, Санкт-Петербург
Ольга Александровна Комарова, Университет Трумсе, Норвегия
Юрий Константинович Кузьменко, Берлин
Аллан Хэве Ларсен, Орхус, Дания
Анне Линегор, Хольстебро, Дания
Анастасия Всеволодовна Ломагина, Санкт-Петербург
Марина Борисовна Матвеева, Санкт-Петербург
Юлия Валерьевна Медяникова, Санкт-Петербург
Галина Ивановна Миляева, Санкт-Петербург
Игорь Андреевич Мирецкий, Санкт-Петербург
Татьяна Кирилловна Михалкова, Санкт-Петербург
Галина Васильевна Михеева, Санкт-Петербург
Елена Анатольевна Налимова, Санкт-Петербург
Бент Бьерггрин Нильсен, Хольстебро, Дания
Аксель Педерсен, Орхус, Дания
Владимир Сергеевич Петров, Москва
Герман Иванович Разумов, Санкт-Петербург
Эрика Саусверд, Вильнюс
Наталья Васильевна Сафонова, Брянск
Дмитрий Иванович Соллертинский, Санкт-Петербург
Галина Старикова, Орхус, Дания
Инна Павловна Стреблова, Санкт-Петербург
Максим Евсеевич Тевелев, Санкт-Петербург
Жанна Николаевна Титова, Санкт-Петербург
Борис Ефремович Ульман, Санкт-Петербург
Людмила Константиновна Ульянова, Санкт-Петербург
Игорь Николаевич Усов, Санкт-Петербург
Торбен Хойер, Орхус, Дания
Татьяна Владимировна Шмелева, Санкт-Петербург
Татьяна Алексеевна Шрадер, Санкт-Петербург
Олег Алексеевич Щербаков, Санкт-Петербург

БОРИС СЕРГЕЕВИЧ ЖАРОВ

Имя Бориса Сергеевича Жарова — профессора, заведующего кафедрой скандинавской филологии, прекрасного специалиста в области датской и скандинавской филологии, человека широких научных интересов, хорошо известно в нашей стране и за рубежом.

Борис Сергеевич Жаров родился 11 мая 1937 г. в г. Иваново. С 1956 г., когда Борис Сергеевич поступил на датское отделение, вся его жизнь связана с кафедрой скандинавской филологии Ленинградского, а затем Санкт-Петербургского государственного университета.

В те годы, когда Борис Сергеевич учился на датском отделении, возможностей для изучения иностранных языков было гораздо меньше, чем у его нынешних учеников, поездки за границу были редкими и непродолжительными (если вообще были), поэтому для того, чтобы использовать все имеющиеся возможности, Борис Сергеевич еще в студенческие годы начал активно работать переводчиком, целеустремленно овладевая датским языком, и, в особенности, сложным датским произношением. После окончания датского отделения в 1962 г. Борис Сергеевич был принят на работу ассистентом кафедры скандинавской филологии.

В 1968 г. Борис Сергеевич поступил в аспирантуру, которую закончил в 1971 г., защитив кандидатскую диссертацию на тему «Глагольное замещение в современном датском языке». Его научным руководителем выступил основатель российской скандинавистики, доктор филологических наук, профессор М. И. Стеблин-Каменский.

В 1977 г. Борис Сергеевич становится доцентом кафедры, в 1994 г. — профессором, а с 1997 г. он заведует кафедрой скандинавской филологии.

В течение всех этих лет Борис Сергеевич преподавал практический датский язык на всех курсах, читал в разные годы теоретические курсы, такие как лексикология датского языка, лексикология шведского языка, теоретическая грамматика датского языка и норвежского языков, теоретическая фонетика датского, шведского и норвежского языков, история датского языка. Борис Сергеевич разработал целый ряд новых для кафедры спецкурсов, в частности: стилистика датского языка, датское лингвострановедение, культура Дании.

У Бориса Сергеевича много учеников, за годы работы на кафедре он воспитал более сотни выпускников датского отделения, среди которых есть преподаватели, переводчики, библиотечные работники, дипломаты. Не все из них сейчас связаны с датским языком, но их объединяет то, что, где бы они ни работали, они сохраняют самые теплые воспоминания о времени, проведенном на кафедре, и поддерживают с нею связь. В этом несомненная заслуга Бориса Сергеевича.

Борис Сергеевич руководит работой студентов над дипломными и курсовыми сочинениями, а также работой аспирантов и соискателей, под его руководством написан ряд кандидатских диссертаций. Все его ученики знают его как чрезвычайно внимательного и добросовестного руководителя, на помощь которого всегда можно рассчитывать — и при этом в самых разных жизненных ситуациях.

Борис Сергеевич является автором 127 научных работ, характеризующихся широким жанровым и тематическим разнообразием. Он — автор первого и единственного в стране пособия по датской фонетике «Датское произношение» (Л., 1969), которое до сих пор является самой востребованной книгой по практической датской фонетике, в области грамматики датского языка следует в первую очередь назвать его книгу «Глагольное замещение» (Л., 1984). Много сил и времени Борис Сергеевич отдал лексикографической работе: он участвовал в работе над «Датско-русским словарем» (фонетическая транскрипция. М., 1975 и три переиздания), «Датско-русским политехническим словарем» (М.; Копенгаген, 1987), словарем «Русские фразеологизмы в картинках в переводе на датский, норвежский, шведский языки» (М., 1989). Он подготовил два пособия по истории датского языка (Л., 1984; 1986), без которых теперь невозможно представить себе подготовку данистов. И наконец, он опубликовал множество статей по проблемам фонетики, грамматики, лексики

датского языка и культуры Дании. Он действительно человек разнообразных, широких научных интересов, который интересуется самыми разными аспектами, связанными с Данией, ее культурой и литературой, с датским языком.

Нельзя не сказать еще об одной сфере деятельности Бориса Сергеевича, а именно о переводческой деятельности. Его библиография содержит 18 переводов, в том числе ряд произведений, переведенных с исландского и норвежского языков.

Борис Сергеевич неоднократно участвовал в проведении конференций скандинавистов, организовал несколько международных литературоведческих конференций и уже много лет руководит секцией «Лексикология и фразеология (романо-германский цикл)» на проводящейся ежегодно Международной филологической конференции.

Около 30 лет Борис Сергеевич был членом специализированного совета, в том числе 10 лет ученым секретарем.

Борис Сергеевич выступил одним из инициаторов создания Ленинградской секции общества «СССР — Дания», долгие годы работал заместителем председателя, сейчас он вице-президент «Российско-датского центра», член правления Ассоциации сотрудничества со странами Северной Европы «НОРДЕН» и Российско-скандинавского центра научного и культурного сотрудничества. Был одним из активных участников датского фестиваля в Петербурге в 1996 г. В 2005 г. принимал участие в целом ряде мероприятий, посвященных году Х. К. Андерсена, выступал с докладами на нескольких научных конференциях, посвященных датскому сказочнику. В составе российской делегации Борис Сергеевич принимал участие в праздновании 300-летия Х. К. Андерсена в Дании.

Много сил отдал Борис Сергеевич «Датскому драматическому театру», студенческому коллективу, который уже почти 30 лет под его руководством существует на кафедре скандинавской филологии. Студенты, которые исполняют произведения датских авторов на датском языке, не только учатся лучше говорить по-датски, но и ближе знакомятся с датской литературой, начинают лучше понимать страну и ее культуру.

Коллеги и ученики поздравляют Бориса Сергеевича с юбилеем и желают ему бодрости и новых творческих успехов.

Е. В. Краснова

Глубокоуважаемый Борис Сергеевич!

Примите наши самые искренние поздравления с Юбилеем! Мы знаем Вас как одного из ведущих российских ученых в области скандинавистики, имя которого известно и за пределами нашей страны, и не только в Скандинавии. Но не менее важна и другая грань Вашего таланта — таланта человека, умеющего передать свои знания другим, сообщить им интерес и своему делу и — главное — воспитать их людьми, преданными науке и своему Отечеству. Формально мы не принадлежим к числу Ваших учеников, но мы учились по Вашим книгам, пособиям, статьям, мы многому научились, непосредственно общаясь с Вами, и потому считаем Вас одним из наших Наставников. При этом нам всегда приятно общение с Вами не только как с ученым, но и как с доброжелательным и искренним человеком. Ваш негромкий, но убедительный голос, голос настоящего русского интеллигента, чурающегося всяких околонаучных и прочих дрызг, всегда находит отклик в наших сердцах.

Разрешите же еще раз передать поздравление от Ваших товарищей по ремеслу (если Вы позволите нам так себя называть), пожелать Вам крепкого здоровья и выразить надежду на продолжение нашего доброго и плодотворного сотрудничества на долгие годы.

От имени кафедры скандинавских, финского,
нидерландского и греческого языков
МГИМО (У) МИД России
Зав. кафедрой *А. Н. Чеканский*

Осенью 2006 г. Б. С. Жаров обратил мое внимание на то, что со времени нашего поступления в ЛГУ прошло 50 лет, а значит, и наше знакомство тоже полвека.

Нам повезло учиться у замечательных педагогов — специалистов в своих областях, людей энциклопедического образования и широкой культуры — М. И. Стеблин-Каменского, М. П. Ганзен, С. С. Масловой-Лашанской, В. П. Беркова, И. П. Куприяновой. Со студенческих лет сохранилась у нас влюбленность в профессию и стремление к широким знаниям. Университет был для нас не просто учебным заведением, он оказался для нас самой жизнью. В те студенческие годы светловолосый серьезный Боря Жаров был для нас добрым товарищем, в наших группах (и норвежской, и датской) царила атмосфера хорошего соперничества в учебе — учиться было интересно. Борис

Жаров первым из нас обрел опыт непосредственной работы со скандинавами, стал хорошим переводчиком и потом вернулся в университет преподавать. Наверное, немалая его заслуга в том, что все пятьдесят лет датская группа набора 1956 г. поддерживает живые дружеские отношения друг с другом.

Б. С. Жаров сохранил широту своих интересов. Ему любопытна история датских кинозвезд и жизнь Андерсена, свидетельства давних культурных связей между Скандинавией и Россией, он по-прежнему любит и знает датскую культуру. Из нашей совместной переводческой работы я помню, как увлеченно Б. С. Жаров пел в университетском хоре, бегал по выставкам и музеям, собирал автографы тех знаменитых людей, с которыми ему случалось сталкиваться, — космонавтов Ю. А. Гагарина и П. Поповича, художника Х. Бидструга и др. Самое главное, по-моему, что с тех же лет неизменными сохранились его интерес к жизни, доброжелательное отношение к людям, отзывчивость, желание и умение помочь, если только это в его силах.

В своей деятельности преподавателя и ученого Б. С. Жаров сумел не только подготовить многих специалистов, но и заразить их верностью профессии.

Поскольку Б. С. Жаров много занимается переводом, мне хотелось представить на его суд небольшую статью, написанную в традициях еще советской переводческой школы.

О. А. Комарова,
Университет Трумсё, Норвегия

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ БОРИСА СЕРГЕЕВИЧА ЖАРОВА

1. Книги, статьи, тезисы и т. п.

1965

1. Глагол-заместитель в датском языке // Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М., 1965. С. 151–153.

1968

2. Ответные предложения в датском языке // Тезисы докладов Четвертой всесоюзной научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1968. Ч. 2. С. 270–272.

1969

3. Глагол-заместитель в датском языке // Скандинавский сборник. Таллин, 1969. Вып. 14. С. 203–212. (рез. на эст., шв. яз.).
4. Датское произношение: Учебное пособие. Л., 1969. 81 с.

1970

5. К вопросу о глагольном замещении в английском и датском языках // Вопросы филологии. Л., 1970. Ч. 1. С. 41–60.

1971

6. Глагольное замещение в современном датском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. 16 с. В надзаг.: ЛГУ.
7. Об изменениях в датском произношении в XX веке // Тезисы докладов Пятой всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М., 1971. Ч. 2. С. 194–196.

1972

8. Куда идет корабль? // Звезда. 1972. № 10. С. 214–215. [Рец.: Себерг П. Пастыри / Пер. с дат. М., 1971].

1973

9. Об одном фонетическом изменении в современном датском языке // Скандинавский сборник. Таллин, 1973. Вып. 18. С. 60–65 (рез. на эст., шв. яз.).
10. О количественной характеристике датских гласных // Тезисы докладов Шестой всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Таллин, 1973. Ч. 2. С. 14.

1974

11. Главное дело жизни: К 85-летию Марианны Петровны Ганзен // Ленинградский университет. 1974. 12 июня. С. 3.
12. Династия переводчиков // Вечерний Ленинград. 1974. 18 июня. С. 3.

1975

13. Датско-русский словарь. 3-е изд. М., 1975. 896 с. (Фонетическая транскрипция датских слов, объем 7 а. л.).
14. [Некролог:] М. П. Ганзен-Кожевникова // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. 20. С. 232–233.
15. Славный юбилей: Скандинавскому отделению — 40 лет // Ленинградский университет. 1975. 21 октября. С. 2.

1976

16. К истории глагольного замещения в датском языке // Седьмая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Л.; М., 1976. Ч. 2. С. 65–66.

1978

17. Библиография работ советских авторов по скандинавскому языкознанию: 1961–1976 // Скандинавская филология = Scandinavica. Л., 1978. Вып. 3. С. 6–41.
18. О происхождении глагола-заместителя в датском языке // Там же. С. 64–70.
19. Предисловие // М. Андерсен Нексе. Рассказы. Л., 1978. С. 3–15.

1979

20. Структурное замещение в древнедатском языке // Восьмая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1979. Ч. 2. С. 72–74.
21. Bog om dansk dramatik udgivet i Leningrad // Fakta om Sovjetunionen. 1979. № 9. S. 55. [Рец.: Куприянова И. П. Датская драматургия первой половины XX века. Л., 1979].

1980

22. Фонетическая лексикография: (Из опыта работы над датско-русским словарем) // Проблемы филологических исследований (Информационные материалы IX научно-методической сессии по филологическим наукам). Л., 1980. С. 86–87.

1982

23. Субституция в новодатском языке (XVI–XVIII вв.) // Девятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Тарту, 1982. Ч. 2. С. 101–102.
24. Учебно-методическая разработка по курсу «История датского языка (древнедатский период)». Л., 1982. 55 с.

1983

25. Глагол-усилитель в датском языке // Значение и смысл синтаксических структур в контексте. Грозный, 1983. С. 83–88.
26. Научный авторитет коллектива: Кафедре скандинавской филологии — 25 лет // Ленинградский университет. 1983. 9 декабря. С. 10–11.
27. Стилистический аспект глагольного замещения в скандинавских языках // Стилистические исследования лексико-синтаксических структур текста на материале романо-германских языков. Якутск, 1983. С. 25–33.

28. Экспрессивная роль замещения (на материале германских языков) // Функциональные типы и функциональные модификации лингвистических единиц. Л., 1983. С. 121–128. (Соавтор: А. Г. Поспелова).

1984

29. Замещение как языковое явление. Л., 1984. 116 с.
30. Усилительная роль конструкций с глаголами-репрезентантами в германских языках // Национальное и интернациональное в развитии языков. Иваново, 1984. С. 94–102. (Соавтор: А. Г. Поспелова).
31. Учебно-методическая разработка по курсу «История датского языка (новодатский период)». Л., 1984. 56 с.
32. Dansk er dejligt // Fakta om Sovjetunionen. 1984. № 6. S. 30–32.

1985

33. Библиография работ советских авторов по скандинавскому языкознанию: 1977–1982 // Скандинавская филология = Scandinavica. Л., 1985. Вып. IV. С. 5–21.
34. Золотой юбилей: Полвека скандинавской филологии в ЛГУ // Ленинградский университет. 1985. 25 октября. С. 5.
35. Субституция в новодатском языке (XVI–XVIII вв.) // Скандинавский сборник. Таллин, 1985. Вып. 29. С. 123–128. (рез. на дат. яз.).

1986

36. Эмфатическая глагольная конструкция в скандинавских языках // Десятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1988. Ч. 2. С. 378–379.

1987

37. Датско-русский политехнический словарь = Dansk-russisk polyteknisk ordbog: Около 55 000 терминов. М.; Копенгаген, 1987. 675 с. (Соавторы: В. Ф. Максимов, Л. В. Максимов, Г. В. Максимов, О. Норлинг-Кристенсен).

1988

38. Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на датском, норвежском и шведском языках). М., 1988. 327 с. (Соавторы: М. И. Дубровин, В. П. Берков, С. С. Маслова-Лашанская).

39. X всесоюзная конференция скандинавистов // Скандинавский сборник. Таллин, 1988. Вып. 32. С. 232–241. (Еще 4 соавтора).

1989

40. Библиографический указатель по германскому и общему языкознанию: Профессор Валерий Павлович Берков. Самарканд, 1989. 23 с. (Соавторы: А. М. Бушуй, А. В. Савицкая).
41. Валерий Павлович Берков // Там же. С. 3–5. (Соавтор: Ю. К. Кузьменко).
42. Датская научно-техническая лексикография // Девятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1989. Т. 2. С. 396–397.
43. Комментарии // Йенсен, Йоханнес В. Избранное. Л., 1989. С. 309–314.
44. Член Норвежской Академии (к 60-летию В. П. Беркова) // Ленинградский университет. 1989. 13 октября. С. 12. (Соавтор: Е. В. Краснова).
45. Ю. С. Маслов (к 75-летию со дня рождения) // Вестник Ленингр. ун-та. 1989. Сер. 2. Вып. 3. С. 115–116. (В соавторстве).

1991

46. Библиография работ советских авторов по скандинавскому языкознанию: 1983–1988 // Скандинавская филология = Scandinavica. Л., 1991. Вып. V. С. 3–16.
47. Памяти С. С. Масловой-Лашанской // Вестник Ленингр. ун-та. 1991. Сер. 2. Вып. 2. С. 126. (Соавтор: В. П. Берков).
48. Развитие конструкций с глагольным замещением в датском языке // Очерки по историческому синтаксису германских языков. Л., 1991. С. 94–98.

1992

49. Die Substitution im Neudänischen // Sowjetische Skandinavistik: Eine Antologi / Hrsg. L. Popowa. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1992. S. 295–300.

1993

50. Датская терминосистема «Образование»: (Динамический аспект) // Двенадцатая конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1993. Т. 2. С. 214–215.
51. Семантико-синтаксические аспекты отглагольного словообразования в германских языках (на материале датского и английского языков) // Семантические и прагматические аспекты коммуникации / Отв. ред. Э. Н. Калинина. Самара, 1993. С. 9–18. (Соавтор: С. А. Чахоян).

1994

52. Сопоставительный анализ английских и датских отглагольных существительных // Вопросы английской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. В. А. Хомяков. Пятигорск, 1994. С. 21–26. (Соавтор: С. А. Чахоян).

1996

53. Библиография переводов датской художественной литературы на русский язык с 1975 по 1996 год. Копенгаген, 1996. 26 с. (Соавтор: Т. Ю. Киселева).
54. Вступительное слово // Х. К. Андерсен в России: Семинар в Санкт-Петербургском гос. университете: 17 мая 1996 г. Копенгаген, 1996. С. 3–6.
55. Х. К. Андерсен на петербургской сцене // Там же. С. 53–59.

1997

56. Людвиг Хольберг и Академия Сорё // Первые скандинавские чтения: Этнографические и культурно-этнографические аспекты / Отв. ред. А. С. Мыльников. СПб., 1997. С. 213–223.
57. Наша Маша (О шведском лекторе Марии Магнуссон) // Санкт-Петербургский университет. 1997. № 2. С. 13–14. (Соавтор: А. В. Савицкая).
58. Ненормативная лексика в датском языке // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 408–410.
59. H. C. Andersen på den petersborgske scene // H. C. Andersen i Rusland: Bidrag til et symposium på Skt. Petersborgs Universitet. 1996. 17. maj. Aarhus, 1997. S. 49–56.

1998

60. Большой датско-русский словарь (с транскрипцией). 4-е изд., испр. М., 1998. 896 с. (Фонетическая транскрипция датских слов, объем 7 а. л.).

1999

61. Астрид Линдгрэн и скандинавская литературная традиция // Скандинавская филология = Scandinavica / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 1999. Вып. 6. С. 146–149. (рез. на дат. яз.).
62. В. П. Берков // Скандинавская филология = Scandinavica / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 1999. Вып. VI. С. 3–6.

63. «Высшие народные школы» в Дании: Прошлое — настоящее — будущее? // Скандинавские чтения 1998 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. А. С. Мыльников. СПб., 1999. С. 297–303.
64. Кавалер орденов двух государств: К 70-летию Валерия Павловича Беркова // Санкт-Петербургский университет. 1999. № 22. С. 19–21.
65. [Вступ. статья:] Кафедра скандинавской филологии: учебные программы: История датского языка; Теоретическая грамматика датского языка; Теоретическая фонетика шведского языка; Стилистика датского языка; Культура Дании; Датское лингвострановедение; Древнеисландский язык; Древнедатский язык // Кафедра скандинавской филологии: Учебные программы. СПб., 1999. С. 3–4, 18–21, 23–24, 37–38, 57–58, 59–62, 87–89.
66. Ненормативная лексика / сленг в датском языке // Материалы XXVIII межвузовская научно-методическая конференция преподавателей и аспирантов. 15–22 марта 1999 г. Санкт-Петербург. Вып. 3. Секция лексикологии и фразеологии (романо-германский цикл) / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 1999. С. 20–23.
67. Ольсен и другие: Датская социально-криминальная кинокомедия длиной в 30 лет // Литература в зеркале эпохи. СПб., 1999. С. 130–137.
68. Очерк жизни и деятельности В. П. Беркова // Профессор Валерий Павлович Берков. СПб., 1999. С. 5–13.
69. Подводные люди и подводные духи (Скандинавско-русские параллели) // Скандинавская филология = Scandinavica / Отв. ред. Б.С. Жаров. СПб., 1999. Вып. 6. С. 140–146.
70. Юмор Х. К. Андерсена и датская литература // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 15–22 марта 1999 г. Вып. 20: Секция истории зарубежных литератур / Отв. ред. И. П. Володина. СПб., 1999. Ч. 3. С. 3–7.

2000

71. Большой датско-русский словарь (с транскрипцией). 5-е изд., испр. М., 2000. 896 с. (Фонетическая транскрипция датских слов, объем 7 а. л.).
72. Большой Словарь датского языка — завершение столетней эпопеи // Материалы XXIX межвузовская научно-методическая конференция преподавателей и аспирантов. 13–18 марта 2000 г. Санкт-Петербург. Вып. 3: Секция лексикологии и фразеологии (романо-германский цикл) / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2000. Ч. 1. С. 24–27.
73. Кафедра скандинавской филологии // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета. 2-е изд. СПб., 2000. С. 154–157.
74. Университетский центр скандинавистики и нидерландистики в Петербурге // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 13–18 марта 2000 г. Санкт-Петербург. Вып. 13: Секция истории филологического факультета. СПб., 2000. С. 19–23.

75. Ханс Кристиан Андерсен: Жизнь, творчество, искусство // ЯЛИК (Язык, литература, история, культура). 2000. № 41. С. 6.

2001

76. Большие датские словарные проекты XX века // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М.; Архангельск, 2001. С. 323–325.
77. Династия переводчиков со скандинавских языков // Вестник «Баренц-центра» Мурманск. гос. пед. ин-та. 2001. № 2. С. 40–46.
78. Кафедра скандинавской филологии — центр преподавания и изучения культуры и языков Скандинавии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001. С. 102–106.
79. Лексические особенности датских областных законов // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 1–17 марта 2001 г. Санкт-Петербург. Вып. 4: Секция лексикологии и фразеологии (романо-германский цикл). СПб., 2001. Ч. 1. С. 54–57.
80. О студенческом театре, исполняющем произведения на иностранных языках // Studio. 2001. № 4. С. 15–21.
81. Университетская скандинавистика: Начальный период // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 1–17 марта 2001 г. Санкт-Петербург. Вып. 9: Секция истории филологического факультета. СПб., 2001. С. 47–52.

2002

82. Большой датско-русский словарь (с транскрипцией). 6-е изд., испр. М., 2002. 896 с. (Фонетическая транскрипция датских слов, объем 7 а. л.).
83. Датские авторы на петербургской сцене // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб., 2002. С. 189–199.
84. Единственная в Скандинавии пятиглавая церковь в Калунборге (Дания), замок, крепость, город // Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. А. С. Мильников, Т. А. Шрадер. СПб., 2002. С. 224–237.
85. Кафедра скандинавской филологии // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета / Отв. ред. С. И. Богданов. 3-е изд. СПб., 2002. С. 152–155.
86. О сокращенных латинских обозначениях деятелей образования и науки в датском языке (sand. tag. и др.) // Материалы XXXI всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 11–16 марта 2002 г. Санкт-Петербург. Вып. 1: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). СПб., 2002. Ч. 1. С. 14–17.

87. Переводческий подвиг А. и П. Ганzenов // Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. А. С. Мыльников, Т. А. Шрадер. СПб., 2002. С. 545–551.

2003

88. Датчане // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 2: Деятнадцатый век. Кн. 2: В–Д. СПб., 2003. С. 272–273.
89. Золотые страницы истории датского кино // Скандинавские чтения 2002 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. А. А. Хлевов, Т. А. Шрадер. СПб., 2003. С. 351–360.
90. Корифей российской скандинавистики: К столетию со дня рождения Михаила Ивановича Стеблин-Каменского // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. 10–12 сентября 2003 г. Санкт-Петербург. СПб., 2003. С. 5–10.
91. Михаил Иванович Стеблин-Каменский // *Philologica Scandinavica*: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 5–7.
92. О двух видах модальности в значении датских модальных глаголов // *Philologica Scandinavica*: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 66–69.
93. Поучительный эпизод борьбы с иноязычными заимствованиями в Дании (Словарь общества «Модерсмолет» 1933 г.) // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. 10–12 сентября 2003 г. СПб., 2003. С. 23–29.
94. Сага о людях из Крестового Ручья // *Philologica Scandinavica*: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 60–65.
95. Шведская волшебница слова // ПИТЕРbook (Петербургская книга). 2003. № 12. С. 26–27. [Рец.: Собр. соч. Астрид Линдгрэн в 10 т.].
96. Языковая ситуация в регионе «Северные страны» // Материалы XXXII международной филологической конференции. 11–15 марта 2003 г. Санкт-Петербург. Вып. 3: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). СПб., 2003. Ч. 1. С. 3–7.

2004

97. Большой датско-русский словарь (с транскрипцией). 7-е изд., испр. М., 2004. 896 с. (Фонетическая транскрипция датских слов, объем 7 а. л.).
98. В. П. Берков (К 75-летию со дня рождения) // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2004. Сер. 9. Вып. 1–2. С. 105–106.
99. Исландские саги и Россия // Саги об исландцах: Выставка одной книги: Каталог выставки. СПб., 2004. С. 6–15.

100. Когда жизнь совсем не мед // ПИТЕРbook плюс (Книжный Петербург). 2004. № 5. С. 37. [Рец.: Уилсон Ж. Разрисованная мама. М., 2003].
101. К 75-летию Валерия Павловича Беркова; Библиография работ В. П. Беркова: 1999–2003 // Скандинавская филология = Scandinavica / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2004. Вып. VII. С. 5–8, 196–197.
102. О методике преподавания датских временных глагольных форм в системе // XXXIII международной филологической конференции. 15–20 марта 2004 г. Вып. 27: Современные проблемы лингводидактики / Отв. ред. Т. Н. Иванова. СПб., 2004. Ч. 1. С. 36–40.
103. Ономастическая составляющая в датском сленге / фразеологии // XXXIII междунар. филол. конф. 15–20 марта 2004 г. Вып. 1: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл) / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2004. Ч. 1. С. 24–27.
104. Основатель отечественной школы скандинавистики М. И. Стеблин-Каменский // XXXIII международная филологическая конференция. 15–20 марта 2004 г. Вып. 3. Секция истории филологического факультета / Отв. ред. Ю. А. Ендольцев. СПб., 2004. С. 17–23.
105. Особый вид датских сокращенных слов латинского происхождения // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 2004. Ч. 2. С. 452–454.
106. Первая русская грамматика исландского языка Стефана Сабинина (1849) // Скандинавская филология = Scandinavica / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2004. Вып. 7. С. 26–34.
107. Переводчики Ганзены // Автобус. 2004. № 2. С. 6–8.
108. Письма варяжского гостя // Автобус. 2004. № 5. С. 24–28.
109. Саги об исландцах = Íslendinga sögur / Сост. и науч. консультант худож. изд. Б. С. Жаров. СПб., 2004. 188 с.
110. Санкт-Петербург и Исландия // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной международной научной конференции / Ред. В. Н. Барышников. СПб., 2004. С. 296–311.
111. The Icelandic sagas and Russia // Sagas about Icelanders: Exhibition of a book: Exhibition catalogue. St. Petersburg, 2004. P. 6–15.

2005

112. Датские газетные ляпы с лингвистической точки зрения // XXXIV международная филологическая конференция. 14–19 марта 2005 г. Санкт-Петербург. Вып. 4: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл) / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2005. Ч. 1. С. 40–45.
113. Использование элементов театрального действия при обучении иностранному (датскому) языку // V научно-практическая конференция. 2005 «Дополнительные программы по иностранным языкам»: Материалы. СПб., 2005. С. 167–171.
114. Норвежский женский роман XXI века // Скандинавские чтения 2005 года / Отв. ред. Б. С. Жаров, Т. А. Шрадер. СПб., 2005. С. 165–171.

115. Переводчики Ганзены // Она научила Андерсена говорить по-русски: Анна Васильевна Ганзен (1869–1942). Рязань, 2005. С. 19–21.
116. Петербург — Касимов — датские острова // Studio. 2005. № 3–4. С. 39–46.
117. Страницы истории кафедры // Кафедра скандинавской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета: Очерк истории; Преподаватели. СПб., 2005. С. 3–12.
118. Три волшебных дня на родине волшебника [Х. К. Андерсена] // Автобус. 2005. № 2. С. 2–5.
119. Хор филологов 1950-х годов // XXXIV международной филологической конференции. 14–19 марта 2005 г. Санкт-Петербург. Вып. 3: Секция истории филологического факультета / Отв. ред. Ю. А. Ендольцев. СПб., 2005. С. 44–49.
120. «Я в Дании рожден» [К 200-летию со дня рождения Х. К. Андерсена] // Автобус. 2005. № 1. С. 2–5.

2006

121. Датчане-петербуржцы, XIX век // Скандинавские чтения 2004: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. В. Е. Возгрин, Т. А. Шрадер. СПб., 2006. С. 237–242.
122. Динамика в восприятии Х. К. Андерсена в Санкт-Петербурге, одном из самых андерсеновских городов мира // Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 8 / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2006. С. 111–124.
123. Марианна Петровна Ганзен-Кожевникова. Большая жизнь педагога и переводчика // Скандинавские чтения 2004: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. В. Е. Возгрин, Т. А. Шрадер. СПб., 2006. С. 488–492.
124. Средневековая семейная сага // Питерbook, 2006, 27.01. [http://: krupaspb.ru/piterbook/recenzii](http://krupaspb.ru/piterbook/recenzii). [Рец.: Унсет, Сигрид. Улав, сын Аудуна из Хествикена; Унсет, Сигрид. Улав, сын Аудуна, и его дети. СПб., 2004].
125. Фамилия — родовое имя у датчан? // XXXV международная филологическая конференция. 13–18 марта 2006 г. Санкт-Петербург. Вып. 2: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл) / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2006. Ч. 1. С. 31–36.
126. Ханс Кристиан Андерсен — два века славы // Скандинавские чтения 2004: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. В. Е. Возгрин, Т. А. Шрадер. СПб., 2006. С. 5–7.
127. En russisk præst i Weimar og islandske studier i Rusland // Grenzgänger: Festschrift zum 65. Geburtstag von Jurij Kusmenko / Hrsg.: A. Hornscheidt, K. Kotcheva, T. Milosch, M. Rießler. Berlin, 2006. S. 368–374. (Berliner Beiträge zur Skandinavistik. 9).

2. Переводы

1. *Андерсен Нексе, Мартин. Ночная прогулка; Вестербро; Осенняя тяга; Мамаша Шмидт; Песнь луга; Юнкер* / Пер. с дат. // Андерсен Нексе, Мартин. Молодость: Рассказы. Л., 1967. С. 211–217, 250–289. (Совм. с И. П. Куприяновой).

2. *Андерсен Нексе, Мартин*. Ночная прогулка; Вестербро; Осенняя тяга; Мамаша Шмидт; Песнь луга; Юнкер / Пер. с дат. // Андерсен Нексе, Мартин. Рассказы. Л., 1978. С. 247–251, 291–320 (совм. с И. П. Куприяновой).
3. *Сёборг Ф.* Канарейка / Пер. с дат. // Ленинградский университет. 1975. 21 октября. С. 3.
4. Открывая Данию: О Дании и датчанах; прошлое, настоящее и будущее / Пер. с дат. / Датский институт культуры. Копенгаген; Хернинг, 1996. 240 с. С. 83–158.
5. *Йоргенсен, Оге*. Герои у Х.К.Андерсена / Пер. с дат. // Х. К. Андерсен в России: Семинар в СПб. гос. университете 17 мая 1996. Копенгаген, 1996. С. 41–52.
6. *Монрад, Каспар*. Йоханнес Румп и его коллекция / Пер. с дат. // Анри Матисс и выдающиеся датские собиратели. СПб., 1998. С. 25–40.
7. *Раск, Расмус*. Руководство по языку акра / Пер. с дат. СПб., 1999. 132 с. С. 25–38, 55–92.
8. *Баггесен, Йенс*. Лабиринт: Новелла / Пер. с дат. // Агасфер: Еврейская тема в датской литературе. М., 2004. С. 21–28.
9. *Бликкер, Стен Стенсен*. Евреи в Халле: Новелла / Пер. с дат. // Там же. С. 32–60.
10. *Вельнер, Пинкер*. В горах Галилеи: Новелла / Пер. с дат. // Там же. С. 395–405.
11. *Ингеманн, Бернхард Северин*. Старый раввин: Новелла / Пер. с дат. // Там же. С. 145–165.
12. *Йенсен, Йоханнес Вильгельм*. Маленький Агасфер: Новелла / Пер. с дат. // Там же. С. 380–394.
13. *Натансен, Хенри*. В четырех стенах: Пьеса / Пер. с дат. // Там же. С. 310–379.
14. *Понтоппидан, Хенрик*. Дочь раввина: Новелла / Пер. с дат. // Там же. С. 300–309.
15. *Андри Снайр Магнасон*. Грустная сказка о короле Медиасе / Пер. с исланд. // Подарок тролля: Литературные сказки Скандинавии. СПб., 2004. С. 523–529.
16. *Адальстейнн Аусберг Сигюрдссон*. Магическая игра / Пер. с исланд. // Там же. С. 529–540.
17. *Альтиулер, Салли*. Центр мироздания: Роман / Пер. с дат. СПб., 2005. 416 с. (Сер. «Секретная миссия»).
18. *Башир, Ала; Суннано, Ларс Сигурд*. Ближний круг Садама Хусейна: Воспоминания личного врача / Пер. с норв. СПб., 2006. 457 с. (Сер. «Кольцо власти»).
19. *Висландер, Джсуджа; Висландер, Томас; Нордквист, Свен*. Мама Му на качелях: Рассказы / Пер. со швед. СПб., 2006. 56 с. (Сер. «Очень прикольная книга») (совм. с В. Роньшиным).

3. Редактирование

1. *Svane G. O.* Grundbog i russisk grammatik. København, 1963. 348 s. (Ред. текстов на рус. яз., совм. с Н. Введенской, Э. Переслегиной).
2. *Stief C., Svane G. O.* Russiske tekster. København, 1963. Bd 1. 163 s. (Ред. текстов на рус. яз., совм. с Н. Введенской, Э. Переслегиной).

3. Инструкция по русской передаче географических названий Дании. М., 1974. 40 с.
4. Х. К. Андерсен в России: Семинар в Санкт-Петербургском государственном университете 17 мая 1996 г. Копенгаген, 1996. 66 с.
5. H. C. Andersen i Rusland: Bidrag til et symposium på Skt. Petersborgs Universitet 17. maj 1996. Aarhus, 1997. 75 с.
6. Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 16–22 марта 1998 г. Санкт-Петербург. Вып. 4: Секция лексикологии, фразеологии и теории перевода (романо-германский цикл). СПб., 1998. 65 с.
7. Кафедра скандинавской филологии: Учебные программы. СПб., 1999. 95 с.
8. Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 15–22 марта 1999 г. Санкт-Петербург. Вып. 3: Секция лексикологии и фразеологии (романо-германский цикл). СПб., 1999. 77 с.
9. Скандинавская филология = Scandinavica. СПб., 1999. Вып. VI. 193 с.
10. Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 13–18 марта 2000 г. Санкт-Петербург. Вып. 3: Секция лексикологии и фразеологии (романо-германский цикл). СПб., 2000. Ч. 1+2. 42+43 с.
11. Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 1–17 марта 2001 г. Санкт-Петербург. Вып. 4: Секция лексикологии и фразеологии (романо-германский цикл). СПб., 2001. Ч. 1+2. 65+57 с. (2,97+2,67 а. л.).
12. Материалы XXXI всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 11–16 марта 2002 г. Санкт-Петербург. Вып. 1: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). СПб., 2002. Ч. 1+2. 49+46 с.
13. Материалы XXXII международной филологической конференции. 11–15 марта 2003 г. Санкт-Петербург. Вып. 3: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). СПб., 2003. Ч. 1+2. 53+54 с.
14. Philologica Scandinavica: Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. 257 с.
15. XXXIII международная филологическая конференция. 15–20 марта 2004 г. Санкт-Петербург. Вып. 1: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). СПб., 2004. Ч. 1+2. 58+50 с.
16. Скандинавская филология = Scandinavica. СПб., 2004. Вып. VII. 200 с.
17. XXXIV международная филологическая конференция. 14–19 марта 2005 г. Санкт-Петербург. Вып. 4: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). СПб., 2005. Ч. 1+2+3. 50+55+54 с.
18. Кафедра скандинавской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета: Очерк истории; Преподаватели. СПб., 2005. 40 с.
19. *Ruesto, Харальд*. Маленький город и война: Вадсё в 1941–1945 гг. СПб., 2005. 320 с. (Ред. пер. с норв.).
20. Скандинавские чтения 2005 года. СПб., 2005. 180 с.

21. Кафедра скандинавской филологии: Шведское отделение: Учебные программы. СПб., 2006. 68 с.
22. Скандинавская филология = Scandinavica. СПб., 2006. Вып. 8. 206 с.
23. XXXV международная филологическая конференция. 13–18 марта 2006 г. Санкт-Петербург. Вып. 2: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). СПб., 2006. Ч. 1+2+3. 54+54+54 с.

4. Издательское рецензирование

1. *Маслова-Лашанская С. С., Толстая Н. Н.* Учебник шведского языка (для студентов ун-тов). Л., 1981. 423 с.; 2-е изд. СПб., 1995. 271 с.; 3-е изд. СПб., 2001. 377 с.; 4-е изд. СПб., 2005. 377 с.
2. *Маслова-Лашанская С. С., Савицкая А. В.* Учебные задания по истории шведского языка: Древнешведский период. Л., 1986. 30 с.
3. *Берков В. П.* Норвежская лексикология. СПб., 1994. 185 с.
4. *Берков В. П.* Двуязычная лексикография. СПб., 1996. 248 с.; 2-е изд. М., 2004. 236 с.
5. *Берков В. П.* Современные германские языки. СПб., 1996. 296 с.

5. Кандидатские диссертации, написанные под руководством Б. С. Жарова

1. Краснова Елена Всеволодовна «Датские гласные (Экспериментально-фонетическое исследование)». (Защита: Л., ЛГУ, 1985).
2. Кульчицкий Евгений Алексеевич «Сложноподчиненные предложения с придаточным времени в современном датском языке». (Защита: Л., ЛГУ, 1986).
3. Мирецкий Игорь Андреевич «Семантика фазовых глаголов современного датского языка». (Защита: СПб., СПбГУ, 2003).
4. Фефилова Александра Константиновна «Репрезентация категории эмотивности в публицистических текстах (на материале шведских газет «Дагенс Нюхетер» и «Свенска Дагбладет»)». (Защита: СПб., СПбГУ, 2006).

В. П. Берков

ОБ ИМПЛИЦИТНОМ В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ

В силу различных причин вместо эксплицитных указаний на сферу применения эквивалентов в двуязычных словарях довольно часто встречается подача имплицитная. Под последней подразумевается такая подача, когда при лемме приводятся только эквиваленты и когда пользователю самому предоставляется решать, в каких случаях используется та или иная из нескольких приведенных подач. В этой заметке будет идти речь не об отдельных словах (впрочем, в них имплицитная подача также очень широко используется, но сейчас эти случаи рассматриваться не будут), а о словосочетаниях, причем очень частотных.

В качестве примеров будут взяты передачи словосочетаний глаголов со значением 'иметь' в словарях с входными германскими языками (англ. *have*, нем. *haben*, шв., норв. *ha*, дат. *have*, нид. *hebben* и т. д.) и выходным русским (для краткости они все вместе будут называться ниже германско-русскими словарями) и словари с входным русским языком и выходными германскими языками (для краткости называемые русско-германскими словарями).

Положение осложняется тем, что в русском языке конструкциям с названными выше германскими глаголами, в частности, соответствуют две, которые условно можно назвать «у меня есть...» и «у меня...», ср.: *у меня есть машина* и *у меня температура*. Сюда же относятся две конструкции с предлогом *в* типа *в доме однокомнатные квартиры* и *в доме есть однокомнатные квартиры*.

Дополнительная сложность заключается в том, что если русские конструкции с *есть* естественно поместить в русско-германском словаре под этим словом (под этой леммой), то конструкции без *есть* (*у нее грипп; в лесу высокие деревья*) можно поместить только в статью, посвященной предлогам *у* и *в*.

Как известно, изучающие русский язык весьма часто допускают ошибки в употреблении конструкций с *есть* и без *есть*, например говорят **у меня есть грипп* (вместо правильного: *у меня грипп*) и **я не тороплюсь, у меня время* (правильно: *... у меня есть время*). В этой заметке делается попытка сформулировать правила того, в каких случаях следует употреблять *есть*, а в каких нет, и сформулировать на этом примере некоторые выводы для двуязычной лексикографии.

Различные употребления конструкций с *есть* и конструкций без *есть* многообразны, так что свести их к нескольким кратким и полностью понятным для неподготовленного потребителя словаря правилам, которые охватывали бы все случаи, затруднительно. В целом, конечно, можно сказать, что конструкции с *есть* обозначают обладание, тогда как конструкции без *есть* выражают характеристику путем констатации наличия той или иной постоянной или временной черты какого-либо объекта. Однако эта краткая формулировка далеко не охватывает всех случаев и потому недостаточно инструктивна, что будет показано ниже.

Обратимся поэтому для начала к анализу русских конструкций с *есть* и без *есть* (анализ не охватывает слишком частные случаи).

0. Предварительные замечания

0.1. Конструкция типа *у него грипп* — будет ниже для краткости называться безглагольной, конструкция типа *у него есть машина* — глагольной.

0.2. Рассматриваемое различие характерно только для настоящего времени и только для не-отрицательных или вопросительных предложений.

0.3. В принципе дистрибуцию данных конструкций можно рассматривать двумя способами: а) от значения к форме и б) от формы к значению. По ряду соображений избран второй способ.

0.4. Перед идиомами ставится знак °.

0.5. Перед неправильными предложениями ставится знак *.

І. БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

1. Безглагольная конструкция

Безглагольная конструкция в основном используется тогда, когда речь идет о частях, чертах объекта (1–4). Она используется в следующих случаях:

1.1. Подлежащее обозначает **неотъемлемую, в норме всегда наличествующую, естественную часть какого-либо объекта**. Подлежащее при этом **имеет определение** (прилагательное, числительное, существительное с предлогом и др.), поскольку предложения, констатирующие наличие того, чего в норме не может не быть, практически не употребляются (ни безглагольные, ни глагольные). Например, в речи едва ли реально используются предложения типа *у него (есть) рот / (есть) спина* (ср., однако: *у него есть голова на плечах*, см. 2.4); *у стола (есть) ноги*;

у нее хорошая фигура;
у него широкие плечи / крепкие нервы;
у стола три ноги;
у этой машины пять дверей / пять скоростей;
у нее язык без костей.

То же, когда речь идет о функциях каких-либо органов живого существа, о его физиологических характеристиках:

у него хорошее зрение;
у слепых тонкое осязание.

Из этих примеров видно, что безглагольная конструкция употребляется в тех случаях, когда нечто обязательно имеется и возможен только один вариант качества из нескольких. Напротив, если возможны разные качества этого элемента или если нечто может иметься, но может и отсутствовать, используется глагольная конструкция. Ср.:

а) **у этой машины (есть) мотор* (машин без мотора не бывает) // *у этой машины сильный/слабый мотор*;

б) *у этой машины есть кондиционер* (у машины может и не быть кондиционера).

Другой пример. Слух (способность воспринимать звуки) есть (в норме) у каждого человека, тогда как музыкальный слух может отсутствовать. Поэтому, если речь идет об обычном слухе, говорится:

у него слабый/прекрасный слух (ср. **у него слух = он может слышать*).

Если же речь идет о наличии музыкального слуха, говорится:

у него есть (музыкальный) слух.

Но и в последнем случае *есть* отсутствует, если имеется определение:

у него абсолютный слух.

То же при метафорическом употреблении слов, обозначающих части тела, или слов, дающих физическую или психическую характеристику человека:

*у нее доброе сердце / черствая душа;
у него прекрасная мускулатура / острый ум / железная воля.*

Значение ‘хороший, замечательный и т.п.’ может не выражаться эксплицитно:

какая у него (прекрасная) память! / ну и память у него!

Вместе с тем если подчеркивается наличие чего-л. (особенно каких-л. достоинств или характерных черт), может использоваться глагольная конструкция (но не обязательно):

он лучший кандидат на эту должность: у него (есть) врожденный такт.

1.2. Подлежащее обозначает **характерную (необязательную) черту, особенность:**

у нее на щеке шрам/родимое пятно;
у него сутулая спина;
у нее стройная фигура.

Подлежащее во множественном числе употребляется, однако, с обеими конструкциями, в вопросительных предложениях предпочтительна глагольная конструкция:

у девочки (есть) веснушки;
у меня (есть) несколько шрамов на лице;
у него уже есть лысина?

Очевидно, что грань между 1.1 и 1.2 в известной мере условна.

1.3. Подлежащее обозначает какое-л. **состояние**:

1.3.1. **Болезнь** (острую или хроническую):

у меня грипп/приступ радикулита;
у него близорукость/астма;
у него слабое здоровье;
у нее (повышенное (кровяное)) давление/аллергия;
у ребенка (повышенная) температура.

Как видно из последних двух примеров, определения типа ‘повышенный’ могут опускаться.

1.3.1.1. Неупотребительность предложений, констатирующих наличие неотъемлемой в норме части тела или органа (см. 1.1), позволяет использовать их в специфическом значении — обозначении постоянного или временного **болезненного (патологического) состояния** этой **части тела** или этого **органа**. Такое употребление характерно **только для разговорной речи**:

(он этого не ест:) у него желудок/почки;
у нее нервы;
у ребенка ушки/зубки.

1.3.2. **Психическое состояние** (также о событии, которое вызвало это состояние):

у него хорошее настроение/депрессия;

*у нас в семье радость/праздник;
у сестры большое горе/беда.*

1.4. (Предстоящее) дело, (ожидаемое или наступившее) событие, (постоянное) занятие и т. п.:

*у брата сегодня экзамен/собрание;
[преподаватель:] у меня по средам лекции на втором курсе / в этом семестре у меня история языка;
[студент:] сегодня у нас письменный перевод и античная литература;
у меня завтра трудный день;
у Павловых сегодня свадьба/гости;
у директора сейчас заседание/посетитель;
у отца срочная работа.*

1.5. О каком-либо существе, обитающем у кого-л. в доме, в хозяйстве, и т. п.; глагольная конструкция также возможна:

*у нас дома (есть) кошка / (есть) собака;
у них (есть) две коровы, три козы, гуси и куры.*

Ср. вопросительные предложения, в которых обязательно используется глагольная конструкция:

у вас есть кошка?

1.6. О чем-л., (временно) находящемся в чьем-л. распоряжении:

Тебя подвезти? — Нет спасибо, у меня сегодня машина (ср.: у меня есть машина, см. 2.1).

1.7. Когда наличие кого-л. или чего-л. называется как причина поведения, отношения, поступка, образа жизни и т. п.:

*она сейчас не работает: у нее грудной ребенок;
он не сможет прийти: в это время у него работа / у него;
сейчас срочная работа (ср. у него есть работа, см. 2.2);
он много работает — у него семья (ср. у него есть семья, см. 2.3).*

2. Глагольная конструкция

Глагольная конструкция, и только она, используется в перечисляемых ниже случаях.

2.1. Когда говорится о чем-л., находящемся в чьем-л. (длительном или постоянном) владении:

у него есть машина;
у вас есть телефон?;
у нее есть русско-исландский словарь.

При наличии количественного или качественного определения, однако, связка обычно опускается:

у них в семье две машины;
у него много словарей;
у меня новый телефон (= новый номер телефона).

2.2. Когда сообщается о чем-л., чем лицо располагает в данный момент:

у меня есть время?;
у него есть работа (ср. у него (есть) хорошая работа);
у меня есть (при себе) деньги;
у тебя есть чем и на чем записать номер моего телефона?

2.3. Когда говорится о людях, находящихся в определенных отношениях с кем-л., например, родственниках, друзьях, помощниках и т. п.:

у тебя есть братья?;
у нее есть дети (ср. 1.7);
ты женат? у тебя есть семья? (ср. 1.7);
как у всякого независимого человека, у него есть враги.

При наличии количественного определения связка факультативна:

у директора (есть) три заместителя;
у доктора (есть) два ассистента;
у старинушки три сына (П. Ершов).

2.4. При подчеркивании, что кто-л. хорошо воспринимает (видит, слышит), понимает, порядочен и т. п.; предложение в таких случаях иногда оформляется как констатация наличия того или иного органа или части тела, о функции которого идет речь:

у меня есть глаза, я все вижу;
у нее есть совесть;
у него есть голова на плечах;
у тебя своя голова есть?;
у стен есть уши.

2.5. О ком-л., чем-л., встречающемся, случающемся или имеющемся где-л. (обычно с предлогом в):

есть (= встречаются) женщины в русских селеньях... (Н. Некрасов);
есть (= встречаются, бывают) такие люди, которые всегда всем недовольны есть (= бывают) в жизни человека минуты, когда...;
в С.-Петербурге (есть) много музеев.

II. АЛЬТЕРНАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

3. Параллельное употребление глагольной и безглагольной конструкций без различия в значении

3.1. Когда сообщается о наличии проблем, вопросов, недостатков, комментариев и аналогичного:

у меня (есть) вопрос;
у меня (есть) проблема;
у вас (есть) проблемы?;
у него проблемы (реже есть проблемы) со здоровьем;
у этой машины (есть) один недостаток;
у меня (есть) замечание.

4. Параллельное употребление глагольной и безглагольной конструкций с различием в значении

4.1. Безглагольная конструкция (с предлогом *в*) обозначает (более или менее) полный, преобладающий охват множества, глагольная — неполный. Так, предложение *в этом лесу высокие деревья* означает, что все деревья, растущие в этом лесу, или по крайней мере бóльшая их часть, высокие, тогда как предложение *в этом лесу есть высокие деревья* имеет значение ‘среди деревьев, растущих в этом лесу, есть как высокие деревья, так и иные’:

в нашем доме однокомнатные квартиры / в нашем доме (есть) только однокомнатные квартиры // ≠ в нашем доме есть однокомнатные квартиры;

в команде сильные лыжники // ≠ в команде есть сильные лыжники; у бабушки седые волосы // ему всего 30 лет, но у него уже есть седые волосы.

4.2. Глагольная конструкция обозначает владение, (временное) обладание каким-л. предметом, безглагольная — нахождение данного предмета у кого-л. в данный момент. Примеры:

Преподаватель спрашивает студента: *у вас есть датско-русский словарь?* (= вы имеете — вообще или в данный момент — датско-русский словарь?). Сотрудник, не обнаруживший на полке нужный ему словарь, спрашивает коллег: *у кого датско-русский словарь?* (= кто взял датско-русский словарь?):

у вас есть ключ от кабинета? // у вас ключ от кабинета?

4.3. Глагольная конструкция обозначает наличие данного признака в сильной степени, безглагольная — произносимая с особой интонацией — имеет значение неординарности, своеобразия данного признака. Например, предложение *у нее есть характер* означает, что данное лицо обладает твердым и т. п. характером, а предложение *у нее характер* — что у данного лица трудный характер, ≈ ‘ну и характер у нее’; ср.: *она всегда добивается того, что хочет: у нее есть характер* и *с ней нелегко иметь дело: у нее характер*.

Просмотренные нами словари — германско-русские и русско-германские — в целом не проводят различия между столь важными конструкциями. Лишь в некоторых случаях приводится большое количество примеров, из которых пользователь **сам** должен вывести правила дистрибуции рассматриваемых конструкций.

Для лексикографической работы весьма важным представляется следующее обстоятельство. Описанное выше распределение русских соответствий германским глаголам со значением ‘иметь’, насколько нам известно, нигде не описано. Конечно, возможно, что оно где-то существует (в чем нет уверенности), но — и об этом нам уже доводилось писать — лексикограф, как правило, работающий в условиях цейтнота, просто не имеет возможности искать в библиотеках такой материал, тем более что положительный результат таких поисков заранее не задан. Однако если такое описание и существует, то наверняка не в том виде, чтобы его можно было непосредственно использовать в двуязычном словаре.

* * *

Переходим к лексикографическому аспекту проблемы. Самоочевидно, что в отношении подачи рассматриваемых русских конструкций русско-германские и германско-русские словари находятся в разном положении: в большинстве случаев русские глагольные и безглагольные конструкции передаются при помощи глаголов со значением ‘иметь’ (have, haben, ha, hebben, hafa и т. д.), тогда как германские конструкции передаются по-разному.

Примечание. В переводе рассматриваемых русских конструкций на германские языки особую трудность представляет собой для русского пользователя употребление артикля, ср., норв., *han har en slektning i Bergen* ‘у него есть родственник в Бергене’ и *han har bil* ‘у него есть машина’. Есть, далее, известные отличия в отношении использования артикля при передаче этих конструкций на различные германские языки. Это — особая тема, которая здесь рассматриваться не будет.

Будем исходить из того, что имплицитная подача описанного выше русского материала с переводами (т. е. подача «германское предложение — русское предложение» без комментариев), заставляющая, как уже было сказано, пользователя словаря самостоятельно выводить правило выбора одной из названных выше конструкций, в ряде случаев неэффективна.

(Отметим в скобках, что не стоит переоценивать «лингвистическую сообразительность» пользователя словаря. Это относится порой даже к самым элементарным фактам родного языка. Так, на семинарах по общему языкознанию многие русские студенты затрудняются вывести правило дистрибуции вариантов возвратного суффикса *-ся/-сь*, хотя правило здесь совершенно простое: *-ся* после согласных, *-сь* после гласных, ср.: *лечусь, лечишься, лечится, лечимся, лечитесь, лечатся*).

Начнем рассмотрение лексикографической стороны вопроса с более трудного случая — передачи рассмотренных русских конструкций в германско-русских словарях. С одной стороны, ограниченность места в словаре требует наиболее краткой подачи, с другой — пользователю необходимы максимально доступные пояснения. В случаях, когда для передачи одного и того же смысла возможны как безглагольный, так и глагольный эквивалент, элемент *есть* дается в скобках.

Подчеркнем, что в этой части заметки предлагаются только *возможные* решения, на которых автор никоим образом не настаивает. Естественно, количество примеров по сравнению с первой частью заметки сведено до минимума.

Пояснения, конечно, должны даваться на языке активного пользователя словаря. Ниже, однако, в интересах разных групп читателей этой заметки они даются по-русски. Впрочем, о делении двуязычных словарей на активные и пассивные см. ниже.

Итак, возможные решения таковы:

у [*см также* есть II ...] <...>

а) (о неотъемлемой, естественной части кого-л. или чего-л.; как правило, с определением); *у него широкие плечи...*; *у автомашины пять скоростей...*; (однако при факультативном наличии какой-л. части используется *есть*) *у этой машины есть кондиционер...*; (о функции органа живого существа, его характеристике; как правило с определением) *у нее слабое зрение...*; *у него абсолютный слух*; (при физической или психологической характеристике используется *есть*) *у него есть музыкальный слух...*; (при обозначении характерной (необязательной) черты, особенности) *у него на щеке шрам...*;

б) (о чем-л., (временно) находящемся в чьем-л. распоряжении) *Тебя подвезти? — Нет, спасибо, у меня машина...* (ср. ниже: *у меня есть машина*);

в) (при обозначении состояния — болезни (острой или хронической, психического состояния)) *у него грипп...; у нее (повышенная) температура...; у нее депрессия...; (о (предстоящем) деле, (ожидаемом) событии и т. п.) у брата сегодня экзамен/собрание/трудный день...;*

г) (о каком-л. существе, обитающем у кого-л. в доме, в хозяйстве и т. п.) *у нас дома (есть) собака;*

д) (о чем-л., чем лицо располагает в данный момент) *у тебя есть время?; у него есть работа (ср.: у него (есть) хорошая работа)...; у кого (=кто взял) русско-датский словарь?..*

есть [см. также у ...] <...>

а) (о чем-л., находящемся в чем-л. (длительном или постоянном) владении, используется *есть*; однако при наличии количественного или качественного определения *есть* обычно опускается) *у него есть машина...; у них в семье две машины...; у меня новый телефон (т. е. новый номер телефона)...; у кого есть (= кто имеет) русско-испанский словарь?.. (ср. у ...);*

б) (о чем-л., чем лицо располагает в данный момент или у кого этот предмет находится) *у тебя есть время?...; у него есть работа (ср.: у него (есть) хорошая работа)...; у кого есть (= у кого имеется) русско-исландский словарь?.. (ср. у ...);*

в) (о людях, находящихся в определенных отношениях с кем-л., например, родственниках, друзьях, помощниках и т. п.) *у тебя есть братья?...; у нее есть дети...; у меня есть надежный друг...; (при наличии количественного определения связка факультативна) у директора (есть) три заместителя...;*

г) (при подчеркивании, что кто-л. хорошо воспринимает (видит, слышит), понимает, порядочен и т. п.; предложение в таких случаях часто оформляется как констатация наличия того или иного органа или части тела, о реальной или мнимой функции которого идет речь) *у меня есть глаза, я все вижу...; °у него есть голова на плечах...; °и у стен есть уши...;*

д) (о ком-л., чем-л., встречающемся, случающемся или имеющемся где-л.) *есть (= встречаются) женичины в русских селеньях (Н. Некрасов)...; есть (= бывают) в жизни человека минуты, когда...; в С.-Петербурге (есть) много музеев...;*

е) (о наличии проблем, вопросов, недостатков, комментариев и аналогичного) *у меня (есть) вопрос/замечание...; у меня (есть) про-*

блема...; у него проблемы (также есть проблемы) со здоровьем...; у этой машины (есть) один недостаток...

В <...>

(конструкция с *есть* обозначает (более или менее) неполный охват множества, без *есть* — полный или преобладающий) *в этом лесу высокие деревья (= все деревья, в этом лесу или большая их часть, высокие)...*; *в этом лесу есть высокие деревья (= среди деревьев в этом лесу есть как высокие, так и иные)...*; *у бабушки седые волосы...*; *ему всего 30 лет, но у него уже есть седые волосы...*

На первый взгляд представляется, что, необходимость в подобно-го рода пояснениях зависит от адресата словаря: пассивному пользователю, т. е. тому, кто переводит с иностранного языка на родной, нужна информация, значительно меньшая по объему, нежели пользователю активному, т. е. тому, кто переводит с родного языка на иностранный. Действительно, норвежцу, пользующемуся норвежско-русским словарем, не составит труда правильно перевести с помощью глагола *ha* русские предложения *у нас есть телевизор; у меня грипп; у нее взрослые дети* и т. д. Однако здесь существенны два соображения. Во-первых, как неоднократно приходилось подчеркивать, двуязычный словарь — не только орудие перевода, но и важнейший учебник иностранного языка. Поэтому различия в переводе на иностранный язык предложений *у меня есть время* и *у меня грипп* пользователь почерпнет, скорее всего, из словаря. Во-вторых, для подавляющего большинства пар языков (А и Б) создание четырех словарей (А → Б, Б → А для носителей языка А и А → Б, Б → А для носителей языка Б) практически нереально, вследствие чего для конкретной пары языков (А, Б) возможны только два словаря — активные для одной категории пользователей и одновременно пассивные для другой и *vice versa*.

Конечно, развернутые пояснения, подобные приведенным, требуют немало места в словаре. Но важным моментам перевода в словарях должно уделяться столько внимания, сколько требуется. Хотя, конечно, ясно, что все частные случаи отразить невозможно. Повторим концовку одной нашей статьи по словарным вопросам: лексикография остается пока искусством возможного.

И. Б. Брагусь
ОБ ОДНОЙ КОНСТРУКЦИИ
С НИДЕРЛАНДСКИМИ ПОЗИЦИОННЫМИ
ГЛАГОЛАМИ

Четыре нидерландских позиционных глагола *staan* ‘стоять’, *zitten* ‘сидеть’, *liggen* ‘лежать’, *hangen* ‘висеть’, как и аналогичные глаголы в других языках, называют в своем прототипическом значении определенный способ расположения предмета в пространстве.

Пространственная ориентация предмета может варьироваться в зависимости от свойств и параметров самого предмета, а также от характера локализатора, что и определяет выбор глагола, который, в свою очередь, способен лексически ослабляться и по значению приближаться к бытийному¹.

Обычная семантическая модель, с помощью которой описывается локативная ситуация с этими глаголами, представлена двумя модификациями:

- (1) *De doos staat in de gang. Коробка стоит в коридоре.*
Het boek ligt op de vloer. Книга лежит на полу.
Het boek zit in de tas. Книга в сумке.
De foto hangt aan de wand. Фотография висит на стене.

---

¹ См.: *Toorn M. C., van den.* Over de semantische kenmerken van *staan*, *liggen* en *zitten* // *De Nieuwe Taalgids*. 1972. N 6. P. 458–464; *Lemmens M.* The semantic network of Dutch posture verbs // *The Linguistics of Sitting, Standing and Lying* / Ed. J. Newman. Amsterdam, 2002. P. 103–139; *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983. С. 100–126.

- (2) Er staat een doos in de gang. *В коридоре стоит коробка.*
 Er ligt een boek op de vloer. *На полу лежит книга.*
 Er zit een boek in de tas. *В сумке есть книга.*
 Er hangt een foto aan de muur. *На стене висит фотография.*

Различаются эти модификации актуальным членением. В (1) подлежащее является темой, а сказуемое и обстоятельство — ремой (ответ на вопрос о местонахождении предмета: *Waar is de doos/het boek/de foto?*). В (2) за счет имеющейся в нидерландском языке конструкции *er vf* (близкой, но не тождественной англ. *there to be*) подлежащее актуализовано и выступает в качестве ремы².

Объединяет же (1) и (2) диатеза, которая у позиционных глаголов обычно является прямой (по другой терминологии — исходной³), когда каждому из участников ситуации соответствует свой «канонический» член предложения, в данном случае субъект выражен подлежащим, а пространственный локализатор — обстоятельственной предложной группой.

Помимо приведенной выше модели в нидерландском языке имеет широкое распространение конструкция с нетипичной для позиционных глаголов диатезой, представленная предложениями типа:

- (3) De gang staat vol met dozen. *Коридор заставлен коробками.*
 De vloer ligt vol met boeken. *Пол завален книгами.*
 De tas zit vol met boeken. *Сумка заполнена книгами.*
 De muur hangt vol met foto's. *Стена увешана фотографиями.*

Значение этих предложений интерпретируется как состояние, при котором предмет покрывает некую поверхность или заполняет некий объем. При этом сам предмет представлен как множественный (3), собирательный (4) или абстрактный (5):

- (4) De bermen liggen vol met afval. *Обочины завалены мусором.*
 (5) De verhalen zitten vol met magie. *Рассказы наполнены волшебством.*

²См.: Белоусов В. О. Предложения современного нидерландского языка, включающие в свой состав структурное обстоятельство *er*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.

³См., напр.: Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Специфика такого рода предложений состоит в том, что подлежащее в них называет пространственный локализатор, т. е. создается из обстоятельства места, а позиция субъекта замещается косвенным дополнением. Таким образом, по сравнению с прямой диатезой происходит перераспределение соотношения синтаксических и семантических ролей, причем в глаголе это изменение морфологически не отражается. Можно назвать эту диатезу обратной. Она не соответствует никакому залогу и представляет собой особенность лишь четырех позиционных глаголов.

Такая конструкция возможна только при условии, что субъект состояния в восприятии наблюдателя целиком покрывает поверхность или заполняет объем. Поэтому важным структурным элементом этой модели является наречный показатель *vol* ‘целиком’, ‘полностью’ (или реже его синонимы), который вступает в тесную связь с глаголом.

Выбор позиционного глагола для описания ситуации происходит на тех же основаниях, что и при прямой диатезе, т. е. он мотивирован свойствами субъекта и локализатора. Так, на поверхности стола предметы могут *стоять*:

(6) *De tafel staat vol met glazen. Стол заставлен стаканами.*

и *лежать*:

(7) *De tafel ligt vol met boeken. Стол завален книгами.*

В водном пространстве предметы в статичном состоянии по-нидерландски *лежат*:

(8) *De haven ligt vol met jachten. Гавань заполнена яхтами.*

В замкнутом пространстве (вместилище) предметы по-нидерландски *сидят*⁴:

(9) *Mijn hoofd zit vol met ideeën. Моя голова полна идей.*

---

⁴Интересные наблюдения по поводу нидерландского *zitten* и русского *сидеть* приведены в статье: *Рахилина Е. В., Lettens М.* Русистика и типология: лексическая семантика глаголов со значением ‘сидеть’ в русском и нидерландском // *Russian Linguistics*. 2003. Vol. 27. N 3. P. 313–327.

Хотя если речь идет о помещении, то в нем предметы могут располагаться по-разному и описываться разными глаголами:

(10) De kelder staat vol met kasten. *Подвал заставлен шкафами.*

(11) De kamer zit vol met speelgoed. *Комната полна игрушек.*

(12) De winkel hangt vol met hammen en worsten. *Магазин увешан ветчинами и колбасами.*

(13) Het huis ligt en hangt vol met tapijten. *Дом застлан и увешан коврами.*

В плане актуального членения темой предложений является подлежащее, а глагол-сказуемое вместе с дополнением входит в рему. При процедуре трансформирования предложений с обратной диатезой в предложении с прямой диатезой изменяются синтаксические отношения, в то время как субъект остается в составе ремы, а локализатор — в составе темы:

(6a) Er staan heel veel glazen op de tafel. *На столе стоит множество стаканов.*

(7a) Er liggen heel veel boeken op de tafel. *На столе лежит множество книг и т. д.*

Если в описываемой ситуации субъект состояния известен, очевиден или его конкретизация оказывается неважной, то он может опускаться, и тогда формально предложение, утрачивая дополнение, становится бессубъектным. Позиционный глагол в таких случаях подсказывает имя предмета, который в этом месте обычно располагается соответствующим образом. Подобные предложения, как правило, включают в свой состав усилительные варианты наречия vol.

(14) De dansvloer staat stampvol/propvol/bomvol/tjokvol. *Танцплощадка заполнена до отказа (стоящими людьми).*

(15) Het strand ligt bomvol. *Пляж заполнен до отказа (лежащими людьми).*

(16) De tribune zit tjokvol. *Трибуна переполнена (сидящими зрителями).*

(17) De kleerkast hangt propvol. *Гардероб заполнен до отказа (висящей одеждой).*

При трансформации этот субъект восстанавливается:

(14a) *Er staan heel veel mensen op de dansvloer.*

(15a) *Er liggen heel veel mensen op het strand* и т. д.

Представляется, что рассмотренная конструкция позволяет расширить наши знания о семантико-синтаксических возможностях позиционных глаголов.

Е. А. Гурова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ -FULD: КОМПОНЕНТ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ИЛИ СУФФИКС?

Известно, что ряд суффиксов возник в результате диахронического развития некогда полнозначных компонентов сложных слов, которые давали длинные ряды однотипных образований, вследствие чего у многократно повторяющегося компонента выделялось определенное словообразовательное значение и, таким образом, осуществился переход компонента в разряд аффиксов. В датском языке такому процессу подверглись, например, суффиксы *-dom* и *-skab*. Данный процесс наблюдается и в настоящее время, причем он идет с разной скоростью у разных словообразовательных элементов. На каждом временном отрезке можно выявить элементы, прошедшие разные пути и находящиеся на данном этапе языкового развития на стадии либо частотного компонента сложных слов, либо полусуффикса, либо суффикса.

Данная статья посвящена рассмотрению прилагательных со вторым элементом *-fuld* с целью установить большую или меньшую близость элемента к компонентам композитов или суффиксам. Анализ собранного материала осуществляется последовательно, в несколько этапов, с диахронической и синхронической точки зрения. На первом этапе выявляются особенности внутренней формальной и семантической валентности исследуемого элемента, далее определяются синтаксические и лексические потенции производных с формантом *-fuld*. Заключительный этап состоит в определении статуса

конкретного элемента, выявлении различного рода ограничений, накладываемых на данную модель, а также в определении ее продуктивности.

В качестве исторического материала была использована электронная версия 28-томного «Словаря датского языка» («Ordbog over det danske sprog») (ODS)¹, охватывающего временной период с 1700 по 1955 г. и, таким образом, иллюстрирующего датскую лексику позднего новодатского периода (Yngre Nydansk). Новые поисковые возможности позволили осуществить сплошную выборку прилагательных по второму элементу. Кроме этого, для этимологической характеристики модели привлекались данные «Истории датского языка» («Det danske sprogs historie») П. Скаутрупа (DSH)² и «Этимологического словаря датского языка» («Dansk etymologisk ordbog») (EO)³.

С помощью электронной версии ODS методом сплошной выборки было выявлено 289 прилагательных со вторым элементом *-fuld* (значение свободного аналога «полный, наполненный»).

Внутренняя формальная валентность элемента *-fuld*

Этимологическая характеристика

Прилагательное *fuld* относится к общегерманской лексике. Ср.: гот. *fulls*, др.-исл. *fullr*, др.-в.-нем. *fol(l)*, др.-англ. *full*. Происходит от герм. **fulla-* ‘наполнять, наливать, течь’. Модель с *-fuld* является довольно древней словообразовательной моделью. В соответствии с данными DSH модель встречается уже в раннем среднедатском (Ældre Middeldansk 1100–1350): *angæt(s)ful* ‘полный раскаяния’, *etærful* ‘злой, полный яда’, *watnsfull* ‘полный воды’. В позднем среднедатском (Yngre Middeldansk 1350–1500) отмечается высокая продуктивность модели. П. Скаутруп указывает также на то, что в переводах религиозных текстов *-fuld* приобретает характер суффикса: *grenefuld* = *grenet* ‘ветвистый’, *stenefuld* = *stenet* ‘каменистый’, *mørkefuld* ‘темный’⁴. В качестве чистого суффикса, по мнению П. Скаут-

¹ Ordbog over det danske sprog: Bd. 1–28. København, 1918–1956.

² Skautrup P. Det danske sprogs historie. Bd. 1–4. København, 1944, 1947, 1953, 1968.

³ Nielsen N. Å. Dansk Etymologisk Ordbog. København, 2004.

⁴ Skautrup P. Op. cit. Bd. 2. København, 1947. S. 94.

рупа, -fuld выступает в прилагательных *dyrefuld = dyre(bar) ‘дорогой’, *rigefuld = rig ‘богатый’. В ранний новодатский период (Ældre nydansk 1500–1700) высокая продуктивность элемента сохраняется. Рассматривая поздний новодатский период (Yngre nydansk 1700–1950), П. Скаутруп относит модель с -fuld к группе особых вторых элементов («særlige sidsteled»), которые служат образцом для создания новых слов.

Фонетическая и фонологическая характеристика

По данным ODS фонетического обособления второго элемента -fuld не происходит. В ходе исследования было выявлено фонемное тяготение компонента -fuld к следующим производящим основам: с исходом на [ə] — в 35,6% случаев, с исходом на [d] — в 10,3%, на [l] — в 8,9%, на [ð] — в 8,3%. Первые компоненты, соединяющиеся с элементом -fuld, характеризуются слоговой краткостью: односложные составили 31%, двусложные — 57%. В 29,7% случаев было зафиксировано наличие соединительных элементов. Соединительный согласный -s- присутствует в основном после суффиксов -ing, -else, -hed, -skab, -tion, -ment. В 14 случаях был выявлен соединительный гласный -e-.

Морфемно-деривационная структура основы

Анализ материала ODS позволяет сделать вывод о том, что элемент -fuld соединяется в основном с одно- и двухморфемными компонентами при преобладании первых (76,4%). Небольшую группу составили трехморфемные компоненты: *forhaabningsfuld* ‘исполненный надежд’, *opfindelsesfuld* ‘изобретательный’. В одном случае было выявлено усечение конечной гласной основы: *harmfuld* ‘возмущенный, гневный’ (ср. *harme* ‘гнев’).

Категориальные свойства сочетающихся единиц

Проведенное исследование показало, что формант -fuld соединяется в основном с субстантивными основами (98,6%). Кроме этого, были выявлены 2 адъективные (*dannisfuld* ‘хороший, порядочный,

честный’, *svimmelfuld* ‘головокружительный’) и 2 глагольные основы (*synkefuld* ‘готовый пойти ко дну, утопающий’, *ængstefuld* ‘преисполненный страха’), что, скорее всего, носит характер исключения. Среди субстантивных основ большинство составляют основы абстрактные (*visdomsfuld* ‘мудрый’, *skamfuld* ‘стыдливый, застенчивый’), а также небольшая группа конкретных (*skovfuld* ‘лесистый’, *bjergfuld* ‘гористый’).

Формальные ограничения

Таким образом, формальными ограничениями, накладываемыми на модель с *-fuld*, являются следующие:

- невозможность соединения форманта с многоморфемными образованиями (более 3 морфем);
- нетипичность соединения форманта с глагольными, адъективными и наречными основами.

Внутренняя семантическая валентность

По данным ODS прилагательное *fuld* имеет следующие значения:

1. наполненный доверху, занятый целиком. В качестве подзначения выделяется значение «содержащий в себе предельное количество чего-л.». Также отмечается, что данное значение частотно в сложных прилагательных со вторым компонентом *-fuld*, причем конкретное значение прилагательного *fuld* бледнеет, и второй элемент приобретает функцию суффикса (*aandfuld* ‘остроумный’, *bladfuld* ‘с большим количеством листьев’);
2. полный, пухлый;
3. взятый во всем объеме, во всю величину, целый;
4. полный (о луне);
5. максимальный, проявляющийся вполне, а не частично, неограниченный, ничем не стесненный;
6. законченный, прошедший, истекший;
7. законный;
8. пьяный;
9. (поэт., арх.) усилительное значение: очень, весьма, значительно.

Как указывается в ODS, значение компонента *-fuld* в составе сложных прилагательных значительно бледнеет по сравнению со свободным аналогом. По нашему мнению, в семантической структуре компонента *-fuld* можно выделить два значения:

1. обладающий (в полной мере) качеством, выраженным первым компонентом. Реализуется при абстрактных субстантивных основах: *beundringsfuld* ‘полный восхищения’;
2. обладающий чем-л. в большом количестве. Реализуется при конкретных или вещественных субстантивных основах: *blomsterfuld* ‘полный цветов’, *vædskefuld* ‘полный жидкости’.

Таким образом, сравнение семантической структуры элемента *-fuld* и его свободного аналога показало наличие частичного семантического отрыва от прилагательного *fuld* за счет ослабления основного значения прилагательного ‘полный, наполненный’. Высокая серийность модели и наличие частичного семантического отрыва от свободной лексемы позволяет отнести формант к разряду полусуффиксов.

Семантические ограничения

Проведенный анализ отобранного материала ODS позволяет говорить о семантической разнообразии субстантивных основ, соединяющихся с формантом *-fuld*. В большинстве своем основы представляют собой абстрактные существительные, обозначающие качества, состояния, явления. Небольшую группу составили основы, обозначающие конкретные неодушевленные предметы и вещества. Таким образом, можно предположить, что семантические ограничения, накладываемые на исследуемую модель, сводятся к запрету на соединение с основами, обозначающими одушевленные предметы и лиц. Кажется возможным выделить только два семантических поля, включающих производные с элементом *-fuld*:

Семантическое поле «ландшафт»: *bjergfuld* ‘гористый’, *klippefuld* ‘скалистый’, *skovfuld* ‘лесистый’, *stenfuld* ‘каменистый, полный камней’, *sandfuld* ‘песчаный’.

Семантическое поле «природные явления»: *dugfuld* ‘полный росы’, *regnfuld* ‘дождливый’, *skyggefuld* ‘тенистый, теневой’, *sludfuld* ‘дождливый, мокрый’, *snefuld* ‘покрытый снегом, полный снега’, *solfuld* ‘солнечный’, *stormfuld* ‘штормовой, бурный’.

Продуктивность

По данным DHS модель с *-fuld* относится к общегерманским словообразовательным моделям. Наличие большого количества производных с данным формантом, зафиксированных ODS, свидетельствует о высокой эмпирической продуктивности модели. Небольшие формальные и семантические ограничения говорят о том, что системная продуктивность модели также находится на довольно высоком уровне, хотя и сдерживается наличием ряда конкурирующих типов. Основными конкурирующими синонимичными типами являются модели с *-rig*, *-ig/-lig*, *-et*: *blodfuld/blodrig* ‘полнокровный’, *ordfuld/ordrig* ‘многословный’, *glædefuld/glædelig* ‘радостный’, *hjerterfuld/hjertelig* ‘сердечный’, *iverfuld/ivrig* ‘усердный’, *knudefuld/knudret* ‘узловатый’, *snavsefuld/snavset* ‘грязный’.

Выводы

Подводя итоги вышеизложенного, можно говорить о переходном характере форманта *-fuld* в исследуемом историческом периоде. С одной стороны, совпадение с основой свободно функционирующего слова, этимологическая связь с данным словом, отсутствие фонетической и морфологической изоляции, наличие соединительных элементов свидетельствуют о связи элемента с основосложением. С другой стороны, серийность модели, а также ослабление значения по сравнению со значением свободного аналога говорят о приближении модели к области аффиксации.

Однако для определения динамики в развитии модели необходимо обратиться к современному материалу. Источниками послужили тексты современной датской художественной литературы, исторические и публицистические тексты, а также обширный словарный материал. Количественные данные были получены из «Толкового словаря датского языка» («Nudansk ordbog») (NDO)⁵, электронной версии «Словаря правописания» («Retskrivningsordbogen») (RO)⁶, электронного словаря «Den danske online ordbog» (DOO)⁷ а также

⁵ Politikens Store Nye Nudansk Ordbog / Red. C. Becker-Christensen. København, 1996.

⁶ Retskrivningsordbogen på nettet. 3. udg. 1996–2002 // <http://www.dsn.dk/cgi-bin/ordbog/ronet>.

⁷ Den danske online ordbog // <http://www.doo.dk>.

обратного списка «Словаря новых слов» («Nye ord: ordbog over nye ord i dansk 1955–1998») (NO)⁸. Внешняя синтаксическая и лексическая валентности элемента определялись по данным электронных баз данных Korpus 2000 и Korpus 90⁹. Для выявления семантической характеристики элемента *-fuld* и соответствующей свободной лексики использовался «Датский словарь» («Den danske ordbog») (DO)¹⁰.

Анализ современного материала позволил выявить 113 прилагательных со вторым компонентом *-fuld*. Из них 102 зарегистрировано в ODS, таким образом, новыми, образованными по исследуемой модели, являются 11 производных. Сравнение современного языкового материала с материалом ODS дает возможность говорить о значительном сокращении (на 62%) производных с формантом *-fuld*. Кроме этого, в NO не зафиксировано ни одного нового слова в период с 1955 по 1998 г. Данные факты свидетельствуют о низкой эмпирической и системной продуктивности модели с *-fuld*, причины которой будут выявлены ниже. Как указывалось выше, модель с *-fuld* является древней общегерманской моделью. Во многих современных германских языках аналогичные модели являются неотъемлемой частью соответствующих словообразовательных систем: норв. *verdiful* ‘ценный’, швед. *ondskefull* ‘злой’, англ. *forgetful* ‘забывчивый’, нем. *taktvoll* ‘тактичный’.

Указанная модель обладает различной эмпирической и системной продуктивностью в словообразовательных системах различных германских языков, однако многие исследователи отмечают ее особый статус. Датские лингвисты издавна обращали внимание на особенности модели с *-fuld*. П. Скаутруп указывает на то, что *-fuld* употребляется в функции суффикса еще в поздний среднедатский период. Кроме этого, исследователем отмечаются стилистические особенности модели: ее характерность для литературного стиля¹¹. О. Хансен относит элемент *-fuld* к группе компонентов сложных прилагательных, которые придают прилагательным наличие признака¹². Авторы книги «Датский: Общая грамматика» относят данный элемент к продуктивным аффиксам¹³.

⁸ Jarvad P. Nye ord: ordbog over nye ord i dansk 1955–1998. København, 1999.

⁹ www.dsl.dk/korpus2000.

¹⁰ Den danske ordbog: Bd. 1–6 / V. E. Hjorth, K. Kristensen. København, 2003–2005.

¹¹ Skautrup P. Op. cit. S. 94.

¹² Hansen Å. Moderne dansk. København, 1967. S. 454.

¹³ Allan R., Holmes P., Lundskaer T. Danish: A Comprehensive grammar. London; New York, 1995. P. 532.

Внутренняя формальная валентность элемента *-fuld*

По причине выхода из употребления значительного количества производных с *-fuld* во внутренней формальной валентности модели произошли некоторые изменения при сохранении ее основных параметров. Так, сохраняется фонемное тяготение *-fuld* к следующим производящим основам: с исходом на [ə] в 29,6% случаев, с исходом на [d] — в 12,9%, на [l] — в 8,3%. Среди немногочисленных неологизмов была зафиксирована одна производная, в которой первый компонент представляет собой заимствованную основу: *succesfuld* ‘успешный’. По сравнению с диахроническим материалом увеличивается количество производных с соединительными элементами (41,6% по сравнению с 29,7%). Анализ собранного материала показал, что доля одно- и двухсложных первых компонентов незначительно уменьшается, а трехсложных увеличивается (13,8% по сравнению с 7,6%). Небольшие изменения происходят в отношении общекатегориальных свойств сочетающихся единиц. Все первые компоненты являются субстантивными, таким образом, подтверждается предположение о том, что единичные глагольные и адъективные основы являются исключением из общего правила. По сравнению с диахроническим материалом значительно снижается доля конкретных существительных за счет выхода из употребления целого ряда производных. Кроме этого, среди немногочисленных новых слов не выявлено ни одной основы, обозначающей неодушевленный конкретный предмет.

Таким образом, с формальной точки зрения элемент *-fuld* можно по-прежнему отнести к компонентам сложных слов.

Внутренняя семантическая валентность элемента *-fuld*

Авторы DO выделяют следующие значения прилагательного *fuld*:

1. наполненный доверху, занятый целиком. В качестве переносного выделяется значение ‘обладающий в полной мере качеством или свойством’. Часто данное значение встречается в сложных словах типа *undefuld* ‘прелестный’, *smertefuld* ‘болезненный, мучительный’);

2. весь, взятый во всем объеме, во всю величину;
3. максимальный, проявляющийся вполне, а не частично;
4. в состоянии алкогольного опьянения.

Сравнение значений, выделенных в ODS и DO, позволяет говорить об изменении в семантической структуре прилагательного *fuld*. Так оно не употребляется на современном этапе языкового развития в значении ‘законченный, прошедший’, ‘законный’, в усилительном значении ‘очень’. Адъективные производные типа *magtfuld* ‘мощный’, *værdifuld* ‘ценный’, как указывается в DO, соотносится со значением 1 прилагательного *fuld*. По нашему мнению, конкретное значение *-fuld* ‘наполненный, полный’ все более и более бледнеет. Таким образом, элемент *-fuld* придает прилагательным значение не столько обладания каким-либо качеством в полной мере, сколько значение просто наличия признака при характеристике свойств человека (при абстрактных основах) или неодушевленных предметов и явлений (при конкретных существительных).

Таким образом, сравнение семантических структур прилагательного *fuld* и форманта *-fuld* свидетельствует о сохранении семантической связи словообразовательного элемента со своим свободным аналогом при семантическом ослаблении основного значения.

Семантические ограничения

Сравнение современного языкового материала с данными ODS выявило значительное сокращение производных с *fuld*, которое связано с выходом из употребления значительного количества производных, в том числе по причине возобладания конкурирующих типов. Так, полностью выходит из употребления семантическое поле «ландшафт»: **bjergfuld* → *bjerget* ‘гористый’, **skovfuld* → *skovrig* ‘лесистый’, **stenfuld* → *stenet* ‘каменистый’, **sandfuld* → *sandet* ‘песчаный’. По аналогичной причине сокращается семантическое поле «природные явления»: **dugfuld* → *dugget* ‘росистый’, **snefuld* → *snedækket* ‘покрытый снегом, полный снега’, **solfuld* → *solrig* ‘солнечный’.

По данным NO, в период с 1955 по 1998 г. не было создано ни одного нового слова, образованного по исследуемой модели. Представляется, что данный факт связан в первую очередь с исчерпан-

ностью абстрактных основ, используемых в художественных текстах, а не с новыми семантическими ограничениями, накладываемыми на модель.

Внешняя формальная валентность

Анализ внешней формальной валентности прилагательных с элементом *-fuld* позволяет сделать вывод о том, что возможно как атрибутивное употребление прилагательных, так и предикативное (с глаголами-связками *være* ‘быть’, *blive* ‘становиться’, *at gøre* ‘делать’). Некоторые производные выступают в основном в предикативной функции, сочетаясь с наименованиями лиц или личными местоимениями. Материал *Korpus 2000* и текстовый материал позволяют выявить адвербиальное употребление многих прилагательных.

Внешняя лексическая валентность

По данным *Korpus 2000*, *Korpus 90*, самыми частотными прилагательными со вторым элементом *-fuld* являются: *pragfuld* ‘великолепный’, *værdifuld* ‘ценный’, *betydningsfuld* ‘важный’, *magfuld* ‘мощный’, *mangelfuld* ‘дефектный’, *smertefuld* ‘болезненный’.

Анализ внешней лексической валентности выявил зависимость лексической сочетаемости прилагательных с *-fuld* от семантического типа первого компонента. Например, прямое и переносное значения первого компонента *storm* в прилагательном *stormfuld* определяют набор семантических классов предметов, сочетающихся с данным прилагательным. Ср.: *en stormfuld nat* ‘штормовая ночь’; *en stormfuld forelskelse* ‘бурная влюбленность’. Таким образом, можно говорить об отходе прилагательных с *-fuld* от области основосложения, для которой характерно наличие смыслового центра на втором компоненте.

В большинстве случаев производные на *-fuld* сочетаются с существительными самой разнообразной семантики. В некоторых случаях лексическая сочетаемость производных оказывается ограниченной. Так, прилагательное *talentfuld* ‘талантливый’ сочетается только с наименованиями лиц. В случае с прилагательным *kødfuld* ‘мясистый’ сочетаемость ограничена кругом основ, обозначающих части тела,

животных, птиц и рыб. Среди других прилагательных с ограниченной лексической сочетаемостью можно назвать прилагательные regnfuld ‘дождливый’ (påskeuge ‘пасхальная неделя’, nat ‘ночь’, torsdag ‘четверг’, sommerdag ‘летний день’, aften ‘вечер’, efterår ‘осень’); skyggefuld ‘тенистый’ (allé ‘аллея’, veranda ‘веранда’, plads ‘место’, bøgeskov ‘буковый лес’).

Продуктивность модели

Небольшое количество выявленных новых слов с -fuld, а также тот факт, что ни одного нового слова, образованного по данной модели, не зафиксировано в NO, свидетельствуют о низкой эмпирической продуктивности исследуемой модели. Сравнение современных примеров с материалом ODS показало, что произошло перераспределение ниш, занимаемых конкурентными словообразовательными средствами, часто не в пользу модели с -fuld, что объясняет значительное сокращение производных по сравнению с материалом ODS. Новых формальных и семантических ограничений в ходе анализа выявлено не было, поэтому системная продуктивность, по-видимому, остается на высоком уровне. Как представляется, эмпирическая продуктивность ослаблена исчерпанностью абстрактных основ, используемых в художественных текстах, а также, возможно, экстралингвистическими причинами.

Выводы

Подводя итоги вышеизложенного, можно говорить о переходном статусе элемента -fuld. С одной стороны, формальные признаки указывают на тесную связь элемента с основосложением. С другой стороны, ослабление основного значения прилагательного ‘полный, наполненный’, перемещение смыслового центра на первый компонент, а также высокая серийность модели свидетельствует о близости указанного элемента к области аффиксации. Односложность элемента несомненно способствует процессу грамматикализации, однако низкая эмпирическая продуктивность, на наш взгляд, может оказаться серьезным препятствием на пути к полной грамматикализации элемента.

Е. Б. Добрынина

СТАРЫЙ АМСТЕРДАМ

(лингвострановедческий очерк)

Город каналов и мостов, свободы нравов и устойчивых традиций, множества религиозных конфессий и невероятной веротерпимости — таков Амстердам. Да и не удивительно, ведь это столица Нидерландов — королевства, которое в не таком уж далеком прошлом было республикой.

Стремление поближе познакомиться с этим необыкновенным городом побудило автора обратиться к истокам возникновения Амстердама, проследить ход его развития. Наиболее интересным в этом плане представляется период до рубежа XVII–XVIII вв. К этому сроку уже сформировались не только полноценный и гармоничный облик Амстердама (на карте (см. рис. 1) он выглядит полукружьем, исходящим от моря), но и его сущность. Городу того времени вполне соответствует определение «старый».

Основное внимание автор уделил рассмотрению материальной стороны истории, а именно городским объектам, многие из которых сохранились до наших дней. Политика и экономика остались практически за рамками исследования. Абсолютное большинство исторических объектов Амстердама, даже исчезнувших с лица земли, имеют свои названия. Для того чтобы их смысл был понятен читателю, не владеющему нидерландским языком, автор предлагает русские соответствия, в некоторых случаях сопровождая их комментариями¹.

---

¹ Все русские соответствия нидерландским словам и названиям предложены автором, для толкования использовались следующие словари: van Dale Groot woordenboek der

Рис. 1. План современного Амстердама. Фрагмент

Итак, все началось со строительства дам 'дамбы' на реке Aemstel/Amstel 'Амстел' в 1170 г. (см. рис. 2, широкая перемычка на реке по центру плана соответствует месту расположения дамбы). Ее сооружение позволило лодкам и судам, заходящим в залив (точнее, в пресноводную заводь) Ij 'Эй', швартоваться в устье реки. Таким образом, часть устья от дамбы до залива превратилась в удобную гавань, куда местные рыбаки привозили улов, а торговые суда — разнообразные товары. Оживленная торговля привлекала сюда все новых и новых людей, как из округи, так и издалека.

Близость моря и обилие воды представляли для жителей не только благо, но и угрозу. Поэтому побережье залива, по обеим сторонам от устья, укреплялось *защитными насыпями* (dijken). Примечатель-

---

Nederlandse Taal — versie 1.0 Plus. CD-ROM. Van Dale Lexicografie. bv. Utrecht; Antwerpen, 2000; Het Woordenboek der Nederlandse Taal. CD-ROM. Sdu uitgevers. Den Haag. 2003.

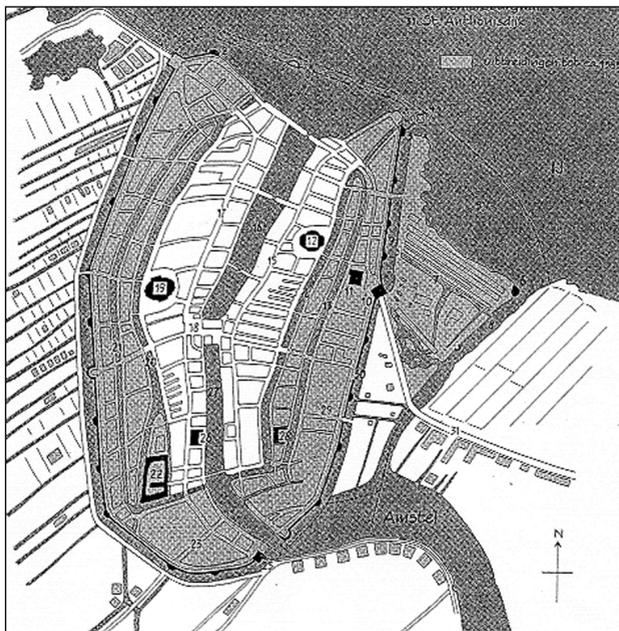

Рис. 2. План Амстердама. Около 1575 г.

но, что оба нидерландских² слова — *dam* и *dijk* — на русский язык переводятся, кроме прочего, и как *плотина*, *дамба*. Во избежание двусмысленности и недопонимания сразу отметим, что *dam* обозначает (земляную) *запруду* или *плотину*, *устроенную поперек водной артерии (т. е. перпендикулярно линии берега)*, а *dijk* — (земляной) *вал* или *плотину*, *расположенную вдоль берега*. Позже, уже в XVI в., такие *насыпные укрепления (dijken)* были сделаны в заливе на значительном расстоянии от берега. Для того чтобы морские воды не слишком быстро разрушили эти защитные сооружения, их укрепляли *частоколом из свай (pallisade)*.

К началу XIV в. гавань, дамбу (ее так и называли *Dam*) и часть реки за дамбой окружал *земляной вал (wal, omwalling)* с *частоколом из свай (palisade)*. Образовавшийся вдоль внешней стороны вала ров

² В отношении языка наравне с термином «нидерландский» употребляется термин «голландский», поскольку речь идет в том числе и о временах относительной самостоятельности Голландии.

заполнила вода. Западную часть рва расширили и превратили в *канал, отводящий воду* (wetering).

Участок Амстела от дамбы до залива достаточно прямой, такие участки рек в голландском языке обозначаются словом rak. Неслучайно это место до сих пор называется Damrak, т. е. *прямой участок реки около дамбы*. Именно оно долгое время служило Амстердаму гаванью. В районе дамбы река делает небольшой изгиб, затем течет прямо, а потом снова поворачивает, но уже круто. Для обозначения *прямого участка реки между двумя излучинами* в голландском языке вариативно употребляются слова rok, ruk. Видимо, отсюда и название участка Амстела от дамбы до крутой излучины — Rokin. Впоследствии оба названия — Damrak и Rokin — перешли и на соответствующие набережные и улицы.

Дамба соединила два берега и служила мостом. Открытый участок с западной стороны от дамбы был самым оживленным и получил название Plaets/Plaats от plaats ‘место, площадь’. На этой площади люди собирались, обсуждали насущные проблемы, принимали решения и, конечно же, торговали. В общем-то, вся торговля происходила здесь. Других рынков в городе тогда еще не было. Любопытно, что со временем площадь стала называться Dam ‘Дамба’.

Поначалу улиц было практически две. Правда, дамба разделила их надвое, и каждая часть получила свое название. Улицу на восточном берегу Rokin называли Nes. Очевидно, потому что она располагалась на *косе или части суши в излучине реки* (nes). Далее, ближе к заливу, вдоль Damrak шла уже улица Warmoesstraat, т. е. *улица Зеленищikov* от warmoes ‘зелень, овощи’. На противоположном берегу вдоль Rokin проходила улица Kalverstraat ‘Телячья улица/улица Мясников’ (возможны оба варианта, т. к. форма kalver от kalf ‘теленочек’ означала как ‘телячий’, так и ‘мясной, животный’, но вариант *Телячья улица* представляется логичнее, поскольку существовали также Schapenplein ‘Овечья площадь’ и Ossenplein ‘Бычья площадь’). Дальше по берегу Damrak тянулась улица Nieuwendijk ‘Новая дамба’. И в самом деле, низкий берег от воды там защищала *насыпь* (dijk).

На правом берегу Амстела в XIII в. стояла *небольшая церковь* (kapel), обычная деревенская церковь. В начале XIV в. ее перестроили, теперь это уже была каменная, довольно высокая церковь, где *боковые нефы достигали высоты среднего нефа*. Такая конструкция церкви обозначается термином hallenkerk. Естественно, церковь по-

лучила имя св. Николая, покровителя мореплавателей и жителей прибрежных мест, и стала называться Nicolaas-kerk. Век спустя, на рубеже XIV–XV вв., на левом берегу рядом с площадью Dam стали строить новую церковь. Ее так и называли Nieuwe Kerk ‘Новая церковь’, а старую церковь на правом берегу начали все чаще называть Oude Kerk ‘Старая церковь’, с течением времени это название закрепилось и стало официальным. Именем св. Николая освятили другую церковь, которую построили ближе к заливу. Правда, это произошло уже в конце XIX в.

По всей вероятности, правобережная часть Амстердама в сознании жителей была более старой — не даром местную церковь называли Oude Kerk ‘Старая церковь’. На левом же берегу все было моложе и новей: и дамба новая — Nieuwendijk, и церковь новая — Nieuwe Kerk. Нет ничего удивительного в том, что аналогичные названия получили и сами части города — Oude Zijde, т. е. ‘Старая сторона’, и Nieuwe Zijde ‘Новая сторона’.

Таким образом, Амстердам постепенно все больше соответствовал образцу средневекового города, где обязательными атрибутами считались церковь, рыночная площадь и укрепленные границы, так называемые *городские укрепления* (wallen). Для обозначения *хорошо укрепленного населенного места* в голландском языке существует слово burcht (или его вариант burg).

Неоценимую роль в необычайно бурном росте города сыграли привилегии, данные Амстердаму различными правителями. Первая и самая главная — *привилегия беспошлинной торговли* (tol-privilege) — была получена 27 октября 1275 г. от графа Голландии Флориса V, под властью которого находился Aemstelland ‘Амстелланд’. Она давала жителям Амстердама (в документе значился Amstelredam ‘Дамба на Амстеле’) право не платить пошлины на ввозимый ими в города Голландии товар. Чтобы воспользоваться этим правом, амстердамским купцам нужно было предъявить *документ о привилегии* (tolbrief). На руки купцам и шкиперам выдавался, конечно же, не оригинал, а официальный список с грамоты о привилегии, который делали городские служащие по копии этого драгоценного документа, имеющейся в *Книге о привилегии* (Privilegeboek).

Другой очень важный для Амстердама документ — Charter ‘Хартия’, предоставляющая жителям этого города привилегию приезжать с товаром в Швецию без уплаты каких-либо пошлин. С ее получени-

ем амстердамские и, в целом, голландские купцы, уравнивались в правах с немецкими купцами без каких-либо встречных обязательств. Более того, шведский король позволил амстердамским шкиперам основать свое поселение на юге Швеции. Теперь голландцам не стоило ни гроша попасть из Северного моря в Балтийское, через единственный узкий пролив между Швецией и Данией, и они могли спокойно добираться до столь привлекательных для торговли мест — Выборга, Ревеля и Архангельска.

Привлечение привилегий какому-либо поселению приравнивалось к признанию его *прав в статусе города* (stadsrechten). Амстердам, таким образом, получил городской статус раньше, чем фактически стал таковым. Так или иначе, жители умело воспользовались своими привилегиями, и очень скоро город превратился в оживленный торговый центр, известный далеко за пределами Голландии.

Из-за быстрого роста Амстердаму периодически становилось тесно в своих границах. Работы по строительству новых укреплений велись постоянно. Так, уже к концу XIV в (ок. 1380 г.) город окружали новые *насыпные валы* (burgwallen), по два с каждой стороны: voorburgwallen ‘ближе к центру’ и achterburgwallen ‘дальше от центра’. То есть на *Старой стороне* Oudezijds Voorburgwal и Oudezijds Achterburgwal, а на *Новой стороне* — Nieuwezijds Voorburgwal и Nieuwezijds Achterburgwal. Рвы вдоль насыпей заполнялись водой и представляли собой каналы, по которым вполне могли перемещаться лодки. С юга они смыкались между собой посредством еще одного канала, именуемого Spui на том основании, что у него имелась *запруда с запорным устройством* (spui). Эта конструкция служила для отстоя и очистки грязной сточной воды. Со временем, когда граница города отодвинулась далеко за Spui, канал засыпали, а название сохранили за образовавшейся улицей. Примерно тогда же засыпали канал Nieuwezijds Achterburgwal, а улицу на его месте стали называть Spuistraat.

В 1420 г. приступили к прокладке *обводного канала* (singelgracht). Позже, по всей видимости, уже в XVI в., этот огибающий город канал в сознании жителей представлялся уже не как единое целое, а как три отдельных канала, поэтому каждый получил свое название. На западе, до реки Амстел, канал сохранил название Singel ‘Обводной канал’. Часть за рекой, до St. Antoniespoort ‘Ворота св. Антония’, стала называться Kloveniersburgwal ‘Канал Стрелков ополчения’ (от clover ‘огнестрельное оружие’, которым ополченцы пользовались

с 1522 г.). Часть обводного канала, от упомянутых выше ворот и до залива, стала именоваться Gelderse Kade ‘Гельдерский Канал’ (от Gelre/Gelderland — земель к востоку от Амстердама). Заслуживает внимания ставшее уже привычным для Амстердама употребление burgwal применительно к каналу. Слово kade употребляется для обозначения *судоходного канала с выходом в гавань*.

Ближе к концу XV в. земляные насыпи уже не удовлетворяли новым стандартам. В 1480 г. было решено возвести каменную стену вокруг города, что и было выполнено к 1494 г. Основание нового укрепления сложили из натурального камня, а сами стены — из кирпича.

Со стороны залива новую городскую стену укрепляли две башни: на востоке — Schreyhoeckstoren ‘Остроугольная башня’ (от schreyhoeck ‘острый угол’, по ассоциации с острым выступом в залив в том месте, где стояла башня), на западе — Heilig Kruistoren ‘Башня Святого Креста’. Для въезда в город в стене предусматривались ворота: Jan Rodenpoort (этимология названия не вполне ясна, по всей вероятности, имеется в виду некий Ян из местечка Роден в Дренте), Sint-Antoniespoort ‘Ворота св. Антония’ и Regulierspoort ‘Ворота регулярных войск’.

В XVI в. Амстердам уже в полной мере пользовался славой крупного торгового центра. Неудивительно, что он был «лакомым кусочком» для соседей. Чтобы сохранить независимость, город постоянно укреплял свои границы. Так, в 1512 г. за Gelderse Kade прорыли широкий судоходный канал Oude Schans ‘Старое укрепление’, усиленный *защитным укреплением с бастионом* (schans). Между этими каналами находилась портовая зона, где обычно происходила *погрузка/разгрузка судов* (lastage) (этот район Амстердама до сих пор называется Lastage). Другой канал — Zwanenburgwal ‘Лебяжий канал’ — соединял Oude Schans с рекой Амстел. Для защиты от морских вод вдоль него соорудили насыпь St. Antoniesdijk.

К 1516 г. на канале Oude Schans у залива возвели башню. Ее название — Montelbaanstoren — имеет не вполне ясную этимологию. Судя по надписи к гравюру, сделанной во второй половине XVIII в. по заказу торговца предметами искусства Пьера Фуке (Pierre Fouquet)³,

---

³ Pfann H. D. Catalogus 115 prenten Amsterdam / P. Fouquet. 1760–1783. 2. druk. Spui 1. Amsterdam, [s. a.].

башня называлась Mont-Albaans-Toogen. Возможно, название имело какое-то отношение к горной местности Mont Albaan (итал. Monti Albani) вблизи Рима. Но, скорее всего, Mont Albaan — это вариант названия самой высокой горной вершины в Европе, более знакомого нам во французском исполнении — Mont Blanc ‘Белая гора’, поскольку корень в слове Albaan восходит к лат. albus ‘белый’. По всей видимости, башня была очень высоким сооружением для Амстердама той поры.

Город рос так стремительно, что, едва закончив строительные работы (ок. 1575 г.), городские власти уже обсуждали план нового расширения Амстердама. Дело в том, что за городской стеной как грибы вырастали нелегальные постройки, где находили прибежище страждущие как из близлежащих, так и из дальних земель. Для укрепления новых границ, конечно же, нужно было прорыть новый обводной канал и построить новый городской вал. В результате получилось мощное укрепление с 27 бастионами (рис. 3).

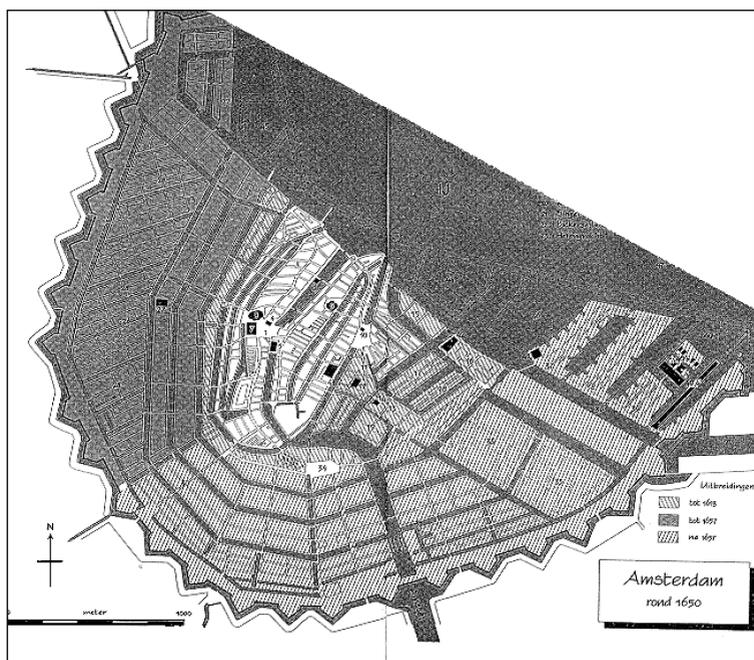

Рис. 3. План Амстердама. Около 1650 г.

С внешней стороны в город можно было попасть через ворота, перед которыми обычно имелась площадь, где въезжающие в город посторонние, т. е. не жители Амстердама, по существующим правилам, должны были оставлять свой транспорт. Грузы перекладывались на городской транспорт (естественно, за плату) и доставлялись до места назначения. Для благоприятствования движению к воротам от центра города, радиально, вели достаточно широкие улицы.

Таких ворот и улиц было довольно много. Улицы служили связующими артериями с близлежащими городами, такими как Haarlem 'Гарлем', Leiden 'Лейден', Utrecht 'Утрехт', Weesp 'Вейсп' и Muiden 'Мейден'. Их названия, а также названия площадей и ворот, включали названия соответствующих городов. Например, Haarlemmersstraat 'Гарлемская улица', Haarlemmersplein 'Гарлемская площадь' и Haarlemmerspoort 'Гарлемские ворота'. (Построенные в 1618 г. Гарлемские ворота снесли в 1837 г., а возведенные на их месте в 1840 г. новые ворота назвали иначе — Willemspoort.) Список могут продолжить Leidsestraat, Leidseplein и Leidsepoort (последние снесли в 1862 г.), Weesperstraat, Weesperplein и Weesperpoort, Utrechtsestraat, Utrechtseplein, Utrechtsepoort, Muiderstraat, Muiderplein, Muiderpoort. (Улицу Muiderstraat во второй половине XVIII века переименовали в Plantage Middenlaan 'Средняя аллея плантации'. А вот ворота Muiderpoort до сих пор существуют. Старые ворота простояли с 1663 по 1769-й, а в 1770 г. отстроили новые, сохранив название.)

Работы на новой городской территории продолжались практически до конца XVII в. Граница проходила теперь по новому обводному каналу Buitensingelgracht 'Внешний обводной канал'. Со временем его название сократилось до Singelgracht 'Обводной канал'. Таким образом, в Амстердаме каналов с названием «Обводной» стало два: старый канал — Singel и новый — Singelgracht, с внешней стороны нового городского вала. Канал с внутренней стороны вала назывался Lijnbaansgracht 'Канатный канал'.

Город между старым и новым обводными каналами к XVIII в. представлял собой систему продольных и поперечных каналов, основу которой составил так называемый *пояс каналов* (grachten-gordel) (Herengracht 'Господский канал', Keizersgracht 'Императорский канал' и Prinsengracht 'Канал принцев'), выполненный по проекту 1612 г.

К 1657 г. работы по расширению города были закончены лишь в западной его части, до Leidsegracht 'Лейденский канал'. Проект за-

вершили лишь к началу XVIII в., протянув каналы сначала до реки Амстел, а потом и за нее. За рекой к их названиям добавилось уточнение Nieuwe ‘Новый’, например Nieuwe Herengracht ‘Новый господский канал’.

С западной части Амстердама между каналами Lijnbaansgracht и Prinsengracht расположился район под названием Jordaan ‘Иордания’. Там городские власти разрешили селиться ремесленникам и мастерам, планируя тем самым сосредоточить промышленность в одном месте. До сих пор по названиям каналов и улиц этого района можно судить о том, кто там жил. Так, например, на Looiersgracht (от looien ‘выделывать кожу’), скорее всего, жили и работали *кожешники*. На Passerdersgracht (от passeren ‘выделывать кожу особым способом’) располагались мастерские по выделке так называемой *испанской кожи* (Spaans leer), такая кожа имела не плоскую, а рельефную поверхность с выпуклостями. Канал Lijnbaansgracht получил свое название от расположенных здесь lijnbanen ‘канатных мастерских’. На улице Gietersstraat ‘улица Литейщиков’ с 1614 по 1821 г. располагался Giethuis — так называлось здание, где размещались городские цеха по литью оружия и колоколов. Улица Tichelstraat славилась плиткой и черепицей (tichel — вариант слова tegel ‘черепица, плитка’). Улица Tuinstraat так называется благодаря тому, что здесь с 1618 по 1660 г. находился Stadstimmertuin ‘Городской плотничий двор’.

На востоке, в противовес промышленному району Jordaan, находилась так называемая зеленая зона — Plantage ‘Плантация’. Идея иметь городскую плантацию всевозможных растений, в первую очередь лекарственных, возникла в конце XVI в., когда в Амстердаме были ликвидированы монастыри, а с ними и возможность достать целебные травы, поскольку их выращивали исключительно монахи. С этой целью в 1618 г. на берегу Амстела разбили сад и дали ему имя Hortus (от лат. hortus ‘сад’). Постепенно он превратился в настоящий ботанический сад и стал официально называться Hortus Botanicus. В 1682 г., после неоднократных переселений, сад Hortus обосновался в северной части Plantage.

Наряду со строительством новых объектов, в Амстердаме постоянно велись работы по обновлению старых сооружений, зачастую менялись и их названия. Так, например, башню Heilig Kruistoren ‘Башня Святого Креста’ стали называть Haringpakkerstoren ‘Башня набивальщиков сельдью’, поскольку место рядом с ней облюбовали

рыбаки. Там они солили сельдь и набивали ею бочки. К тому времени, когда в XVII в. на старом основании башни построили новый шпиль, бытующее прозвище — Haringpakkerstoren — уже стало общепризнанным названием. Более того, новый шпиль украшал флюгер в виде селедки. К сожалению, в 1829 г. башню пришлось снести.

Мотивы превращения Schreyhoeckstoren в Schreierstoren — совсем иные. Очевидно, что со временем изменилось не только написание названия башни, но и его ассоциации. Дело в том, что один из соседних с башней домов украшала *фасадная плита* (gevelsteen) с изображением плачущей женщины, по всей вероятности, провожающей кого-то из близких в море. Голландский глагол schreien означает ‘плакать, рыдать’. Таким образом, *Остроугольная башня* превратилась в *Башню плачущих*.

В конце XVI века Regulierspoort ‘Ворота регулярных войск’, представляющие собой целое здание с двумя башнями, перестали служить непосредственно воротами. В 1613 г. правая часть здания была снесена, поскольку мешала строительству *стеклодувной мастерской* (glasblazerij). Оставшаяся часть с 1616 г. использовалась как *сторожевое помещение* (wachthuis). В 1618 г. в здании случился пожар. Однако сторожевое помещение чудом уцелело. Из сгоревших башен решили восстановить только одну (западную). Возвели изящный сквозной шпиль, установили часы с четырьмя циферблатами и карильон. Шпиль украшал позолоченный флюгер в виде быка, что не удивительно, ведь совсем недалеко проходила *Телячья улица* (Kalverstraat). В 1672 г. Амстердам получил временное право на чеканку собственных монет. Их чеканили в сторожевом помещении башни. С тех пор ее стали называть Munttoren ‘Монетная башня’. В конце XIX в. ближайшую к башне площадь Schapenplein расширили и переименовали в Sophiaplein. Однако в народе ее стали называть Muntplein ‘Монетная площадь’ или попросту Munt ‘Монета’ (аналогично тому, как за несколько веков до того площадь рядом с дамбой стала именоваться Dam). В 1917 г. неофициальное название башни узаконили.

Итак, к XVIII в. исторический центр Амстердама полностью сложился. Его целостность и сегодня поразительна, она заметна сразу, даже при беглом взгляде на карту города.

Хочется надеяться, что предложенная вниманию читателя картина создания Амстердама развеяла завесу времени и сделала этот город ближе и понятней.

Литература

1. Encarta — Encyclopedie — Winkler Prins. CD-ROM, Microsoft Corporation; Het Spectrum, 1993–2003.
2. *Hageman M.* Het A'dam boek 1275–2003. Bussum, 2003.
3. <http://gemeentearchief.amsterdam.nl/schatkamer/...korpus>, 2005.
4. *Mak G.* Een kleine geschiedenis van Amsterdam. Amsterdam; Antwerpen, 1994.
5. *Zwolle Isy & Evy.* Een wandeling door Amsterdam. Leiderdorp, 1989.
6. *Zwolle Isy & Evy.* Een wandeling door de Jordaan. Leiderdorp, 1988.

Е. А. Жильцова

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ «СЛОВ-БЛИЗНЕЦОВ» В ШВЕДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Интернациональные слова, или интернационализмы, составляют обширный пласт лексики в большинстве европейских языков¹. Для них характерны общность происхождения и бóльшая или меньшая близость звучания и написания. Что же касается значения, то тут дело обстоит сложнее. Будучи обычно заимствованы из одного источника (для европейских языков это чаще всего французский, древнегреческий и латинский языки)², данные лексические единицы во многих случаях с семантической точки зрения развиваются по-разному и имеют в каждом отдельном языке свои особенности значения и употребления. Описание некоторых семантических особенностей интернационализмов в шведском и русском языках является предметом настоящей статьи.

В шведском и русском языках немало интернациональных слов, имеющих полностью одинаковое значение. Чаще всего это слова, обладающие только одним понятийным значением (ПЗ), т. е. одно-

---

¹ Термин «интернациональные слова» является весьма условным, поскольку они встречаются далеко не во всех языках мира, а лишь в сравнительно небольшом числе языков. См.: *Маслова-Лашанская С. С.* Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 105.

² Подробнее об источниках заимствований интернациональной лексики в шведский язык см.: там же. С. 103–104.

значные, или моносемантические, слова³. Среди таких слов большую часть составляют научно-технические и общественно-политические термины⁴. Например, швед. *astronomi* и рус. *астрономия* ‘наука о небесных телах’, швед. *sekret* и рус. *секрет* ‘вещество, вырабатываемое и выделяемое железами животных и человека’, швед. *demokrati* и рус. *демократия* ‘политическая система, при которой государственная власть представляет волю народа’ и множество других.

Реже одинаковы по значению слова, не являющиеся терминами. Так, швед. *kommentar* и рус. *комментарий* (от лат. *commentarius*⁵) обладают одинаковым лексическим значением ‘высказывание, содержащее пояснение или толкование чего-л.’ и эквивалентны друг другу при переводе с одного языка на другой: ‘*Без комментариев!*’⁶ *Inga kommentarer!*; *de första kommentarerna till valresultatet*⁷ ‘первые комментарии результатов выборов’.

Лишь в отдельных случаях одинаковую семантику имеют слова полисемантические, значение которых реализуется в двух и более лексико-семантических вариантах (ЛСВ). Примером таких слов могут служить швед. *konsert* и рус. *концерт* (от нем. *Konzert* < итал. *concerto*), имеющие два одинаковых ЛСВ: 1. «исполнение перед публикой ряда вокальных или инструментальных музыкальных произведений»; 2. «крупное музыкальное произведение для инструмента соло в сопровождении оркестра»⁸. Однако, здесь уже намечаются некоторые расхождения. При переводе на шведский язык русского фразеологизма *устроить концерт кому-л.* слово *konsert* не употребляется, так как у него нет фразеологически связанного значения, подобного русскому.

Круг интернациональных слов, имеющих семантические различия (С. С. Маслова-Лашанская метко окрестила их «словами-близнеца-

---

³ Там же. С. 46; Будагов Р. А. Несколько замечаний о «ложных друзьях переводчика» // Мастерство перевода. М., 1971. С. 365.

⁴ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1998. С. 243.

⁵ Слова из языка-источника цитируются по следующим словарям: *Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok*. Malmö, 1993; Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М., 2002.

⁶ Там, где это не оговорено особо, русские примеры взяты из Большого толкового словаря русского языка. СПб., 1998.

⁷ Все шведские примеры заимствованы из словаря: *Svensk ordbok*. Stockholm, 1999.

⁸ Все дефиниции русских слов даются по: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998; дефиниции шведских слов — по словарю: *Svensk ordbok*. Stockholm, 1999.

ми»⁹), в русском и шведском языках достаточно широк. Сами эти различия очень неоднородны и могут быть как полными, когда слова вообще не имеют никаких общих значений, так и частичными, или проявляться только на уровне стилистики или оценочной коннотации. Во всех случаях внешнее сходство таких слов при явных или скрытых расхождениях в семантике может приводить к ошибкам в переводах, поэтому такие лексические единицы часто называют «ложными друзьями переводчика»¹⁰.

Наиболее ярким примером «ложных друзей переводчика» являются слова, заимствованные из одного источника и сходные по звучанию, но имеющие в современном шведском и русском языках абсолютно разную семантику¹¹. Всем, кто занимается шведским языком, хорошо известен хрестоматийный пример шведского слова *semester* ‘отпуск’ и русского *семестр* ‘половина учебного года’ (от лат. *semestrum* ‘полугодие’), имеющих диаметрально противоположное значение. Еще один пример полного семантического расхождения демонстрирует пара швед. *batong* ‘полицейская резиновая дубинка’ и рус. *батон* ‘белый хлеб вытянутой формы’ (от франц. *bâton* ‘палка, жезл’). Данное слово было заимствовано в шведский язык в значении, близком к семантике слова в языке-источнике; при заимствовании же в русский язык произошел метонимический перенос названия, при котором решающую роль сыграло не назначение предмета, а его вытянутая в длину форма.

Абсолютно разное значение имеют в русском и шведском языках и глаголы *деградировать* ‘приходить в упадок, постепенно ухудшаясь или вырождаясь’ и *degradera* ‘разжаловать, понизить в чине; понизить статус’ (от франц. *dégrader* < лат. *gradus* ‘ступень’): *furiren degraderades till korpral* ‘сержант был разжалован в младшие сержанты’; *palatset har degraderats till magasin* ‘дворец был превращен в склад’. Однако, несмотря на столь явные различия в семантике данных глаголов, ловушка «ложных друзей переводчика» все же срабатывает. Даже в новом шведско-русском словаре глагол *degradera* переведен как ‘деградировать’, хотя в русско-шведской части словаря дается абсолютно верный перевод глагола *деградировать* шведскими глаголами *förfalla, utarmas, sjunka i kvalitet*¹².

⁹ Маслова-Лашанская С. С. Указ. соч. С. 105.

¹⁰ См.: Будагов Р. А. Указ. соч. С. 362; Акуленко В. В. и др. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М., 1969.

¹¹ Здесь и в дальнейшем речь идет только о современных значениях слов.

¹² Norstedts ryska ordbok. Rysk-svensk, svensk-rysk. Stockholm, 2006. S. 121, 111.

Интернациональные слова, подобные приведенным выше, т. е. имеющие абсолютно разную семантику, встречаются в шведском и русском языках относительно редко. В большинстве же случаев семантика интернационализмов близка, но не настолько, чтобы они при переводе всегда могли быть полными эквивалентами друг друга. С. С. Маслова-Лашанская убедительно продемонстрировала сходства и различия в семантике слов-близнецов на примере шведских прилагательных *human*, *humanistisk* и *humanitär* и русских прилагательных *гуманный* и *гуманитарный*¹³.

Между словами-близнецами, в той или иной степени обладающими семантическим сходством, могут устанавливаться разные смысловые отношения. Типы таких отношений для слов близко родственных романских языков подробно представлены в классификации, предложенной Р. А. Будаговым¹⁴. Данная классификация представляется достаточно полной и логичной, но при исследовании материала русского и шведского языков, относящихся к разным языковым группам, может быть использована лишь частично. Поэтому в основу анализа семантических отношений слов-близнецов в русском и шведском языках положены главные признаки, по которым они различаются, — набор ЛСВ и характер понятийного значения¹⁵.

1. Однозначное слово в одном языке, полисемантическое — в другом¹⁶.

а) Единственное значение слова в русском языке, несколько ЛСВ — в шведском.

Русский глагол *препарировать* (от лат. *praeparatus* ‘приготовленный’) имеет единственное значение ‘обрабатывать животный или растительный организм с целью приготовления из него препарата’, например *препарировать сердце лягушки*. Шведский глагол *preparera* также выступает в аналогичном значении: *preparera ett kaninben* ‘препарировать лапу кролика’, — однако имеет и ЛСВ с более обобщенной семантикой ‘подготавливать, принимая необходимые меры’: *preparera kroppen för den höga höjden* ‘готовить организм к пребыванию на большой высоте’.

Русское наречие *галантно* (от франц. *galant*) всегда выступает только в значении ‘изысканно вежливо, чрезвычайно обходительно’

¹³ Маслова-Лашанская С. С. Указ. соч. С. 104–105.

¹⁴ Будагов Р. А. Указ. соч. С. 364–367.

¹⁵ Маслова-Лашанская С. С. Указ. соч. С. 105.

¹⁶ См.: Будагов Р. А. Указ. соч. С. 364–365.

(особенно по отношению к женщине). Шведское наречие *galant*, помимо данного ЛСВ, имеет и еще один: «великолепно, прекрасно, замечательным образом» — *det gick galant att skriva med vänster hand efter en tids övning* ‘прекрасно получилось писать левой рукой после непродолжительной тренировки’.

Шведское прилагательное *familjär* (от лат. *familiaris* ‘домашний, приятельский’) имеет ЛСВ «привычный, знакомый», отсутствующий у русского прилагательного *фамильярный*. Данные слова имеют также один сходный ЛСВ «непринужденный, раскованный», но, употребляясь в этом значении, они приобретают совершенно разную оценочную коннотацию. Если шведское слово является достаточно нейтральным, то русское имеет ярко выраженный отрицательный оттенок и употребляется по отношению к человеку или поведению не просто непринужденному и раскованному, а, скорее, развязному и бесцеремонному (*фамильярное обращение, фамильярный тон*). Поэтому прилагательное *фамильярный* вряд ли может быть адекватно переведено на шведский язык словом *familjär*.

Рус. *романс* (от франц. *romance* < *roman* ‘романский’), имеет единственный ЛСВ «небольшое музыкальное вокальное произведение лирического содержания». Швед. *romans* помимо музыкального произведения, обозначает еще и любовную историю, любовные отношения между мужчиной и женщиной. В таком значении в русском языке выступает существительное *роман*, которое, кроме того, как и швед. *roman*, обозначает большое повествовательное произведение с разветвленным сюжетом.

б) Одно значение слова в шведском языке, несколько ЛСВ — в русском.

В последней паре существительных *роман* и *roman* полисемантическим является уже не шведское слово, а русское. Слова-близнецы такого типа также встречаются нередко.

Швед. *automat* (от греч. *automatos* ‘самодействующий’) имеет единственное значение ‘самодействующий аппарат, производящий при помощи внутреннего механизма определенные операции по заданной программе’. Русское существительное *автомат* имеет это же значение в качестве основного ЛСВ, но, кроме того, обладает еще двумя дополнительными ЛСВ: «автоматическое стрелковое оружие» (это значение передается в шведском языке словом *automatgevär*) и «человек, механически действующий по выработанному шаблону».

Швед. *gastronom* (от франц. *gastronome* < греч. *gastēr* ‘желудок’ + *nomos* ‘закон’) всегда передает только одно значение — ‘знаток и любитель вкусных блюд’. Рус. *гастроном*, помимо такого же значения, которое, впрочем, в русском языке является устаревшим и встречается редко, имеет еще и ЛСВ «продовольственный магазин». Следует, правда, отметить, что и в этом основном своем значении существительное *гастроном* все чаще уступает место модному слову *супермаркет*.

Очень интересны слова *terapi* и *терапия* (от греч. *therapía* ‘забота, уход, лечение’). Основной ЛСВ русского существительного — «раздел медицины, занимающийся внутренними болезнями» — у шведского отсутствует. Один общий ЛСВ для обоих слов — «совокупность методов лечения внутренних болезней без применения хирургического вмешательства» (*витаминная терапия, мануальная терапия, терапия сердца и почек; värmeterapi* ‘тепловая терапия’, *strålnings-terapi* ‘лучевая терапия’). Причем, если в русском языке в это понятие включаются и медикаментозные методы лечения (*терапия пенициллином*), то в шведском языке словом *terapi* обозначают обычно только немедикаментозные методы, имеющие отношение главным образом к психологии пациента (*avspänningsterapi* ‘расслабляющая терапия’, *gruppterapi* ‘групповая терапия’, *lekterapi* ‘игровая терапия’). В связи с этим у шведского существительного, ранее бывшего однозначным, в последнее время развивается новый более конкретный ЛСВ «психотерапия»: *hon gick i terapi för sin ångest* ‘она проходила курс *психотерапии* по поводу своего тревожного состояния’.

Соответственно различается и семантика производных от слов *терапия* и *terapi* существительных *терапевт* и *terapeut*. Для носителя русского языка *терапевт* — это прежде всего специалист широкого профиля, занимающийся лечением внутренних болезней (в шведском языке это значение передается существительным *allmänläkare*), и лишь затем — врач-специалист по определенным методам лечения (*мануальный терапевт, физиотерапевт* и т. п.). Для шведа же *terapeut* — это специалист по определенному виду, методу лечения (*arbetsterapeut* ‘специалист по *трудотерапии*’), причем, как и в случае со словом *terapi*, существительное *terapeut* в последнее время все чаще употребляется в значении ‘психотерапевт’, приобретая новый ЛСВ и становясь полисемантическим.

Таким образом, слова *терапия, терапевт* и *terapi, terapeut* представляют собой переходный случай к следующей группе интерна-

ционализм-близнецов — полисемантическим словам, имеющим один общий ЛСВ.

2. Слова-близнецы в обоих языках полисемантически и имеют один общий ЛСВ и один или несколько различных.

Рус. *суверенный* и швед. *suverän* (от фр. *souverain*) имеют общий ЛСВ «полностью независимый» (обычно о государстве): *upprättandet av en suverän judisk stat* ‘образование суверенного еврейского государства’. В то же время русское слово имеет еще ЛСВ «державный, верховный» (*суверенный правитель, суверенная воля народа*), а шведское — «непревзойденный, выдающийся, великолепный, необычайный»: *han är en suverän tennisspelare* ‘он *великолепный* теннисист’; *han är suverän på att härma en trombon* ‘ему *нет равных* в подражании звуку тромбона’; *med suverän lätthet* ‘с *необычайной* легкостью’.

Нередко общий ЛСВ в русском и шведском словах для одного их них или для обоих является периферийным или слишком специальным, тогда как несхожие ЛСВ, напротив, становятся главенствующими. Основное значение швед. *konkurs* (от лат. *concursum* ‘стечение, столкновение’) — ‘банкротство, несостоятельность’. Этого значения нет у русского слова *конкурс*, имеющего два основных ЛСВ: 1. соревнование с целью выделить лучших участников, лучшие работы (*конкурс пианистов*); 2. определенный порядок занятия ряда должностей (*конкурс на замещение вакантной должности*). Вместе с тем рассматриваемые слова в обоих языках, употребляющиеся как узкоспециальные термины экономического и торгового права, имеют одинаковое значение: «передача кому-л. управления имуществом несостоятельного должника с целью справедливого удовлетворения претензий кредиторов» (*konkursförvaltare* ‘*конкурсный* управляющий’).

Швед. *banderoll* и рус. *бандероль* (от франц. *banderole*) имеют одинаковый ЛСВ «широкая бумажная обертка в виде ленты». Однако, в этом узкоспециальном значении рассматриваемые слова в обоих языках употребляются сейчас лишь работниками почтового ведомства. В общелитературном языке реализуются другие ЛСВ данных существительных: русское имеет значение «небольшое почтовое отправление в бумажной обертке в виде широкой ленты», а шведское — «плакат, транспарант» также в виде широкой ленты, который обычно разворачивают и несут на демонстрациях и других массовых мероприятиях. Таким образом, семантическая связь данных ЛСВ с первоначальным значением слова, ставшим в современном языке периферийным, четко прослеживается.

3. Более общее значение слова в одном языке, более специальное — в другом¹⁷.

а) Чаще более общее значение имеет шведское слово, что, вероятно, связано с более абстрактной в целом семантикой шведских лексем по сравнению с русскими.

Так, рус. *экстерьер* (от франц. extérieur) имеет два специализированных терминологических значения: 1. внешний вид здания (в архитектуре); 2. внешний вид и телосложение животных (*овчарка с отличным экстерьером*). Швед. *exteriör* употребляется в тех же значениях (*ett fåtal byggnader har fått behålla sina ursprungliga exteriörer* ‘немногие здания сохранили свой первоначальный внешний вид (*экстерьер*)’), но имеет еще и более обобщенную семантику «внешность, наружность (в частности, о человеке)»: *hon har en snygg exteriör* ‘у нее приятная *внешность*’.

Швед. *entreprenör* (от фр. entrepreneur) обозначает активного частного предпринимателя, в том числе подрядчика: *Sverige behöver fler entreprenörer* ‘Швеции нужно больше активных частных предпринимателей’. В русском языке значение в настоящее время уже несколько устаревшего слова *антрепренер* является намного более узким по сравнению с семантикой шведского слова — оно обозначает частного предпринимателя исключительно в области искусства: содержателя театра, цирка и т. п.

б) В ряде случаев более общее значение имеет русское слово, а более специальное — шведское. Рус. *инвалид* (от фр. invalide < лат. invalidus ‘нездоровый’) обозначает любого человека, утратившего трудоспособность, независимо от причины и характера повреждения здоровья; это может быть болезнь, увечье или старость (*инвалид с детства*, *инвалид труда*). Швед. *invalid* употребляется исключительно, когда речь идет о людях, получивших физическое увечье в результате ранения или травмы, чаще всего об инвалидах войны (*krigsinvalid*). Полная же семантика русского существительного *инвалид* передается в шведском языке словами *handikappad* и *funktionshindrad*.

4. Слова-близнецы с различиями в характере понятийного значения.

Во многих случаях слова-близнецы в русском и шведском языках имеют сходное, но не полностью эквивалентное ПЗ.

¹⁷ См.: Будагов Р. А. Указ. соч. С. 364.

Рус. *гурман* (от фр. *gourmand*) обозначает любителя тонких блюд, лакомку. Шведское же слово *gourmand* относится прежде всего к человеку, который любит много, плотно поесть, правда, предпочитая при этом вкусную еду. Поэтому *gourmand* вряд ли можно перевести на русский язык словом *гурман*, более адекватным тут будет скорее перевод «обжора». Для значения же, выражаемого русским *гурман*, в шведском языке имеется другое однокоренное существительное *gourmet*, также заимствованное из французского языка.

Достаточно близки, но далеко не эквивалентны по своему ПЗ также рус. *саботаж* и швед. *sabotage* (от франц. *sabotage* < *saboter* ‘стучать башмаками’). Первое обозначает умышленное невыполнение или неправильное выполнение работы, постановления, нормы и т. п. или, в более общем плане, скрытое противодействие чему-либо (*экономический саботаж*; *саботаж решений правительства*). Второе употребляется, когда речь идет об умышленном причинении вреда, чаще всего каким-либо техническим устройствам, с определенной политической или военной целью, и скорее эквивалентно русским словам *вредительство*, *диверсия*¹⁸: *den danska motståndsrörelsen utförde många uppseendeväckande sabotage mot den tyska krigsmakten* ‘датское движение сопротивления осуществляло много дерзких *диверсий* против вооруженных сил Германии’.

Интересно соотношение швед. *attest* и рус. *аттестат* (от лат. *attestari* ‘удостоверять’). В ПЗ обоих этих слов входит сема «документ, удостоверяющий что-л.». Однако на этом сходство ПЗ данных слов заканчивается. *Attest* обозначает разного рода свидетельства, чаще всего имеющие отношение к актам гражданского состояния: *dopattest* ‘свидетельство о крещении’, *vigselattest* ‘свидетельство о браке’, *dödsattest* ‘свидетельство о смерти’. *Аттестат* же употребляется для обозначения всего двух видов документов: свидетельства о получении военнотружашим довольствия и свидетельства об окончании среднего (специального) учебного заведения. В первом значении слово употребляется достаточно редко, главным образом военными. Во втором значении оно является общеупотребительным. Таким образом, семантика рассматриваемых слов не совпадает, поскольку они обозначают разные виды документов. Поэтому недопустимо, скажем, переводить русское *аттестат* шведским *attest*. Значение

¹⁸Norstedts ryska ordbok. Svensk-rysk. Stockholm, 2006. S. 611.

«свидетельство об окончании средней школы» передается в шведском языке существительными *slutbetyg* и *intyg*¹⁹.

Нередко наряду с характером ПЗ шведские и русские интернационализмы различаются и своей лексической сочетаемостью. Примером могут служить, в частности, прилагательные швед. *subtil* ‘тонкий, едва уловимый’ и рус. *субтильный* ‘тонкий, хрупкий’ (от лат. *subtilis*). Русское прилагательное употребляется, когда говорят о хрупкой комплекции человека, и поэтому сочетается только с одушевленными существительными, обозначающими лицо (*толстый отец и субтильная дочь*). Шведское прилагательное определяет что-либо неявное, трудно уловимое и употребляется с неодушевленными существительными, имеющими чаще всего абстрактную семантику: *en subtil skillnad* ‘тонкое различие’, *subtila finesser* ‘тонкости’.

Таковы основные типы семантических отношений между словами-близнецами в шведском и русском языках. Естественно, что анализ этих отношений, проведенный в данной статье, не претендует на полноту ни в плане представленного материала, ни в плане классификации. Главная задача была в другом — показать сложность и вместе с тем необходимость выявления нюансов семантики внешне похожих слов в русском и шведском языках. Семантическое сходство и различие между такого рода словами важно, естественно, учитывать прежде всего при переводе, для того чтобы не обмануться внешней похожестью слов и дать адекватный перевод каждого из них на другой язык. Очень важно обращать на это внимание также и составителям словарей, поскольку помимо перевода эти слова часто требуют дополнительных пояснений, чтобы каждое из их значений было правильно понято пользователями, как носителями шведского, так и носителями русского языка.

---

¹⁹Norstedts ryska ordbok. Rysk-svensk. Stockholm, 2006. S. 10.

О. А. Комарова

О НОРВЕЖСКИХ ПЕРЕВОДАХ ИЗ НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Интерес к России и русской культуре в Норвегии необычайно живуч. Несмотря на зачастую весьма недоброжелательную прессу, с удовольствием описывающую всякие негативные явления в современной российской жизни (от скандалов в связи с рыбным промыслом до поведения русских женщин в ресторанах) и упорно не желающую подробно комментировать ни положительные явления в экономическом сотрудничестве, ни успешные театральные постановки российских режиссеров на норвежской сцене, ни интересные совместные проекты в области образования и науки, в Норвегии не уменьшается количество людей, стремящихся узнать русский язык, и не ослабевает стремление преданных русской литературе филологов знакомить публику с новыми переводами с русского.

После появления новых переводов собраний сочинений Толстого, Достоевского и Тургенева, издание которых было начато в 90-е гг., не так давно завершен новый перевод «Войны и мира». Этот титанический труд Гейра Хьетсо впервые знакомит норвежского читателя с полным текстом толстовского романа. Как ни странно, но при первом издании перевода издатели посчитали роман слишком длинным и сократили все казавшиеся им излишними философские размышления автора и многие из военных сцен романа. В преддверии нового века норвежскому читателю стал известен Михаил Булгаков по переводам «Мастера и Маргариты» и «Собачьего сердца» и сопровождающим переводы статьям автора переводов проф. Эрика

Эгеберга. Для более редких любителей выходят в его переводах произведения Андрея Белого, «Петербург» по-норвежски является несомненной удачей вдумчивого Эрика Эгеберга.

Однако норвежские переводчики стараются знакомить читателей и с более новыми именами, хотя здесь издательства гораздо сдержаннее в отборе авторов. За последние три года вышли переводы нескольких акунинских романов об Эрасте Фандорине. (Об этих переводах мне уже приходилось писать¹. Есть перевод некоторых произведений Виктора Пелевина (среди них — «Омон Ра» и «Generation П»), очень быстро (в 2005 г.) появилось по-норвежски трагическое повествование Рубена Галего «Белое на черном», ряды норвежских переводчиков пополняются новыми именами, знакомящих публику со своими любимцами — так, в 2006 г. появился перевод романа Леонида Цыбина «Лето в Бадене» («Sommer i Baden-Baden»), переведены на норвежский и некоторые рассказы Нины Денежкиной.

В 2005 г. питомцы университета г. Осло выпустили небольшой сборник статей под названием «Новая водка» («Den nye vodkaen»²). Наиболее ценным, на мой взгляд, в этой книге является именно то, что литературные произведения представлены читателю в контексте изменений в социальной жизни России, с появлением новых тенденций и направлений в русской литературе после 1990 г. Литераторам пришлось выпустить этот сборник за собственный счет, что свидетельствует не только о приверженности авторов к русской литературе, но и скептицизме издательств.

При всей краткости, а временами и спорности, литературного анализа сам факт появления этой книжечки весьма красноречив. В этом сборнике есть место и для анализа «пост-гуманизма» Виктора Ерофеева и его «Жизни с идиотом», есть статья о Викторе Пелевине, представляющая его как культового писателя современной молодежи и его сатиру на советскую увлеченность космосом в «Омон Ра», а также статья-анализ творчества Б. Акунина. Впервые в одной из статей читателю представлено имя Людмилы Улицкой и ее роман «Казус Кукоцкого».

Произведения Людмилы Улицкой, уже известные европейскому читателю в переводах на многие языки, только сейчас находят путь

---

¹ Polyjarnyj vestnik. N 6. Tromsø, 2003.

² Den nye vodkaen. Seks artikler om russisk, ukrainsk og hviterussisk samtidslitteratur / Red. B. L. Mohr og Martin Paulsen. Oslo, 2005.

к норвежскому читателю. Марит Бьеркенг, преподаватель русского языка в Алте, автор первого норвежского современного учебника русского языка для школьников, преподаватель и переводчик, является страстной поклонницей творчества Л. Улицкой. Однако потребовалось несколько лет упорной работы с поисками издательства, прежде чем Марит Бьеркенг удалось выпустить первый из намеченных переводов Улицкой. Творчество Улицкой открывается для норвежцев переводом повести «Сонечка».

Творчество Л. Улицкой по праву пользуется популярностью среди русских и иностранных читателей. В России ее произведения привлекают не только интересом к психологическому анализу героев, явно интеллектуально и эмоционально связанных с историей духовных исканий советской интеллигенции, но и изысканностью письма, богатством и точностью языка. Именно языковые особенности литературного стиля Улицкой могут представлять и представляют сложность для переводчика.

Произведения Улицкой отмечены многими особенностями литературной манеры постсоветского периода. В сложных переплетениях сюжета российский читатель улавливает многие черты ушедшей советской эпохи, дополняет недосказанное и получает удовольствие от языкового богатства повести. В «Сонечке» при всей кажущейся прозрачности и несложности сюжета присутствуют многие из этих элементов, а литературные аллюзии являются важным смысловым компонентом, ибо повесть является как признанием в любви к великой гуманистической русской литературе, так и обвинением ее в разрушительной гипнотической силе. Великая русская литература является для главной героини прибежищем и своего рода опиумом, дающим забвение не только реалий советской действительности, но и жизни вообще.

При передаче всей сложности произведения переводчица пользуется разными приемами. Наиболее неожиданным является то, что для облегчения восприятия всей полноты содержания норвежским читателем издание снабжено не только пояснением системы русских имен на примере имен героев повести, но и специальным приложением, в котором в алфавитном порядке расположены пояснения переводчика не только к названиям литературных произведений, литературных героев, но и биографические справки об упоминающихся авторах. Это приложение открывает комментарий: «Adelsfrøken og bondejente» — en av fortellingene i *Bjelkins fortellinger* av Aleksander

Pusjkin (1799–1837). Переводчица дает читателю также сведения о менее известных деятелях русской культуры — таких, как писатель Николай Павлов (1803–1864) или философ Лев Шестов (1866–1938), а также пояснения к географическим названиям и некоторым реалиям, как русским, так и иностранным (некоторые очень подошли бы и русскоязычному читателю). Внимательный читатель может получить представление о пригородах Москвы Лиозново и Лихоборы, а также о кузнецовском фарфоре, поваренной книге Елены Молоховец и послевоенной денежной реформе. Переводчица не переоценивает подготовленность читателя и поясняет, что такое газ иприт, каббала и палиндром, а также Кибела, Павсаний и Палома. Даже из этого беглого перечисления можно видеть, сколько кропотливого труда вложено переводчицей в эту книжку.

Марит Бьеркенг хочет, чтобы читатель максимально понимал литературный контекст, в котором надо рассматривать это произведение, и пишет краткий обзор «новой русской литературы» с указанием новейших доступных в переводе произведений и очень подробный очерк жизни и творчества Л. Улицкой. Завершает этот раздел книги перевод любопытного интервью Улицкой, взятое переводчиком из Интернета. Как мы видим, переводя это небольшое произведение, Марит Бьеркенг воспользовалась поводом заинтересовать читателя новым именем и одновременно ознакомить его с некоторыми сторонами российской жизни и культуры. Похвально также, что издательство поддержало переводчицу в этом, а также в прелестном оформлении издания.

Помимо комментариев, которые, к сожалению, читатель обнаруживает лишь по прочтении повести, автор перевода временами пользуется приемом пояснения русских реалий прямо в тексте, что, конечно, помогает читателю. Так, энергичное начало описания эпохи у Улицкой «Выдыхался нэп» (с. 7) передано по-норвежски «Den nye økonomiske politikk, NEP, var i ferd med å utånde» (s. 7)³, что несколько сбивает ритм фразы. Однако переводчица, стараясь все-таки не злоупотреблять этим приемом, ставит понятность текста для читателя во главу угла. Например: «в александровской электричке он столкнулся с известным художником Тимлером» (с. 47) — på et forstadstog i Aleksaandrov hadde han støtt på den kjente kunstneren Timler

---

³ Цифра в скобках обозначает страницу в русском издании: Улицкая Л. Сонечка. М., 2001, и в норвежском: *Ulietskaja L. Sonetsjka*. Oslo, 2006.

(s. 45). Иногда такой комментарий позднее дублируется более подробно в Приложении: «из сестриной книги Елены Молоховец» (с. 77) — fra søsterens utgave av Jelena Molokhovets' kokebok for unge husmødre (s. 73). В приложении приводятся дополнительные сведения об авторе и популярности этой «кухонной библии».

Переводческий опыт Марит Бьеркенг чувствуется в добротности и точности перевода и в той стратегии, которую она избирает при передаче стилистического своеобразия текста Улицкой. Одной из особенностей писательской манеры Улицкой является некоторая тягучесть текста, в котором в длинных периодах нанизываются в единую нить причастные и деепричастные обороты. Поскольку синтаксическая структура норвежского языка требует использования других средств, в переводе длинные периоды вынужденно разбиваются на более мелкие предложения и/или преобразуются в сложно-подчиненные. Вот одна иллюстрация излюбленного метода автора сообщать массу информации в длинном и осложненном предложении: «Отец, *потомок* местечкового кузнеца из Белоруссии, самородный механик, *не лишенный* и практической сметки, свернул свою часовую мастерскую и, *преодолевая* врожденное отношение к поточному изготовлению чего бы то ни было, поступил на часовой завод, *отводя* упрямую душу в вечерних починках уникальных механизмов, *созданных мыслящими* руками его *разноплеменных* предшественников» (с. 7–8) — Faren, som nedstammet fra en småbysmed fra Hviterussland, var en naturbegavelse av en mekaniker. Han var også utstyrt med en god porsjon praktisk rådsnarhet og var ikke sen om å avvikle urmakerverkstedet sitt. Han klarte å overvinne sin medfødte avsky for masseproduksjon av hva det skulle være, og tok jobb på en klokkefabrikk. Om kveldene vederkveget han sin trassige sjel med å reparere makeløse mekanismer som hans forgjengere fra mange land hadde skapt med sine tenkende hender (s. 7–8). Выделенные в русском тексте элементы сигнализируют о необходимости замены в переводе. Смысловое содержание сохраняется, но сам текст лишается тягучести, характерной для стиля автора. Отметим, что автор старается сохранить некоторую манерность стиля в лексических единицах: «en naturbegavelse av en mekaniker», «ikke sen om å avvikle», «vederkvege» — придают тексту несколько нарочитый характер, который в оригинале выражается в вычурности строя предложения. Происходит своеобразная компенсация синтаксических трансформаций лексическими средствами.

Однако переводчик не часто позволяет себе так радикально изменять структуру предложения. Сравним, к примеру, следующие цитаты: «Сонечкино чтение, *ставшее* легкой формой помешательства, не оставляло ее и во сне: свои сны она тоже как бы читала. Ей снились увлекательные исторические романы, и по характеру действия она угадывала шрифт книги, чувствовала странным образом абзацы и отточия. Это внутреннее смещение, *связанное* с ее болезненной страстью, во сне даже усугублялось, и она выступала там полноправной героиней или героем, *существуя* на тонкой грани между осязаемой авторской волей, заведомо ей известной, и своим собственным стремлением к движению, действию, поступку» (с. 7). — Sonetsjkas lesing, *som* var blitt en lettere form for sinnsforvirring, lot henne ikke engang i fred når hun sov: Det var akkurat *som om* hun leste drømmene sine også. Hun drømte fengslende historiske romaner, og ut fra handlingen gjettet hun seg til hva slags skrift *som* var brukt i boken, hun følte på underlig vis hvor det var avsnitt og hvordan tegnsettingen var. Denne indre sammenblandingen, *som* hang sammen med hennes sykelige lidenskapelighet, ble til og med forsterket i drømme. Der opptrådte hun *som* fullverdig heltinne eller helt, og eksisterte på et hårfint skille mellom den forfatterviljen *som* lot seg ane og *som* hun vitterlig kjente til, og sin egen higen etter bevegelse, handling, opptreden (s. 7). Мы видим, как переводчик доносит до читателя оттенки авторской мысли, изменяя синтаксическую структуру, разбивая длинный период, но при этом появляющийся в переводе в разных сочетаниях и функциях союз *som* создает некий ритмический рисунок. Можно сказать, что происходит своеобразная компенсация стилистических особенностей синтаксиса оригинала.

Улицкая любит предварять описание самого субъекта или действия предваряющими деталями, вводящими читателя в определенное настроение или временной период. Ср.: «Всякую мелочь — вырезанных из дерева животных, скрученных из веревок летающих птиц, деревянных кукол с опасными лицами — *Сонечка увезла потом в Москву*, но никогда не забыла и того, что было оставлено рагимовским детям и внукам, дружной стайке одинаковых тощих воробышков: раздвижную крепость для куклы-короля с готической башней и подъемным мостом, римский цирк со спичечными фигурками рабов и зверей и довольно громоздкое сооружение с ручкой и множеством цветных дощечек, способных двигаться, трещать и производить смешную варварскую музыку...» (с. 44) — *Senere, da de flyttet til Moskva*, tok Sonetsjka med seg alle slags småting — dyr skåret i tre,

fugler som var tvinnet av kyssing og hang under taket, forskjellige tredruker med skumle fjes, men hun glemte heller ikke hvordan de var, de tingene som ble overlatt til den trivelige flokken av magre spurveunger som var Rahimovs barn og barnebarn: en sammenleggbare festning som var laget til en kongedukke, den hadde gotisk tårn og vindebro, et romersk sirkus med små slavefigurer og dyr av fyrstikker og en stor konstruksjon med håndtak og en masse små fargerike planker som kunne bevege seg, knake og frembringe en morsom primitiv musikk... (s. 41–42). Начальное введение действия переезда опережает авторскую намеренную задержку этого сообщения, несколько изменяет фокус читательского внимания; однако надо отметить, что в переводе воспроизведены в едином предложении все детали длинного периода, за исключением «дружной стайки одинаковых тощих воробышков», потерявших в переводе признаки одинаковости и дружбы, но ставших приятными для окружающих «trivelige». Можно отметить, что, как и в предыдущей цитате, наиболее распространенный прием перевода причастных оборотов состоит в развертывании их в придаточное предложение. Таким образом раздумчивый и несколько старомодно-манерный оттенок авторского письма передается непривычно длинными норвежскими предложениями

Иногда изменение порядка построения элементов приводит к потерям: «Яся попала в детский дом, проявила незаурядную привязчивость к жизни, выжив в условиях, как будто специально созданных для медленного умирания души и тела, и вырвалась оттуда благодаря умению максимально использовать предлагаемые обстоятельства» (с. 68) — *Jasia havnet på barnehjem og viste seg å ha en ualminnelig evne til å klamre seg til livet, for hun overlevde under forhold som man skulle tro var tilrettelagt for å pine livet av både sjel og legeme. Fordi hun maket å utnytte de foreliggende omstendigheter maksimalt, greide hun å komme seg derfra* (s. 65). При переводе деепричастия придаточным предложением причинная связь между двумя действиями выражается эксплицитно. Некоторая потеря видится нам в том, что в авторском тексте, на наш взгляд, смысловой акцент сделан на конце предложения — умении максимально использовать обстоятельства, тогда как в переводе смысловой акцент сделан на том, чего героиня добилась.

Я неоднократно упоминала о тщательности и точности перевода. Это важно, потому что к особенностям стиля автора относится ее пристрастие к использованию необычных сочетаний качественных

характеристик и стремление к обновлению затертых слов, а порой и к словотворчеству. Все эти качества отнюдь не облегчают задачи переводчика. Несколько примеров непривычных характеристик: «Он был ростом мал, *остро-худ и серо-сед*» (с. 11) — *Han var liten av vekst, spiss og mager og grålig i hår og hud* (s. 10–11). Вполне естественно, что переводчик вынужден заменять столь яркие эпитеты стандартными описательными фразами. Чуть далее: «они поднялись вверх по *хищно-холодной* лестнице, отбиравшей и малое тепло от всяких ног, ее касающихся» (с. 12) — *de gikk opp den kalde trappen som lik et rovdyr trakk til seg all varme fra enhver fot som kom i berøring med den* (s. 12). Мы видим в переводе развертывание сложного прилагательного в сравнительную конструкцию, а причастного оборота в придаточное предложение. Легко заметить, что при сохранении смыслового содержания, поэтичность текста уменьшается. Переводчик очень часто вынужден разворачивать свернутые описания, в которых запоминаются неожиданные сочетания качеств: «вид имела сдержанно-высокомерный» (с. 65) — *hun så ganske reservert ut, nesten overlegen* (s. 64); «привлекательно-вымышленные обстоятельства» (с. 77) — *i en eller annen oppdiktet deilig situasjon* (s. 74).

Временами авторские изыски доставляют переводчику неприятности: «ерник и *выворачиватель* всего на свете Алеша и Володя с *океанским* талантом» (с. 104) — *luringen Aljosja som kunne legge ut om alt i hele verden, og Volodja med verdenstalentet* (s. 100). Слово *выворачиватель*, по-видимому, несколько непонято переводчиком, и в результате Алеша способен рассуждать о чем угодно, теряется оттенок свойственной этим рассуждениям издевки. Вместе с тем *luringen* сохраняет разговорный оттенок слова. Зато вполне равноценной является замена «океанского» таланта на более привычный в норвежском узусе «талант мирового масштаба».

При всей точности перевода встречаются и упрощения авторского текста, правда, в местах особой красоты: «Родильный дом, куда *на исходе женского срока* при первых же знаках приближающихся родов повел Роберт Викторович Сонечку, стоял на окраине большого села...» (с. 35). Поскольку это предложение открывает главку, переводчик начал с местонахождения родильного дома, а затем и завершил фразу совсем обыденно — *когда пришло время*: *Fødestuen befant seg i utkanten av den store landsbyen. Hit fulgte Robert Viktorovitsj Sonetsjka da terminen kom, og de fornemmet de første forvarsler om fødselen som nærmet seg* (s. 33). Дополнительно отметим в переводе

знакомое развертывание причастия и разбивку фразы на более короткие отрезки.

К тому, что уже было сказано, хочется добавить, что переводчик тщательно ищет наиболее точные по внутреннему образу соответствия. Некоторые из них присутствуют в вышеприведенных цитатах. Вот еще один замечательный образец: «даже самые жадные до чужих потрохов люди примолкали» (с. 122) — *de som var grådigst etter å meske seg med andres innvoller* (с. 117).

Однако даже самый хороший перевод не бывает совершенно свободен от ошибок. В данном переводе некоторые ошибки явно объясняются курьезным недопониманием или ситуации, или фразы. Так, «по-староофицерски резко поклонился» понято буквально (с. 23) — *Han bukket som en gammel offiser* (с. 22). Как мне кажется, автор скорее имеет в виду не возраст, а принадлежность офицера к старой (царской) армии. Иначе обстоит дело с переводом следующей фразы, когда герой находит в памяти разные детали и среди них «совершенно совиную морду официанта» (с. 34); в переводе эта морда приобретает совершенство: *det presise uglefjeset til kelneren* (с. 42). Еще одно свидетельство невнимательности переводчика: «И каждое утро было окрашено цветом незаслуженного женского счастья» (с. 51) — *Hver morgen ble pyntet med en blomst av ufortjent kvinnelykke* (с. 49). В переводе неожиданно для прозы Улицкой появилась нотка пошлости «цветок счастья». К счастью, такие случайности очень редки в этом очень хорошем переводе.

В своем очерке творчества Улицкой Марит Бьеркенг признается в том, что для нее в процессе работы над переводом не всегда было просто передать «богатство деталей, поэтический тон и обилие ассоциаций, свойственных оригиналу» (с. 138). Мне хотелось показать в этом маленьком анализе перевода, как многое переводчице удалось.

О. В. Костанда

МЕТАФОРЫ-КОМПОЗИТЫ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, вторичная номинация является одним из основных способов словообразования в языке. Метафора, представляющая собой перенос наименования на основе сходства признаков двух явлений, доминирует среди различных видов вторичной номинации. В то же время основосложение является, несомненно, самым продуктивным способом пополнения шведского языка. По словам Улофа Турелля, «способность образовывать новые слова путем словосложения особенно характерна для германских языков. В шведском языке возможности образования композитов в принципе безграничны...»¹. При этом лишь часть таких образований лексикализована, т. е. включена в словари. Говоря о сложных именах существительных и прилагательных, следует отметить, что первым компонентом таких слов является чаще всего существительное, реже — прилагательное или глагол. По словам Е. А. Дюжиковой, рассматривающей метафору в словосложении на материале английского языка, «метафорой как таковой может быть затронут любой член композита — первый (признак), второй (базис) или даже композит в целом, что можно представить в виде более общего правила, гласящего: метафоризация сложного слова может быть следствием как метафоризации составляющих его ономаσιологических частей или же следствием метафоризации целостного сложного комплекса...»². Учитывая все выше-

¹ Thorell O. Svensk ordbildningslära. Stockholm, 1981. S. 14.

² Дюжикова Е. А. Метафора в словосложении. Владивосток, 1990. С. 73

сказанное, представляется интересным рассмотреть те случаи, когда новая лексика шведского языка образуется в ходе двух процессов — основосложения и метафоризации.

Основой для статьи послужил анализ данных двух последних словарей новейшей лексики шведского языка, «Nyord i svenskan» и «Nyordsboken», вышедших в 1986 и 2000 г. соответственно. Таким образом, в данной статье речь идет только о лексикализованных метафорах. Следует также оговорить, что анализируются лишь метафоры имени существительного и прилагательного, т. е. глагольные и адвербиальные метафоры остаются за рамками данной статьи. Как выяснилось, упомянутые выше словари включают в себя около тысячи метафор имени. Все метафоры имени, представляющие собой композиты и вошедшие в упомянутые словари, были также проверены по словарной базе данных, составленной учеными университета города Гётеборга. Проверка была произведена на основе подшивки газеты «Svenska Dagbladet» (SvD) за 2000 г. Целью проверки было выяснить, насколько употребляемы те или иные лексикализованные метафоры-композиты в языке и являются ли продуктивными их компоненты. Кроме того, в процессе анализа модных в разное время компонентов композитов были использованы данные последнего выпуска «Словника Шведской Академии» («Svenska Akademiens ordlista») (SAOL 13), вышедшего в 2006 г.

На материале современного шведского языка метафоры, выраженные сложными словами, можно разделить на три группы:

1) Композит, уже ранее использовавшийся в языке в прямом значении, приобретает дополнительное, метафорическое значение (29 примеров в «Nyord i svenskan», 15 — в «Nyordsboken»): slagpåse ‘человек, подвергаемый постоянным нападкам’ (исходное значение ‘боксерская груша’), glastak ‘невидимые препятствия, не позволяющие женщинам и различным меньшинствам достичь руководящих постов на предприятии’ (букв. ‘стеклянный потолок’), huvudvärk ‘постоянная проблема’ (букв. ‘головная боль’). Для наглядности можно привести примеры, соответственно, исходного и метафорического употребления последнего композита: Hon fick huvudvärk av oväsendet ‘От шума у нее разболелась голова’; Takläckan är inte hyresgästernas huvudvärk utan värdens ‘Протечка крыши — это головная боль не жильцов, а хозяина квартиры’.

2. Один из компонентов композита уже ранее использовался в метафорическом значении (417 примеров в «Nyord i svenskan», 117 — в «Nyordsboken»): våldsvåg ‘волна насилия’ (компонент våg ‘волна’

и ранее употреблялся в метафорическом значении), *tittarstorm* ‘резкая негативная реакция со стороны телезрителей’ (компонент *storm* ‘шторм’ и ранее употреблялся в метафорическом значении), *ramlag* ‘рамочный закон’ (компонент *ram* ‘рамка’ и ранее употреблялся в метафорическом значении, например: *inom ramarna för verksamheten* ‘в рамках деятельности’). Интересно отметить, что слово *ram-* в качестве метафорического первого компонента сложного слова использовалось и ранее. Так, возникновение композита *ramberättelse* ‘рамочный отчет’ относят к 1903 г.

3. Метафорическое значение возникает лишь при образовании композита из двух элементов, каждый из которых ранее употреблялся только в буквальном значении. Здесь мы наблюдаем одновременное протекание двух языковых процессов: словосложения и метафоризации (115 примеров в «*Nyord i svenskan*», 92 — в «*Nyordsboken*»): *företagsdoktor* ‘эксперт в области экономики’ (сложение компонентов *företag* ‘предприятие’ и *doktor* ‘доктор’), *djungeltelegraf* ‘цепочка слухов’ (сложение компонентов *djungle* ‘джунгли’ и *telegraf* ‘телеграф’), *europudding* ‘культурный продукт, явившийся результатом сотрудничества между странами ЕС’ (сложение компонентов *euro* ‘европейский’ и *pudding* ‘пудинг’).

В разное время различные слова начинают особенно активно употребляться в качестве компонентов шведских композитов. Это относится как к первым, так и ко вторым компонентам. «Если оказавшееся по тем или иным причинам модным слово начинает широко эксплуатироваться в основосложении, то оно надолго становится неотъемлемой частью активного словарного состава»³. Наиболее типичным модным словом, а значит, и компонентом композита, является метафора, особенно имеющая в языке ряд синонимов. В течение некоторого периода времени с помощью такого компонента образуется большое число новых сложных слов, часть из которых постепенно входит в словарный состав языка, часть остается индивидуальными спонтанными новообразованиями и в языке не закрепляется. Со временем модный компонент либо утрачивает свою семантическую самостоятельность и начинает скорее тяготеть к статусу полуаффикса, либо теряет актуальность (например, при возникнове-

---

³ *Савицкая А. В.* Влияние английского языка на словообразовательные процессы в современном шведском языке // Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рожд. проф. Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 180.

нии в языке нового слова-компонента с аналогичным значением), а следовательно, и продуктивность. При этом уже лексикализованные композиты, образованные при помощи данного компонента, обычно сохраняются в языке, однако может резко снизиться частотность их употребления.

На базе исследуемого материала можно выделить следующие модные компоненты метафор-композигов:

а) первый компонент:

- **barfota-** (букв. ‘босоногий, босой’) в значении «примитивный» — о человеке, который, получив минимальное образование, начинает работать с простейшими случаями на практике: *barfotaekonom* ‘босой экономист’, *barfotaläkare* ‘босой врач’, *barfotapsykiater* ‘босой психиатр’, *barfotaspråkvårdare* ‘босой лингвист’. Все эти композиты образованы в 1970–1980-е гг. по образцу слова *barfotaläkare* ‘босой врач’, вероятно, пришедшего в шведский язык из китайского через английский в 1970 г. В настоящее время компонент *barfota-* не является продуктивным. Более того, все перечисленные композиты практически не употребляются в языке. SAOL 13 фиксирует лишь композит *barfotaläkare*, причем с комментарием, что данное слово используется лишь в отношении китайской реалии.
- **kedje-** (от существительного *kedja* ‘цепь’): *kedjebyte* ‘обмен по цепочке’, *kedjeföretag* ‘предприятие, состоящее из большого числа филиалов, производящих детали’, *kedjehus* ‘ряд домов, соединенных между собой подземными гаражами или подвалами’. Данные композиты по-прежнему употребляются в языке, а компонент *kedje-* является продуктивным.
- **lätt-** (букв. ‘легкий’): *lättfil* ‘обезжиренный кефир’, *lättlunch* ‘легкий обед’, *lättmargarin* ‘обезжиренный маргарин’, *lättmjölk* ‘обезжиренное молоко’, *lättmål* ‘легкий перекус’, *lättviktig* ‘неглубокий, поверхностный’ (букв. ‘легкой важности’, *lättyoghurt* ‘обезжиренный йогурт’, *lättöl* ‘слабоалкогольное пиво’. Данные композиты, появившиеся в языке в 1950–1970-е гг., по-прежнему широко употребительны. Компонент *lätt-* является продуктивным. Так, например, SAOL 13 фиксирует новый композит *lättmajonnäs* ‘обезжиренный майонез’. С середины 1990-х гг. наряду с ним начал активно использоваться английский аналог *light* в том же значении: *lightfeminist* ‘человек, сочувствующий феминистическому движению’, *lightprodukt* ‘обезжиренный

продукт’, *lightsosse* ‘человек, сочувствующий социал-демократам’, *lightversion* ‘сокращенная версия’. Интересно, что композиты *lightprodukt* и *lightversion* вошли в SAOL 13, т. е. компонент *light* находится в процессе лексикализации.

- ❑ **pirat-** (букв. ‘пиратский’) в значении «незаконный»: *piratbuss* ‘автобус, совершающий перевозки, не имея специального разрешения’, *piratdel* ‘пиратская запасная часть’, *piratradio* ‘пиратская радиостанция’, *piratsändare* ‘пиратский радиопередатчик’. Перечисленные композиты, образованные в 1960–1970-е гг., в настоящее время употребляются редко. Компонент *pirat-* по-прежнему является продуктивным, в 1980-е гг. появились такие слова, как *piratkopria* ‘пиратская копия’ и *piratkopiering* ‘незаконное копирование’, однако в ряде случаев он уступил компоненту *svart-* (букв. ‘черный’), используемому в том же значении. Так в SAOL 13 зафиксирован композит *svarttaxi* ‘нелегальное такси’ (букв. ‘черное такси’).
- ❑ **plast-** (букв. ‘пластиковый, пластмассовый’) в значении «ненастоящий, неестественный, искусственный»: *plastmusik* ‘пластмассовая музыка’, *plastspråk* ‘пластмассовый язык’, *plastmänniska* ‘пластмассовый человек’, *plastvärld* ‘пластмассовый мир’, *plastålder* ‘пластмассовый век’. Перечисленные композиты, появившиеся в 1970-х гг., в настоящее время практически не употребляются, хотя слово *plaståldern* вошло в SAOL 13, причем с определенным артиклем как обозначение определенной эпохи. Однако компонент *plast-* остался продуктивным, и уже в 1980-е гг. появились такие сложные слова, как *plastamma* ‘приемная, неродная мать’ и *plastpappa* ‘приемный, неродной отец’.
- ❑ **velour-** (букв. ‘велюровый’) в значении «слишком мягкий, чувствительный, открытый»: *velouraktig* ‘велюровый’, *velourdirektör* ‘велюровый директор’, *velourpappa* ‘велюровый папа’, *veloursamtal* ‘велюровый разговор’. Из перечисленных композитов лишь слово *velourpappa* встречается в подшивке SvD за 2000 г. (два употребления).
- ❑ **nisch-** (букв. ‘ниша’): *nischbank* ‘банк, рассчитанный на определенный круг клиентов’, *nischföretag* ‘предприятие с узкой специализацией’, *nischgröda* ‘определенный продукт земледелия, составляющий небольшую часть общей сельскохозяйственной продукции’, *nischmäss*a ‘ярмарка, ориентированная на определенный круг посетителей’, *nischtidning* ‘газета, ориен-

тированная на определенный круг читателей’, *nisch-tv* ‘телевизионные программы, ориентированные на определенного зрителя’. Компонент *nisch-* в описанном выше значении появился в шведском языке в 1980-е гг. и по-прежнему является высоко продуктивным.

- **teflon-** (букв. ‘тефлоновый’) в значении «обладающий свойством “не приставать”, переменчивый, легко меняющий свои взгляды»: *teflonman* ‘тефлоновый муж’, *teflonpolitiker* ‘тефлоновый политик’, *teflonpop* ‘тефлоновая популярная музыка’, *teflonålder* ‘тефлоновый возраст’. В подшивке SvD за 2000 г. композитов с данным компонентом не встречается. При этом интересно отметить, что в SAOL 13 появился новый композит — *teflonpappa* ‘тефлоновый папа’.
- **grädd-** (букв. ‘сливочный’) в значении «особо привлекательный, элитный»: *gräddhylla* ‘привлекательный (элитный) жилой район [с видом на море]’ (букв. ‘сливочная полка’), *gräddjobb* ‘хорошая работа’ (букв. ‘сливочная работа’), *gräddvåning* ‘элитная квартира’ (букв. ‘сливочная квартира’). По материалам словарной базы университета г. Гётеборга, эти слова, появившиеся в языке в конце 1980-х — начале 1990-х гг., по-прежнему используются, хотя компонент *grädd-* утратил продуктивность.

б) второй компонент:

- **-bank** (букв. ‘банк’) в значении «база»: *blodbank* ‘банк крови’, *databank* ‘банк данных’, *forskningsbank* ‘банк результатов опытов’, *genbank* ‘генный банк’, *kärlbank* ‘банк кровеносных сосудов’, *lägenhetsbank* ‘банк квартир’, *spermabank* ‘банк спермы’. Компонент *-bank* в значении «база» пришел в шведский язык из английского в результате семантического заимствования словосочетания *blood bank* (*blodbank* ‘банк крови’) в 1948 г. Перечисленные выше композиты используются в языке и сейчас.
- **-döden** (букв. ‘смерть’) в значении «уничтожение, закрытие, ликвидация»: *biografdöden* ‘смерть кинотеатров’, *järnvägsdöden* ‘смерть железных дорог’, *skogsdöden* ‘смерть лесов’, *tidningsdöden* ‘смерть газет’. Из перечисленных композитов, возникших в разное время, в настоящее время активно используются и входят в SAOL 13 два последних.
- **-explosion** (букв. ‘взрыв’) в значении «резкий рост, бурное развитие». Компонент заимствован из английского языка: *aka-*

demikerexplosion ‘резкий рост числа лиц с высшим образованием’, befolkningsexplosion ‘демографический взрыв’, informationsexplosion ‘резкий рост потока информации’, kunskapsexplosion ‘резкое увеличение знаний’, utbildningsexplosion ‘бурное развитие сферы образования’. Перечисленные композиты по-прежнему используются в языке, а компонент -explosion является продуктивным.

- **-klimat** (букв. ‘климат’) в значении «обстановка, дух, атмосфера»: *arbetsklimat* ‘рабочий климат’, *debattklimat* ‘дискуссионный климат’, *förhandlingsklimat* ‘климат переговоров’, *ideklimat* ‘идейный климат’, *konkurrensklimat* ‘климат конкуренции’, *kulturrklimat* ‘культурный климат’, *ljudklimat* ‘звуковой климат’. Практически все эти композиты, возникшие в 1960-е — начале 1970-х гг., активно используются в современном шведском языке.
- **-snål** (букв. ‘скупой’) в значении «дешевый в эксплуатации, потребляющий мало энергии» или «с низким содержанием чего-л. нежелательного»: *bensinsnål* ‘с низким потреблением бензина’, *bränslesnål* ‘с низким потреблением топлива’, *energisnål* ‘энергосберегающий’, *kalorinsnål* ‘низкокалорийный’, *strömsnål* ‘энергосберегающий’, *utrymmessnål* ‘занимающий мало места’. Все перечисленные композиты, за исключением последнего, представлены в подшивке SvD за 2000 г.
- **-kramare** (букв. ‘обнимающий’) в значении «защитник»: *reaktor-kramare* ‘защитник атомной энергии’ (букв. ‘обнимающий реактор’), *rälskramare* ‘защитник железнодорожного транспорта’ (букв. ‘обнимающий рельсы’), *sjukhuskramare* ‘противник сокращения числа больниц’ (букв. ‘обнимающий больницу’), *skattekramare* ‘защитник сохранения высоких налогов’ (букв. ‘обнимающий налоги’), *kärnkraftskramare* ‘защитник атомной энергии’ (букв. ‘обнимающий атомную энергию’), *bilkramare* ‘защитник прав автомобилистов’ (букв. ‘обнимающий автомобиль’). Все эти сложные слова образованы по образцу композита *trädkramare* ‘противник вырубки деревьев’ (букв. ‘обнимающий деревья’), пришедшего в шведский язык из английского в 1980 г. В 1987 г. данное слово было зарегистрировано среди появившихся за этот год неологизмов. При этом собственно самостоятельного слова *kramare* в шведском языке не существует. По словам А. В. Савицкой, «данный композит был образован по модели, сочетающей в себе основосложение и

аффиксацию, поскольку его второй компонент — это производное от глагола *krama* ‘обнимать’⁴. Интересно, что это слово первоначально употреблялось в прямом, а не метафорическом значении: участники природоохранной акции действительно обнимали деревья, демонстрируя таким образом свое несогласие с решением об их вырубке.

Следует добавить несколько слов о сферах употребления метафор-композигов в шведском языке. Как показало проведенное исследование, все метафоры, относящиеся к таким актуальным в настоящее время в Швеции сферам, как экономика, финансы и рынок труда, политика, компьютер и информационные технологии, экология, здравоохранение, образование, представляют собой сложные слова. То же самое касается метафор имени, вошедших в словари «*Nyord i svenskan*» и «*Nyordsboken*» со стилистическими пометами *vard.* (*vardagligt*) ‘разговорное’, *nedsätt.* (*nedsättande*) ‘уничижительное’ и *skämts.* (*skämtsamt*) ‘шутливое’, а также с пометами, относящими слово к той или иной терминологической группе.

Главный вывод, который позволяет сделать проведенное исследование, — это констатация того факта, что подавляющее большинство метафор имени в современном шведском языке является композитами (более 700 из 1000 метафор), причем метафоры-композигов преобладают во всех сферах языка. При этом можно выделить три группы сложных слов в зависимости от того, каким путем появился в языке метафора-композигов:

- уже существующий в языке композит получает дополнительное, метафорическое значение;
- один из компонентов композита уже ранее использовался в качестве метафоры;
- метафорическое значение возникает лишь при соединении двух основ, т. е. при словосложении.

На основе изученного материала оказалось также возможным выделить целый ряд как первых, так и вторых компонентов композигов, которые в разное время за последние десятилетия становились модными. Часть из них в дальнейшем продолжает активно использоваться для создания композигов-«согипонимов», превращаясь в словообразовательную морфему, часть — утрачивает продуктивность.

---

⁴ Там же. С. 180.

Е. В. Краснова

РОЛЬ МЕТОНИМИИ В СОЗДАНИИ ДАТСКИХ КОМПОЗИТОВ

Метонимии как одному из фундаментальных свойств человеческого сознания посвящены многочисленные исследования в различных областях лингвистического знания: в психолингвистике, стилистике, лексической семантике, лексикографии. В последние годы широкое распространение получило исследование метонимии на когнитивном уровне. Несомненно плодотворной оказалась получившая распространение в целом ряде работ мысль об избирательности человеческого внимания, которая отражается в языке в виде возможностей сдвига фокуса внимания при описании одной и той же внеязыковой ситуации¹. Разработка метонимической модели, основанной на представлении о метонимии как о сдвиге фокуса внимания, представляется плодотворной и при рассмотрении механизмов создания сложного слова.

Е. В. Падучева, отмечая, что в лингвистическом дискурсе последнего десятилетия семантическая структура языкового выражения была переосмыслена как концептуальная структура фрагмента действительности, которую естественно считать результатом языковой концептуализации реальности, подчеркивает, что при любой концептуализации фрагмента действительности одни аспекты акцентируются, актуализуются, другие затушевываются, уходят в фон. Но аспекты ситуации, затушеванные в этом случае, имплицитно присутствуют в контексте сделанного высказывания: затушеванные аспекты

---

¹ *Talmy L.* Towards a Cognitive Semantics. Vol. 1–2. Cambridge, 2000. Vol. 2: Concept Structuring Systems.

связаны с актуализированными отношениями типа «часть — целое», «параметр — значение», «причина — следствие» и т. п. И здесь приходит на ум понятие метонимии, отмечает Е. В. Падучева².

При рассмотрении целого ряда датских композитов также приходит на ум понятие метонимии. Взгляд на композиты под «метонимическим углом зрения» представляется особенно продуктивным при рассмотрении некоторых современных моделей, которые не укладываются в привычную схему. Речь идет прежде всего о тех субстантивных сложных словах, в которых отсутствует непосредственная связь между первым и вторым компонентами. Такие модели, появление которых вызвано тенденцией к экономии языковых средств, к эллиптичности, к компактности, мы будем далее называть структурно немотивированными композитами.

Название «структурно немотивированные» достаточно условно, поскольку объединяет различные виды композитов лишь на основании одного признака — немотивированности, т. е. отсутствия прямых семантических и синтаксических связей между компонентами. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении эта группа оказывается весьма неоднородной, поскольку опущенные элементы смысловой структуры очень разнообразны по объему и характеру: от линейных эллиптических образований, в которых опущен один промежуточный элемент (*mobiltelefonselskab* → *mobilselskab* ‘оператор мобильной связи’), до более свободных «сцеплений», где составляющие их элементы совсем не обязательно имеют катафорическую или анафорическую зависимость от текста.

Широко распространено мнение, что толкование структурно немотивированных композитов, в отличие от обычных мотивированных образований, представляет собой сложную задачу и не всегда возможно без контекста, который может позволить восстановить опущенные смысловые элементы. Вместе с тем носители языка, как правило, с легкостью интерпретируют такие слова даже без обращения к контексту.

Представляется, что именно рассмотрение некоторых распространенных метонимических моделей и изучение структурно-немотивированных композитов с точки зрения связи между элементами и воспринимаемой говорящим действительностью позволят прояснить

---

² Падучева Е. В. К когнитивной теории метонимии // Труды междунар. конф. Диалог’2003. Протвино, 11–16 июня, 2003. Протвино, 2003.

некоторые аспекты создания и интерпретации подобных сложных слов в современном датском языке.

Материалом настоящего исследования послужил обширный корпус субстантивных композитов (более 5000 единиц), собранных на страницах газет и журналов (в том числе и интернет-версий), а также зафиксированных в электронной базе данных Общества датского языка и литературы³. Корпус этот содержит как зарегистрированные датскими словарями слова, так и окказиональные композиты, которые представляют наибольший интерес при рассмотрении метонимических сдвигов.

Нет сомнения в том, что метонимические модели часто сопровождают словосложение и могут встречаться в любых типах сложных слов, совсем не обязательно в структурно немотивированных. Метонимический сдвиг в сложном слове можно наблюдать в первом компоненте композита, во втором его компоненте или же во всем слове целиком.

Чаще всего метонимический перенос наблюдается в первом компоненте сложного слова. Для второго компонента в большинстве случаев характерны метафоризация или расширение значения. Значительная часть метонимических сдвигов представляет собой регулярные метонимические модели, отражающие постоянное взаимодействие объектов и понятий. В исследуемом материале представлены многие из описанных в различных учебниках и пособиях видов метонимических переносов, в первую очередь пространственные и временные.

При этом если сравнить типы метонимических переносов изолированного слова и того же слова в составе композита, то можно выделить три случая:

1. В компоненте сложного слова может наблюдаться тот же тип метонимического переноса, который характерен для изолированного слова, не входящего в состав композита. Первым компонентом сложных слов *politivold* 'полицейское насилие', *politibrutalitet* 'полицейская жестокость' является слово *politi* 'полиция', которое используется в значении 'полицейские', но точно так же оно используется и будучи самостоятельным словом. В словах такого типа наблюдаются многие частотные типы метонимического переноса.

2. В компоненте сложного слова наблюдается другой тип переноса по сравнению с возможным в изолированном слове. Например,

---

³ <http://korpus.dsl.dk/korpus2000/indgang.php>.

слово *bus* может обозначать пассажиров (*hele bussen kan høre dig*), но никак не водителя, в то время как в композите *buskonflikt* слово *bus* обозначает именно водителя/водителей автобусов (слово *konflikt* здесь используется в значении ‘столкновение между работниками и работодателями’). Аналогичные примеры метонимического переноса можно наблюдать в композитах: *taxakonflikt*, *havnekonflikt*, *skolekonflikt*. Буквальное понимание этих слов требует восстановления другого участника ситуации, связанного с данным отношением смежности. Слово *taxa* ‘такси’ используется для обозначения водителей такси. Точно также слова *havn* ‘порт’ и *skole* ‘школа’ становятся обозначением людей, работающих, соответственно, в порту и в школе. Люди, работающие в порту или в школе, не могут прийти к соглашению с работодателями. Метонимический сдвиг данного типа, представляющий собой живую метонимию, присутствует во многих сложных словах с частотными элементами.

3. В компоненте сложного слова наблюдается метонимический перенос, в то время как в отдельно использованном слове не наблюдается какого-либо регулярного метонимического переноса. Например, первый компонент слова *skraldestrejke* (досл. ‘забастовка мусора’) ни при каких обстоятельствах не может обозначать тех, кто занимается вывозом отходов (если только не иметь в виду возможную метафоризацию слова *skrald*), а первый компонент слова *dankortbande*, использовавшегося о группе преступников, которые, считав обманым путем данные банковских карт, снимали деньги с чужих счетов (досл. ‘банда банковских карточек’ — *dankort* ‘датская банковская пластиковая карточка’), никак не может обозначать людей.

Именно второй и третий типы могут представлять трудности при интерпретации, но если во втором типе возможна двоякая трактовка (слово *buskonflikt* может быть в принципе интерпретировано как ‘конфликт пассажиров автобуса’, а *skolekonflikt* — как ‘конфликт внутри школы’, т. е. конфликт между учителями или конфликт учителей с учениками), то при истолковании слов третьего типа, представляющего собой яркий пример структурной немотивированности, могут возникнуть трудности.

Среди структурно немотивированных композитов выделяется большая группа с частотными вторыми компонентами, которые становятся опорными словами в целых рядах «модных» композитов с метонимическим переносом в первом компоненте. Следующие ком-

поненты наиболее частотны в рассмотренном материале: affære, aktion, apparat, arbejde, assistent, avis, ballade, bus, bånd, cafe, center, cirkus, debat, demokrati, død, effekt, facilitet, fest, flade, flugt, funktion, ghetto, gruppe, hus, ideologi, imperialist, imperium, kløft, konflikt, kreds, krig, krise, kult, kultur, land, landskab, linje, mafia, miljø, møde, område, pakke, pause, plan, pleje, princip, rapport, regering, safari, sag, samfund, selskab, shop, situation, skade, skov, spørgsmål, støtte, syndrom.

Наиболее ярко метонимия проявляется в целом ряде окказиональных немотивированных композитов, которые ежедневно появляются на страницах газет. Это, на первый взгляд, случайные «сцепления» слов, которые возникают при описании какого-нибудь актуального события.

Так, например, при описании снежной бури и возникших в связи с ней снежных заносов, используются слова: sne-aflysninger (досл. ‘снежные отмены’, т. е. отмены поездов и автобусных рейсов из-за выпавшего снега), sne-fridag (досл. ‘снежный выходной день’, т. е. неожиданно возникший в результате перебоев в движении транспорта выходной день). А в связи с описанием аварии на складе пиротехники в районе г. Колинга и последствий этой аварии появятся существительные: fyrværkerigrund (досл. ‘пиротехническая земля, петардная земля’), fyrværkerikatastrofe (досл. ‘пиротехническая катастрофа, петардная катастрофа’), fyrværkeriområde (досл. ‘пиротехнический район, петардный район’).

В таких на первый взгляд структурно немотивированных образованиях мы наблюдаем метонимическую связь двух концептуализаций одной и той же ситуации. В качестве первого элемента используется главное, ключевое для всей ситуации слово, которое связано с исходным объектом или понятием отношением смежности. При описании снежной бури и ее последствий фокус внимания перемещается на слово sne, которое является репрезентацией события (снежной бури или снежных заносов, приводящих к отмене поездов, в результате чего люди не могут добраться до работы), а в случае с аварией на заводе пиротехники такую роль берет на себя слово fyrværkeri. Таким образом, при концептуализации фрагмента действительности какой-то один аспект выходит на первый план и участвует в создании сложного слова, в то время как остальные аспекты теряют свою актуальность — происходит сдвиг фокуса внимания.

Очевидно, что во многих случаях такие «сцепления» слов создаются с целью создания определенного эффекта. Метонимический

сдвиг участвует в создании образа. Возможно образование нескольких структурно немотивированных композитов с одним и тем же первым элементом, и, очевидно, лишь первый (или первые) из них образуется при помощи механизмов метонимического переноса, последующие же образуются по аналогии.

В отличие от регулярных образований, в структурно немотивированных композитах, образованных по этим моделям, наличие прямых семантических связей между элементами перестает быть важным.

Вместе с тем очевидно, что подобные структурно немотивированные образования подвержены определенным ограничениям, т. е. существуют некие «разрешенные» или наиболее частотные типы переносов по смежности. Наиболее часто встречаются композиты, в которых полное обозначение некоторой ситуации сводится к компоненту предметного значения, когда вместо обозначения события или действия используется вовлеченный в это событие или действие предмет: *asbestskandale* (досл. ‘асбестовый скандал’ — о скандале, разразившемся после появившейся в печати информации о том, что на датских железных дорогах используется запрещенный асбест), *hjerdebørn* (досл. ‘сердечные дети’ — о детях, страдающих различными болезнями сердца), *skudsag* (досл. ‘дело о выстреле’ — об убийстве в г. Рандерс).

Несомненно, во многих композитах этого вида прочна связь с контекстом и адресат должен хотя бы в какой-то мере владеть информацией для восстановления опущенных связей. Вместе с тем многие метонимические модели такого типа начинают переходить в разряд регулярных, что облегчает их декодирование.

Особый интерес представляет метонимический перенос в структурно немотивированных композитах с собственным именем на первом месте, где собственное имя имеет единичную предметную отнесенность (*Wagner-aften* ‘вечер, на котором исполняют фрагменты из произведений Вагнера’). При этом использование метонимии во многих случаях сопровождается постепенным процессом перехода имени собственного в нарицательное — наблюдается тенденция к большей языковой абстракции. Такой постепенный переход можно наблюдать в целом ряде образований, возникших в связи с так называемым карикатурным скандалом: *Muhammed-krise*, *Muhammed-sag*.

Многочисленные примеры метонимического переноса в газетных текстах еще раз иллюстрируют тот факт, что метонимия как процесс, встроенный в обыденное сознание и имеющий очевидную опытную

основу, является чрезвычайно эффективным средством концептуализации действительности.

Трудно согласиться с некоторыми авторами, которые утверждают, что структурная немотивированность возникает в результате отсутствия прямых смысловых связей между компонентами композита, а следовательно, отражает отсутствие таких связей между предметами действительности, обозначенными компонентами сложного слова⁴. Если бы такой связи не существовало, образование композита вряд ли было бы возможно. Рассматривая структурно-немотивированные композиты с точки зрения связи между высказыванием говорящего и воспринимаемой им действительностью и понимая семантическую структуру как результат концептуализации действительности, можно говорить о метонимических связях между компонентами концептуальных структур. В структурно немотивированных композитах мы наблюдаем перенос по смежности, перенос внимания на объект, смежный с другим объектом.

Следует подчеркнуть, что анализ структурно немотивированных композитом с привлечением метонимии — один из возможных способов (но далеко не единственный) выявления некоторых механизмов словосложения.

Увеличение количества на первый взгляд структурно немотивированных композитов, созданных с участием метонимии, тенденция к образованию разнообразных семантических метонимических инноваций, вызванных стремлением к преобразованию описательной номинации в однословную, к компрессии поверхностной структуры описательной номинации, словосочетания или предложения, свидетельствуют о том, что система словосложения в датском языке — гибкий механизм, позволяющий расширять семантические возможности употребления слов, оперативно реагировать на новые коммуникативные потребности общества и создавать компактные и экономичные языковые средства.

---

⁴ *Мешков О. Д.* Семантические аспекты словосложения английского языка. М., 1986. С. 104; *Konike M.* Surdejsskålen og oliefuglene. Om komposita og «bekvemmelighedskomposition» // *Danske studier.* København, 1990. S. 159–162.

Э. Б. Крылова

ДАТСКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ И ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ

Введение

Обращаясь в одной из своих статей к анализу значений датских модальных глаголов, Б. С. Жаров справедливо замечает, что данным глаголам, определению их лексической и прагматической семантики, а также анализу их морфологических и синтаксических свойств посвящены исследования целого ряда отечественных и зарубежных языковедов¹. Однако до сих пор в лингвистической литературе ведутся споры не только об их морфологических и семантико-синтаксических особенностях, но даже об их количественном составе.

По оценкам датских исследователей, число модальных глаголов в датском языке варьируется от 6 до 8, что объясняется различием принципов, лежащих в основе их выделения у разных авторов. В соответствии с традиционной датской грамматикой определяющим критерием такого выделения является синтаксический принцип, по которому к модальным относятся все глаголы, способные присоединять инфинитив другого глагола без приинфинитивной частицы: *behøve, burde, gide, kunne, måtte, skulle, turde, ville*².

---

¹Жаров Б. С. О двух видах модальности в значении модальных глаголов // *Philologica Scandinavica*: Сб. ст. / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2003. С. 66.

²*Mikkelsen K. Dansk Ordføjningslære. København, 1975 (1911). S. 349; Brandt S. Modal verbs in Danish. København, 1999. S. 24; Boye K. Modalitet, evidentiali og epistemicitet. Odense, 2001. S. 21; Jensen T. J. Irrealitetsmarkører i dansk talesprog. En korpuslingvistisk undersøgelse*

Некоторые лингвисты, помимо данного критерия, учитывают другие морфологические и синтаксические особенности модальных глаголов и, исходя из них, исключают из приведенного выше списка то глагол *behøve*³, то глаголы *gide* и *turde*⁴.

В новой академической «Грамматике датского языка» Э. Хансен и Л. Хельгофт формируют четыре основных критерия выделения группы модальных глаголов в датском языке:

- морфологическое отличие презентной формы глагола с нулевой флексией от всех остальных форм (*kan* — *kunne*, *kunne*, *kunnet*), а также отсутствие формы императива;
- управление инфинитивом другого глагола без приинфинитивной частицы;
- отсутствие влияния на синтаксическую модель предложения;
- принадлежность к семантическому полю «возможность — необходимость»⁵.

Согласно перечисленным критериям, авторы «Грамматики» выделяют группу «прототипичных» модальных глаголов, полностью удовлетворяющих всем четырем признакам: *kunne*, *måtte*, *skulle* и *burde*. К числу модальных Э. Хансен и Л. Хельгофт также относят глагол *behøve*, который, однако, не удовлетворяет морфологическому критерию, т. к. в ряде случаев присоединяет «*at-infinitiv*», а также глагол *ville*, имеющий, по мнению авторов, достаточно «тонкую связь с системой модальных глаголов», поскольку в своем футуральном значении он фактически является вспомогательным глаголом для образования формы будущего времени и поэтому не удовлетворяет четвертому из приведенных выше критериев. В своем же основном значении волеизъявления глагол *ville* требует употребления одушевленного субъекта и, таким образом, равно как и глаголы *gide* и *turde*, не удовлетворяет третьему из перечисленных критериев⁶.

---

af hvis-konstruktioner og modalverber i medarbejdersamtaler og sociolingvistiske interview. Ph.d.-afhandling. Institut for Nordiske studier og Sprogvidenskab. København, 2005. S. 45.

³ *Wiwel H. G.* Synspunkter for Dansk Sproglære. København, 1901. S. 152; *Hansen A.* Moderne Dansk. København, 1967. Bd. III. S. 12; *Diderichsen P.* Elementær dansk grammatik. 3. udg. København, 1974 (1946). S. 62.

⁴ *Hansen E.* Behøver vi at? // *Nyt fra Sprognævnet*. N 19. København, 1977. S. 2.

⁵ *Hansen E., Heltoft L.* Grammatik over det danske sprog. Kapitel 4–6. Det verbale system. Foreløbig udgave. København, 1999. S. 146.

⁶ *Ibid.*

Помимо отсутствия форм императива, модальные глаголы не образуют форм причастия настоящего времени и форм пассива, а также крайне редко встречаются в форме инфинитива. Однако для глагола *kunne*, частота употребления которого, по подсчетам датских исследователей, значительно превосходит (45,9%) частоту употребления следующих за ним *skulle* (28,6%), *ville* (15,6%) и *måtte* (4,9%), большая часть данных признаков оказывается наименее релевантной, возможно, именно из-за его широкой распространенности в речи⁷.

В рамках данной статьи хотелось бы подробнее остановиться на анализе некоторых прагматических особенностей модальных глаголов *kunne*, *skulle*, *måtte*, не вызывающих никаких сомнений в том, что они относятся к группе модальных. Наибольшее внимание исследователей, пожалуй, привлекает способность их финитных форм образовывать устойчивые грамматизованные сочетания с инфинитивом I, II другого глагола, прагматическая семантика которых не может быть выведена из лексических значений их составляющих, а определяется методами прагматического и контекстуального анализа:

- 1) Hun *kan være gift*.
'Возможно, она замужем'.
- 2) Jeg forstod at alle nu *måtte have hørt* historien om min redning.
(N. Brunse)
'Я понял, что все, должно быть, уже слышали историю моего спасения'.
- 3) Manden *skal have dræbt* sin kone. (TV2)
'Говорят/по сообщениям, мужчина убил свою жену'.

Ограничение списка рассматриваемых в данной статье модальных глаголов названными тремя объясняется тем, что, по результатам проведенного исследования, только значения, выражаемые конструкциями с данными глаголами, можно отнести к проблематическому типу эпистемической модальности.

---

⁷Jensen T. J. Irrealitetsmarkører i dansk talesprog. En korpuslingvistisk undersøgelse af hvis-konstruktioner og modalverber i medarbejdersamtaler og sociolingvistiske interview. Ph.d.-afhandling / Institut for Nordiske studier og Sprogvidenskab. København, 2005. S. 182.

В задачи данной статьи входит функционально-семантический анализ грамматизованных устойчивых сочетаний *kunne/måtte/skulle* + *Infinitiv I, II* и сопоставление их с эпистемическими характеристиками датских модальных частиц, также являющихся средствами выражения проблематической модальности:

pok — конклюдив 1-го л., выражающий гипотетическое *умозаключение* говорящего, отвечающего за него перед слушающим;

vel — экспликатив 2-го л., выражающий гипотетическое *объяснение* говорящим сложившейся ситуации в расчете на его принятие слушающим;

vist — ситуатив 3-го л., выражающий *косвенную засвидетельствованность* и указывающий на наличие некоего источника информации⁸.

1. Kan / kunne + Infinitiv I, II

Грамматизованные устойчивые сочетания *kan/kunne* + *Inf. I, II* относятся к средствам выражения пропозициональной установки говорящего, т. к. используются для выражения его гипотезы о достоверности содержания пропозиции:

- 4) *Malaria kan være på vej til Danmark.* (NA-avis)
'Малярия, возможно, на пути в Данию'.
- 5) *Den altødelæggende brand kan være påsat.* (BT-avis)
'Причиной такого всепожирающего пожара, возможно, был поджог'.

Говорящий не знает, каково действительное положение дел, что, собственно, и «является условием речевого акта гипотезы»⁹. Однако в рамках речевого акта гипотезы можно выделить такие ее виды, как «логическое умозаключение, догадка или допущение»¹⁰.

---

⁸ Крылова Э. Б. Прагматическая семантика и коммуникативные функции модальных частиц *pok, vel* и *vist* в датском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004; *Durst-Andersen P.* Det danske sprogs mange stemmer. København, 2007. S. 75 (в печати).

⁹ Бульгина Т. В., Шмелев А. Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 132.

Предложение говорящего слушающему рассмотреть данную пропозицию как гипотетически возможную предполагает наличие алетической возможности как разновидности онтологической модальности, более «объективной», как отмечает Б. С. Жаров¹¹. Значение гипотезы, выражаемое модальной конструкцией с *kunne*, можно охарактеризовать как *гипотетическое объяснение* сложившейся ситуации, которое говорящий допускает как объективно возможное:

- 6) Det undrede mig at hun kunne smile mens hun omtalte sin fars død, men manden *kunne* jo have været en slynger... Det *kunne* også være en reaktion mod sorgen (Nielsen)

‘Меня удивляло то, что она могла улыбаться, говоря о смерти отца, но тот ведь, возможно, был сорви голова... А может, это была реакция на горе’.

Модус «эпистемической возможности»¹², или, точнее, «модус допущения»¹³, показателем которого является конструкция с *kunne*, допускает наличие других возможностей (6) и оставляет слушающему свободу выбора, а говорящему — «свободу отречения»¹⁴:

- 7) *Kan* det være sket noget? Sludder og vrøvl. (Hansen)

‘Может, что-то случилось? Чушь и ерунда’.

Значение *объяснения* говорящим сложившейся ситуации сближает гипотетическую конструкцию с *kunne* с экспликативом *vel*, однако, допущение говорящим такого объяснения *как одного из ряда возможных* отличает объяснение, выражаемое *kan/kunne* + *Inf. I, II*, от объяснения, *предлагаемого говорящим к принятию слушающим* и выражаемого частицей *vel*:

- 8) I Rom har man *vel* også været optaget af disse problemer... (avis)

‘В Риме, наверное, тоже были озабочены этими проблемами...’

---

¹¹ Жаров Б. С. О двух видах модальности в значении датских модальных глаголов // *Philologica Scandinavica*: Сб. ст. / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2003. С. 67.

¹² Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. М., 2000. С. 243.

¹³ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 408–440.

¹⁴ Там же. С. 412.

- 9) Og i Rom kan de have hørt om det store Egypten... (avis)
'А в Риме они, возможно, слышали о великом Египте...'

Как видно из приведенных примеров, модальная частица *vel* вносит в высказывание значение *гипотетического объяснения* ситуации, которое говорящий предлагает рассмотреть слушающему и рассчитывает на его принятие. Функция вовлечения говорящим слушающего в решение данного вопроса позволила отнести *vel* к *гипотетическим экспликативам 2-го л.*¹⁵.

Глагольная конструкция *kan+Infinitiv I, II* эксплицирует в (9), (10) эпистемическое значение *допущения говорящим предложенного слушающему объяснения как одного из объективно возможных*, при этом анализируемое средство можно также отнести к *гипотетическим экспликативам 2-го л.*, поскольку ответственность за выбор именно данной пропозиции как возможного объяснения ситуации практически перекладывается говорящим на слушающего:

- 10) Det fortælles at dørene i Porta Salaria ikke var lukket ordentligt, måske på grund af forræderi — det kunne være slaver, som for at hævne sig på deres herrer samarbejdede med fjenden — eller måske andre gotiskvenlige kredse...
'Рассказывают, что двери в Порта Салариа не были закрыты как следует, может быть из-за предательства, — возможно, это были, рабы, которые, чтобы отомстить своим господам, сотрудничали с врагом — или, может быть, другие круги римлян, симпатизировавшие готам'.

Таким образом, грамматизованное сочетание *kunne + Infinitiv I, II* отличается от модальной частицы *vel* более объективной разновидностью гипотетического значения объяснения:

Vel — *субъективный гипотетический экспликатив 2-го л.*, выражающий значение гипотетического объяснения ситуации говорящим, которое он предлагает к принятию слушающему;

Kunne + Infinitiv I, II — *объективный гипотетический экспликатив 2-го л.*, выражающий значение гипотетического объяснения сложившейся ситуации, допускаемого говорящим к рассмотрению слушающим как одного из объективно возможных.

¹⁵ Krylova E. Epistemisk polyfoni i danske modalpartikler // Sproglig polyfoni. Arbejdsrapport. 2005. 4. S. 86.

2. Må / måtte + Infinitiv I, II

Устойчивые грамматизованные сочетания *måtte* + *Infinitiv I, II* также относятся к средствам пропозициональной установки говорящего и вносят в высказывание одно из значений проблематической модальности, поскольку говорящий высказывает недостоверную информацию:

- 1) ...bordet er der, så en eller anden *må have skabt* bordet. Verden er her, så 'en eller anden' *må have skabt* den...
'...там есть стол, значит кто-то, должно быть, создал его. Мир существует, значит кто-то, должно быть, сотворил его'.

Как видно из приведенного примера, гипотеза, выражаемая конструкцией *må have skabt*, является логическим умозаключением говорящего. Это позволяет отнести грамматизованное сочетание *måtte* + *Infinitiv I, II* к *гипотетическим конклюдивам I-го л.*, что сближает его с функционально-семантической характеристикой модальной частицы *nok*:

- 2) Min far blinkede til mig. Vi havde *nok* tænkt på det samme i samme øjeblik. (Ulrik Gräs)
'Папа подмигнул мне. Скорее всего, мы подумали в один и тот же момент об одном и том же'.
- 3) ...så jeg op og mødte et stift forskrækket blik fra en knægt på seks-syv år, der *måtte være kommet* ned for at tage imod os. (N. Brunse)
'...я посмотрел наверх и встретил неподвижный испуганный взгляд парнишки лет шести-семи, который, должно быть, спустился к причалу, чтобы встретить нас'.

Однако гипотетическое умозаключение говорящего, эксплицируемое модальной конструкцией с *måtte*, как видно из приведенных примеров, отличается от гипотетического умозаключения, выражаемого частицей *nok*, большей объективностью, поскольку строится на воспринимаемых им факторах объективного мира. Не случайно в большинстве контекстов употребления конструкции *måtte* + *Infinitiv I, II* присутствуют указания на объективные причины, позволившие говорящему сделать логическое умозаключение о достоверности вводимой им пропозиции. Чаще всего подобные указания содержатся в контексте, предшествующем гипотетически достоверной пропозиции, или в следующих за ней предложениях, вводимых причинными союзами *fordi, for, thi*:

- 4) Da drømte han at han kom til et bryllup, men det *måtte være* i himlen, *thi der var adskillige engle med...* (V. Sørensen)
 ‘Тогда ему приснилось, что он на какой-то свадьбе, но она, должно быть, была на небе, поскольку там были всевозможные ангелы...’
- 5) ...og den gamle *må have hørt* lidt sand skride eller en knist knække, *for han lytter og lægger hovedet tilbage og vejrer som en hund* (H. Lyngby Jepsen)
 ‘...и старик, должно быть, слышит скрип песка или хруст ветки, потому что он прислушивается и, откинув голову назад, принимает, как собака’.

Данные контекстные условия позволили некоторым исследователям сделать вывод о том, что конструкция *måtte*+ *Infinitiv I, II* занимает пограничную позицию между гипотетичностью и эвиденциальностью, т. е. «кодирует эвиденциальность»¹⁶. Однако за эксплицируемым конструкцией гипотетическим умозаключением стоит говорящий, отвечающий за нее перед слушающим. Некоторая объективная обусловленность такого умозаключения, приводимая говорящим в свое оправдание, сигнализирует слушающему, что прийти к такому умозаключению мог бы и кто-нибудь другой на его месте.

Таким образом, грамматизованное устойчивое сочетание *måtte* + *Inf. I, II* является *объективным конклюдивом 1-го л.*, прагматическая семантика которого может быть определена как объективно обусловленное гипотетическое умозаключение говорящего. Отличие гипотетического умозаключения модальной конструкции *måtte* + *Inf. I, II* от гипотетического умозаключения модальной частицы *nok* проходит, как и в паре гипотетических экспликативов *vel* — *kunne* + *Inf. I, II*, по шкале «субъективность — объективность».

3. Skal / skulle + Infinitiv I, II

Употребление в предложении модальной конструкции *skulle* + *Inf. I, II*, как показывает анализ материала, изменяет эпистемическую модальность содержания пропозиции, вводя ее как чужое высказывание:

¹⁶ *Glismann O.* Om tid og tempus. Et forsøg på en fænomenologisk forståelse af de verbale tempusformers betydning // *Nydanske Studier og Almen Kommunikationsteori* (NyS). 16–17. København, 1986. S. 237-257

- 1) Frie Danske Nationalister er blot en måned gammel, men har allerede hentet flere aktivister fra Dansk Fronts lokaledelse på Fyn... En afdeling i Jylland *skulle være på vej*... (avis)
'Движению «Свободные датские националисты» только месяц, но на их сторону уже перешли активисты руководства фюнского филиала движения «Датский фронт». Говорят, следующим будет отделение в Ютландии'.

Говорящий не располагает необходимыми данными о достоверности передаваемой им информации, но сообщает ее слушающему, сигнализируя специальными средствами, что он в ней не уверен. Значения неуверенности, как и гипотетические значения, относятся к проблематическому типу эпистемической модальности¹⁷ и характеризуются в научной литературе как эвиденциальные.

Под эвиденциальностью понимается указание на источник информации, на основании которого говорящий делает то или иное утверждение. Значения неуверенности могут передаваться двумя видами эвиденциалов — перцептивными и пересказывательными. В рамках пересказывательности, в свою очередь, выделяются значение «*отчуждения*», т. е. отмежевания от чужого высказывания, значение *сомнения* говорящего в достоверности передаваемой им информации и значение *предположения* говорящего о ее достоверности¹⁸.

Говорящий, используя модальную конструкцию *skulle + Inf. I, II*, сигнализирует слушающему, что не может отвечать за передаваемую им информацию, т. к. она получена из некоего источника, который часто не указывается. Все это позволяет отнести анализируемую конструкцию к пересказывательным эвиденциалам:

- 2) Manden *skal* både i en lejlighed i København og på en p-plads *have forlangt*, at kvinden betalte ham 250.000 kr. (B. T.)
'Мужчина будто бы и в квартире в Копенгагене, и на автостоянке требовал, чтобы...'

Значение пересказывательного эвиденциала является общим для анализируемой конструкции и одного из выделяемых эвиденциаль-

¹⁷ Palmer F. R. Mood and Modality. Cambridge, 1986.

¹⁸ Отин Е. С. О субъективных формах передачи чужой речи // Русский язык в школе. 1996. № 1.

ных значений модальной частицы *vist*. Ситуатив 3-го л. *vist* вводит пропозицию, передаваемую с чужих слов говорящим, который, однако, верит в ее достоверность, тогда как использование говорящим эвиденциальной конструкции *so skulle* свидетельствует об отмежевании говорящего от чужого высказывания, тем самым он как бы ограничивает свою ответственность перед слушающим рамками передачи чужой информации. В свое оправдание говорящий сигнализирует слушающему о наличии источника передаваемой им информации или какого-нибудь третьего лица, кто мог бы ее подтвердить:

- 3) Det var *vist* hendes datter, den tykke, grimme, der engang havde sagt, at hun havde ammet hende med giftig mælk. (Korpus 2000)
‘Вроде ее дочь, толстая уродина, сказала как-то, что та кормила ее своим ядовитым молоком’.
- 4) Og efter at have udnævnt de ansvarlige ministre *skulle* kongen *have sagt*: Nu kan jeg vel sove så længe, som jeg gider!
‘А после назначения ответственных министров король, говорят/де, сказал: «Теперь я, наверное, смогу спать столько, сколько пожелаю’.

Если *vist* вносит в высказывание значение *неуверенного припоминания* говорящего о некогда слышанном¹⁹: *кто-то мне как-то говорил, что... но я точно не помню / не уверен / могу ошибаться*, то эвиденциальная конструкция *skulle + Inf. I, II* эксплицирует значение *отчуждения* говорящего от передаваемой информации, слышанной им в реальной ситуации, но за достоверность которой он не может отвечать: *мне сказали, что..., но я сам этого не видел / не слышал / не уверен, что это так*. Значение отчуждения, эксплицируемое эвиденциальной конструкцией *skulle + Inf. I, II*, часто не позволяет определить отношение говорящего к содержанию высказывания, главной же целью использования им ситуатива *skulle + Inf. I, II* является передача чужой информации адресату, отмежевание от нее и указание на наличие некоего источника данной информации. Этим объясняется предпочтительное использование объективного ситуатива 3-го л. в сообщениях средств массовой информации:

---

¹⁹ *Jacobsen H. G.* Vist og nok. Om et par formodningsord i dansk // *Mål og Mæle*. 1992. Årg. 2/15. S. 14.

5) Som Henry Ford *skal have sagt* efter lanceringen af den første masseproducerede bil: Hvis jeg havde spurgt folk, hvad de ønskede sig, så havde de sagt «hurtigere heste».

Как, говорят, сказал Генри Форд после пуска в массовое производство первого автомобиля: «Если бы я спросил у людей, чего бы они себе пожелали, то они бы ответили: “Более быстрых лошадей”».

Таким образом, различие между пересказывательными эвиденциалами *vist* и *skulle* + *Inf. I, II* заключается в том, что:

- модальная частица *vist* является *субъективным ситуативом 3-го л.*, т. к. выражает неуверенное припоминание говорящего о некогда полученной информации, в достоверность которой он сам верит, но сигнализирует слушающему о некоем третьем лице, способном подтвердить ее и разделить с ним ответственность за ее достоверность;
- модальная конструкция *skulle* + *Inf. I, II* является *объективным ситуативом 3-го л.*, т. к. выражает значение отчуждения говорящего от пересказываемой информации, полученной им в определенной ситуации, часто от конкретного лица, ответственного за ее достоверность.

Заключение

Итак, проведенный в статье функционально-семантический анализ модальных конструкций с глаголами *kunne/måtte/skulle* + *Infinitiv I, II* позволил отнести их к группе средств проблематического типа эпистемической модальности, т. к. все они эксплицируют различные значения недостоверности: модальные конструкции с глаголами *kunne* и *måtte* выражают два вида гипотез, а конструкции с глаголом *skulle* — неуверенность. Проведенный анализ позволил дать прагмасемантическую характеристику исследованных модальных конструкций:

måtte + *Infinitiv I, II* — объективный гипотетический конклюдив 1-го л.;

kunne + *Infinitiv I, II* — объективный гипотетический экспликатив 2-го л.;

skulle + *Infinitiv I, II* — объективный эвиденциальный ситуатив 3-го л.

Выявленные при этом функционально-семантические различия внутри данной группы эпистемических средств, как и различия в группе модальных частиц, позволяют выстроить эпистемическую парадигму, подтверждающую своеобразный «закон дискурса»: если говорящий (1-е л.) не берет на себя эпистемической ответственности за достоверность пропозиции и нет кого-нибудь третьего (3-е л.), кто может взять ее на себя, то говорящий возлагает эту ответственность на собеседника (2-е л.)²⁰.

Сопоставление группы эпистемических средств проблематической модальности, представленных модальными конструкциями *kunne/måtte/skulle* + *Infinitiv I, II*, с аналогичными средствами, представленными модальными частицами *nok, vel* и *vist*, позволило конкретизировать и разграничить их эпистемические значения по шкале «субъективность — объективность», исключить их синонимичность и взаимозаменяемость в пределах выражения одного типа проблематичности. Все это подтверждает выводы П. Дурст-Андерсена о наличии субъективного и объективного голосов, между которыми должен выбирать говорящий, чтобы маркировать статус передаваемой информации в датском языке²¹.

Результаты проведенного анализа подтверждают наше предположение о том, что эпистемическая модальность представляет собой многоплановую систему значений, выражаемых различными группами средств, в зависимости от того, строит ли говорящий данную пропозицию, основываясь на чисто субъективных ощущениях или на каких-то объективных факторах.

---

²⁰ Nølle H. Polyfoni. En sprogteoretisk indføring // ARK. 1989. 48. S. 51.

²¹ Durst-Andersen P. Det danske sprogs mange stemmer. S. 75.

Ю. К. Кузьменко

СААМСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Введение

В истории скандинавских языков можно различить две ясные тенденции. С одной стороны скандинавские языки развили многие черты, которые мы находим и в западногерманских языках. Большинство изменений такого типа связаны с заменой синтетических средств выражения грамматических значений аналитическими. Наиболее отчетливы эти изменения видны в датском, менее всего они проявляются в островных скандинавских языках. Однако в скандинавских языках, в отличие от других германских языков, появился ряд признаков, которых мы не встречаем в западногерманских языках. К таким признакам относятся развитие агглютинативных форм, таких как суффицированный определенный артикль, суффицированный пассив, суффицированное отрицание, следы которого в формах типа *aldrig*, *ikke*, *ingen* и т. п. сохранились во всех скандинавских языках. Именно сочетание аналитических и агглютинативных признаков является характерной чертой скандинавских языков, отличающей их от других германских языков. Кроме того, в общескандинавский период исчезли общегерманские безударные префиксы, сохраняющиеся во всех западногерманских языках¹. В шведском и норвежском ареалах развились к тому же и другие признаки, которые либо редко

---

¹ Префиксы в современных скандинавских языках появились из средненижнегерманского в ганзейскую эпоху.

встречаются, либо вовсе отсутствуют и в западногерманских языках, и в западном и южном ареале скандинавских языков, ср., например, удлинение согласных при удлинении слога или развитие очень редких в датском и отсутствующих в исландском сложных предлогов типа *bakom*.

Если развитие аналитизма в скандинавских языках соответствует развитию других германских языков, то агглютинативные признаки и ряд других изменений, в частности исчезновение префиксов, находят параллели в финноугорских языках. Возникает естественный вопрос о природе этих параллелей: являются ли они результатом случайного совпадения (иногда говорят и об общих тенденциях развития²), или эти сходства объясняются языковыми контактами?

Каким образом вообще можно отграничить параллельное развитие от изменений, обусловленных контактом? Существует ряд признаков, которые определяют приоритет предположения о контактной природе явлений. К таким признакам относятся: 1) сравнение с родственными языками; 2) возраст; 3) ареал и направление распространения; 4) синхронная и диахроническая инкорпорированность в языковую систему, т. е. синхронная функция и связь с другими изменениями; 5) наличие других контактных явлений, распространяющихся в том же направлении; 6) наличие сходных явлений в других языках, которые находятся в контакте с теми же или со структурно близкими языками. Естественно, что не во всех случаях удается использовать все эти признаки, однако если мы обнаруживаем соответствие по большинству параметров, а оставшиеся им не противоречат, можно предположить возможность влияния языковых контактов. В этом случае остается решить вопрос о 7) социолингвистической возможности заимствования или интерференции и, прежде всего, вопрос о возможности распространения результатов интерференции.

Представление о том, что скандинавские языки демонстрируют «явное приближение к финноугорскому языковому типу»³, обнаруживающееся, в частности, в появлении агглютинативных черт, было

---

² Слово «тенденция» является простым эвфемизмом для описания явления. «Тенденция к аналитизму» означает просто появление аналитизма, а «тенденция к просодическому выделению корневой морфемы» — просодическое выделение корневой морфемы. Употребляя термин «тенденция» мы ничего не объясняем, а просто пытаемся выдать описание за объяснение.

³ *Kylstra A. D. Zur Substratforschung // Orbis. 1967. Bd. 16. N 1. S. 113.*

высказано А. Д. Кильстрой в 1967 г. Однако ученый не назвал конкретных источников скандинавской агглютинации и в своих позднейших публикациях уже не упоминал агглютинативные тенденции в скандинавских языках, сосредоточившись на некоторых фонетических соответствиях между саамскими и западноскандинавскими языками, фактически вернувшись к идее своего учителя Вагнера об общем неизвестном северо-западноевропейском субстрате в саамских, западноскандинавских и некоторых кельтских языках⁴. По-видимому, естественное предположение о возможности саамского влияния на скандинавские языки не возникло ни у Кильстры, ни у скандинавских ученых⁵ по причине предполагаемой социолингвистической невозможности распространения черт саамской интерференции, хотя возможность саамской интерференции в скандинавских языках саамов никем не оспаривается, и такая интерференция много раз описывалась в самых северных скандинавских диалектах⁶.

Попробуем вернуться к причинам структурного сближения скандинавских языков с финноугорскими языками исходя из вышепредложенных критериев определения контактных явлений.

2. Общескандинавские явления

В общескандинавский период (550–1050) можно обнаружить два типа явлений, которые могут быть интерпретированы как следствие саамской интерференции: прямое заимствование правил и реинтер-

---

⁴ *Wagner H.* Nordeuropäische Lautgeographie // Zeitschrift für keltische Philologie. 1964. Bd. 29; *Kylstra A. D.*: 1) Die Präaspiration im Westskandinavischen und im Lappischen // Orbis. 1972. Bd. 21. N 2. 1972; 2) Die skandinavisch-lappischen Parallelen // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. 1982. Bd. 185.

⁵ Ср., напр., традиционное предположение скандинавистов об отсутствии саамского влияния на скандинавские языки: *Sköld T.* Die Kriterien der umordischen Lehnwörtern im Lappischen. Uppsala, 1961. S. 64; *Jahr E. H.* Norway // Kontaktlinguistik / Ed. by H. Goebel et al. Berlin, 1997. P. 943. — В новом двухтомном компендиуме по истории скандинавских языков финноугорское влияние на скандинавские языки определяется как «маловероятное»: *Koivulehto J.* Contact with non-Germanic languages II. Relation to the East // Scandinavian languages / Ed. O. Bandle et al. [Berlin,] 2002. P. 509–510.

⁶ Ср., напр.: *Bull T.* Samisk-nordisk språkkontaktforskning — eit statusoversyn // The Sámi and the Scandinavians. Aspects of 2000 years of contact / Ed. Ju. Kusmenko. Hamburg, 2004. S. 183–198.

претация скандинавских форм в соответствии с формами семантически сходных саамских форм. Первый тип интерференции затрагивает прежде всего фонетические изменения, второй — морфосинтаксические.

2.1. Прямая интерференция

2.1.1. Исчезновение приставок

В общескандинавский период исчезают исконные германские безударные приставки, прежде всего *be-*, *ge-*, сохраняющиеся в западногерманских языках до сих пор, и общескандинавский язык «предстает перед нами практически как беспрефиксный язык»⁷.

О былом существовании приставок в скандинавских языках свидетельствуют формы типа швед. *granne* (гот. *garazna*), в которых приставки, потеряв гласный, стали частью корня, и многозначность бесприставочных глаголов, включивших в себя значение глаголов с приставками⁸. Датировка исчезновения приставок связана с датировкой надписи старшими рунами из Рейстада (Норвегия), которую относят либо к концу V в., либо к началу VII в. и в которой еще сохраняется безударная приставка в форме *unnam* (*und-nam*) ‘научился’. Кристиансен датирует исчезновение приставок VII в., однако, если справедлива датировка надписи Марстрандером, приставки должны были исчезнуть не раньше VIII в., но и не позже IX в. (в надписях младшими рунами их уже нет).

Как известно, приставок нет не только в саамском, но и в других уральских языках, и эта черта является общеуральской. Предположение о возможной саамской интерференции⁹ кажется вполне вероятным не только потому, что саамское отсутствие приставок соответствует общеуральскому состоянию, т. е. намного старше, чем исчезновение приставок в скандинавских языках, и этого изменения нет в других германских языках, но еще и потому, что данное изменение находилось в соответствии с наиболее частотной германской просо-

---

⁷ *Christiansen H.* De germanske uaksentuerte prefixer i nordisk // *Norsk tidsskrift för sprogvidenskap.* 1960. Bd. 19. S. 342–343.

⁸ *Vorhof R.* Zur Entwicklung der echten germanischen Verbalkomposita im Altschwedischen. *Bremen,* 1905. S. 13–58.

⁹ *Kylstra A. D.* Zur Substratforschung. S. 121.

дической (хореической) моделью слова: ударный корень, безударный суффикс или окончание.

2.1.2. Преаспирация

Преаспирация — это отсутствие голоса при произнесении последней фазы гласного или сонорного согласного перед незвонкими смычными согласными, что акустически часто соответствует ларингальному щелевому. В скандинавском ареале преаспирация фонологически релевантна в исландском «мягком произношении», в фарёрском, в ряде шведских диалектов (в говоре Грэсё (Уппланд), в говоре Вемдалена (Хэрьедален), в части говоров Аландских островов), в некоторых западнонорвежских говорах¹⁰. В ряде областей преаспирация, видимо, превратилась в фонему /h/, как, например, в исландском и фарёрском, в других остается признаком согласного, как, например, в западной Норвегии. Фонологически иррелевантна, но обязательна преаспирация во многих шведских и норвежских диалектах. Фонологически иррелевантная факультативная преаспирация обнаруживается еще в большем количестве диалектов по всей Швеции и Норвегии, в том числе в южной Швеции, в городах Трондхейм, Ставангер и Стокгольм¹¹. В Дании преаспирации нет, но есть кратковокалический толчок в позиции преаспирации (т. е. перед исконными долгими незвонкими смычными) в древнедатских двусложных словах в Ютландии и на Фюне и в исконных односложных словах в Зеландии. Существуют разные предположения о природе связи датского кратковокалического толчка и преаспирации. Наиболее вероятным кажется предположение о превращении преаспирации в датский толчок¹². Если датский кратковокалический толчок перед исконными долгими глухими согласными действительно след преаспирации, то оказывается, что преаспирация распространена фактически по всей территории Скандинавии.

---

¹⁰ Подробное описание преаспирации см.: *Lieberman A.* Germanic Accentology. The Scandinavian Languages. Minneapolis, 1982; *Helgason P.* Preaspiration in the Nordic languages. Synchronic and diachronic aspects. Stockholm, 2002.

¹¹ Хельгасон отмечает, что «...преаспирация встречается в речи многих по всей Скандинавии...» (*Helgason P.* Op. cit. P. 94).

¹² См., напр.: *Page R.* On the Origin of Preaspiration in Scandinavian // *American Journal of Germanic Linguistics and Literature.* 1997. Vol. 9. N 2. — Подробное обоснование см.: *Kusmenko Ju.* Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. Beitrag zu einer unkonventionellen skandinavischen Sprachgeschichte. Berlin. (В печати).

Преаспирация оказывается общескандинавским явлением, отсутствующим в других германских языках.

Хотя существуют разные предположения о возрасте преаспирации, чаще всего ее появление относят к общескандинавскому периоду¹³, т. е. ко времени появления инноваций, описанных выше. Как известно, во всех саамских языках, кроме инари-саамского, где преаспирация исчезла, есть преаспирация, причем везде она фонологически релевантна и интерпретируется в одних областях как особая фонема /h/, а в других — как признак согласного¹⁴. Преаспирация в саамских языках является важным признаком чередования ступеней. Существуют два предположения о возрасте саамской преаспирации. Одни относят ее к протоуральскому периоду (преаспирация сохраняется и в диалектах лесных ненцев, где она релевантна¹⁵, и в некоторых финноугорских языках, где она иррелевантна¹⁶), другие — к прото-саамскому периоду¹⁷. В обоих случаях саамская преаспирация оказывается старше скандинавской. Известны четыре предположения о соотношении саамской и скандинавской преаспирации. Ее рассматривают как наследие неизвестного западноевропейского субстрата и в скандинавских, и в саамских языках¹⁸, как параллельное развитие¹⁹, как скандинавское заимствование в саамские языки²⁰. Недавно моим учеником Михаэлем Рисслером было высказано предположение о возможности саамского влияния на скандинавские языки²¹. К его аргументации мне хотелось бы добавить дополнительные аргументы. Поскольку саамская преаспирация оказывается старше скандинавской

---

¹³ См., напр.: *Hansson Gunnar Ó*. Remains of a submerged continent. Preaspiration in the languages of Northwest Europe // *Historical linguistics 1999* / Ed. L. J. Brinton. Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 197.

¹⁴ *Sammallahti P.* The Saami languages. An introduction. Karasjok, 1998. P. 55.

¹⁵ *Sammallahti P.* Material from Forest Nenets. Helsinki, 1974. P. 21, 24.

¹⁶ *Kannisto A.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen vom quantitativen Standpunkt. Helsinki, 1919. S. XII–XIV.

¹⁷ *Sammallahti P.* The Saami languages. P. 191.

¹⁸ *Wagner H.* Op. cit.; *Kylstra A. D.* Die Präaspiration... S. 381–382.

¹⁹ *Ковкин В.* О некоторых сходных фонетических явлениях в скандинавских и финноугорских языках // VI науч.-метод. конф. по итогам научной работы за 1963 год: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1964. С. 78–79.

²⁰ *Posti L.* On the Origin of the Voiceless Vowel in Lapp // *Svenska landsmål och svenskt folkliv*. 1953–1954. Åg. 76–77. S. 199–209.

²¹ *Rießler M.* Präaspiration im Nordgermanischen // *The Sámi and the Scandinavians...* P. 199–213.

и существует и в других уральских языках, но отсутствует в других германских языках, поскольку она оказывается связанной с основным саамским морфонологическим средством чередованием ступеней, ее распространение предполагают из восточной Скандинавии (в Норвегии из Оппланда)²², и для скандинавской речи многих двуязычных саамов преаспирация характерна до сих пор, а также поскольку типологически преаспирация довольно редкое явление, предположение о саамском происхождении скандинавской интерференции вполне вероятно.

2.2. Реинтерпретация

2.2.1. Суффиксация определенного артикля

На первый взгляд в отношении выражения определенности между саамским и скандинавскими языками нет ничего общего. В саамском так же, как и в большинстве финноугорских языков, нет ни грамматической категории определенности, ни суффиксированных, ни свободно стоящих артиклей. Однако это отличие оказывается чисто внешним. Если мы обратим внимание на одно из значений суффиксированного артикля в скандинавских языках, то увидим, что оно полностью соответствует значению посессивного суффикса в финноугорских языках; ср., напр.: швед. *han har brutit benet* ‘Он сломал ногу’; фин. *hän on murtanut jalkansa*; саам. *son lea doadján juolgis*. Посессивность и определенность имеют много общих семантических компонентов, что можно легко заметить при переводе с языка с посессивным склонением на язык с определенным артиклем, и наоборот. Если мы обратимся к истории суффиксации в скандинавских языках, то заметим, что первые ее случаи в шведских рунических надписях XI в. и многие случаи ее употребления в древнескандинавских рукописях, где еще нет грамматикализации определенного артикля, поскольку нет регулярного употребления *-inn* в значении определенного артикля, также имеют посессивное значение. Вторым сходным моментом в употреблении посессивных суффиксов в финноугорских языках и первых случаях суффиксации в древних скандинавских языках оказывается эмфатическая функция. В древних скандинавских языках суффиксация оказывается прежде всего вы-

---

²² *Storm J. Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken // Norvegia. 1908. Bd. 1. S. 150.*

ражением эмфазы²³. Поссесивное спряжение в финноугорских языках является показателем эмфазы также во многих случаях. Кроме того, поссесивные суффиксы в финноугорских языках могут терять поссесивную функцию и приобретать значение, соответствующее современному значению определенного артикля.

Если мы обратимся к упомянутым выше критериям, то обнаружим, что в пользу предположения о саамском влиянии на скандинавскую суффиксацию *-inn* свидетельствует следующее:

- почти полное совпадение семантики форм с суффиксированным *-inn* в древних скандинавских языках семантики финноугорских поссесивных суффиксов;
- существование поссесивного спряжения во всех уральских языках, в части которых оно развилось в детерминативно-поссесивное спряжение (как в Коми), и отсутствие суффиксации показателя определенности в западногерманских языках;
- большую древность поссесивного спряжения в саамском, которое относят к протоуральскому периоду;
- раннее появление суффиксации в Упланде и распространение суффиксации *-inn* с севера на юг (ср. отсутствие суффиксированного артикля в южно- и западнонорвежских диалектах)²⁴.

Возможность влияния саамского поссесивного склонения на суффиксацию показателя поссесивности и эмфазы, который впоследствии грамматикализовался в скандинавских языках как определенный артикль, становится еще более очевидной, если мы обратим внимание на то, что суффиксация определенного артикля или протоартикля происходит в тех индоевропейских языках (языки балканского языкового союза, армянский, восточно-индоарийские и некоторые иранские языки, а также севернорусские диалекты), которые находятся или находились в контакте с языками с поссесивным склонением²⁵.

Модель саамской интерференции могла выглядеть так: исконное указательное местоимение в постпозиции с эмфатической и поссесивной семантикой было реинтерпретировано саамами в их сканди-

---

²³ Шпренгер, исследовавшая функцию суффиксации *-inn* в древнеисландском, называет *-inn* «эмфатическим артиклем»: *Sprenger U. Untersuchungen zum Gebrauch von *sá* und nachgestelltem *inn* in der altisländischen Prosa. Basel; Stuttgart, 1977. S. 215, 267–269.*

²⁴ На западе и юге Ютландского полуострова распространен не суффиксированный, а свободно стоящий определенный артикль.

²⁵ *Kusmenko Ju. Die Quellen der Artikelsuffigierung in den Balkansprachen // Актуальные вопросы балканского языкознания / Ред. А. Н. Соболев, А. Ю. Русаков. СПб., 2003.*

навском языке как суффикс, соответствующий саамскому посессивному суффиксу, т. е. общескандинавское словосочетание *bein (h)it*, прежде всего в форме аккузатива, превратилось в скандинавском языке саамов в одно слово с суффицированным показателем эмпазы и посессивности, т. е. *bein (h)it > beinit*, в соответствии с саамским *juolgis*. Из языка двуязычных саамов суффицированная форма попала в собственно скандинавские диалекты и распространилась на юг Скандинавии²⁶.

2.2.2. Суффиксация -s(k)

Другая агглютинативная черта скандинавских языков это суффиксация исконного возвратного местоимения -s(k), которая, судя по руническим надписям и скальдической поэзии, также произошла в общескандинавский период. Таким образом в скандинавских языках сложилась уникальная для индоевропейских языков ситуация противопоставления рефлексивных форм пассивным формам, исторически также восходящим к рефлексивным формам; ср., напр.: швед. *tvätta sig* (рефлексив) — *tvättas* (пассив). Пассивное значение и возможность агенса у формы на -s(t) развилось не во всех скандинавских языках в одинаковой степени. Наиболее далеко зашло развитие в шведском, где суффикс -s с пассивным значением возможен во всех временных формах. Почти нет пассивного значения в исландском, сохраняющем семантику форм на -s(k) древних скандинавских языков, где фактически невозможны формы на -s(k) с агенсом. Значение этих форм оказывается медиальным, т. е. они обозначают действие, происходящее как бы само по себе, без участия агенса. Причем уже в древних скандинавских языках, несмотря на возможность факультативного употребления некоторых форм и с возвратным местоимением, и с суффиксом -s(k), форма с суффицированным -s(k) семантически противопоставлялась форме со свободностоящим возвратным местоимением; ср., напр. др.-исл. *farask* ‘погибнуть’, *fara sér* ‘совершить самоубийство’, *meiðask* ‘пораниться’, *meiða sik* ‘нанести себе рану’, *þvásk* ‘мыться’ (медиа.) — *þvá sér* ‘мыться’ (рефлекс.).

Если мы сравним саамское глагольное словообразование с древнескандинавским в том, что касается передачи залоговых значений,

---

²⁶Подробнее о суффиксации см.: *Kusmenko Ju.* Die Ursachen der Suffigierung des bestimmten Artikels in den skandinavischen Sprachen // *Язык и речевая деятельность.* 2001. Т. 4. № 1.

то обнаружим значительное сходство. Это сходство касается основного медиального значения синтетических залоговых форм и, соответственно, отсутствия агенса, а также противопоставления рефлексива медию; ср.: сев.-саам. *rahpasit* ‘öppnas’ — *basadit* ‘tvätta sig’ или *soavdit* ‘befria sig’, *soavdásit* ‘befrias’. В саамских языках есть несколько суффиксов с залоговым значением, один из них считается словоизменятельным (т. е. утверждается наличие грамматической категории залога), другие — словообразовательными. Несмотря на то что у них есть некоторые отличия в семантике, основная их функция — скрытие агенса. Особый интерес представляет для нас суффикс *-si(t)*, который, в отличие, например, от суффикса грамматического пассива, имеющего разный вид в саамских языках (ср.: юж.-саам. *-lgi(dh)*, сев.-саам. *-juv'vo(t)*), есть не только во всех саамских языках, но и со сходным значением в ряде других финноугорских языков (в вепском, ливском, ряде карельских дивлектов и в коми-пермяцком), что может свидетельствовать о его общефинноугорском происхождении. Значение саамского суффикса *-si(t)* часто соответствует значению суффикса *-s(t)* в современных скандинавских языках (ср., напр.: сев.-саам. *dahpat* — *dahpasit*, швед. *stänga* — *stängas*, *rahpat* — *rahpasit*, швед. *öppna* — *öppnas*), но еще в большей степени он соответствует значению суффикса *-s(k)* в древних скандинавских языках.

Обращаясь к нашим критериям, мы обнаруживаем не только структурное сходство между древними (и частично современными скандинавскими языками) и саамскими языками, но и большую древность синтетической передачи залоговых значений в финноугорских языках, чем в скандинавских языках. Что касается вопроса о направлении распространения этой инновации, то в данном случае у нас нет таких явных указаний на продвижение подобных форм с северо-востока на юго-запад Скандинавии, как это было в случае с суффиксацией *-inn*. Однако тот факт, что в шведском языке формы на *-s* развиты гораздо больше, чем в датском и исландском, может свидетельствовать о том, что в шведском они появились раньше.

Модель изменения в значительной степени соответствует предыдущей модели. Энклитические варианты возвратных местоимений при глаголах с медиальным значением (ср. др.-исл. *orpnask*) были реинтерпретированы в общескандинавском языке саамов как суффиксы (ср. сев.-саам. *rahpasit*). Причем саамская интерференция способствовала не только суффиксации, но и грамматикализации противопоставления медию рефлексиву, поскольку в саамском эти

значения выражаются разными суффиксами (si(t) vs di(t)). Фонетическое сходство саамского суффикса -si(t) с энклитическим вариантом скандинавского возвратного местоимения -s(k) также способствовало такой реинтерпретации.

2.2.3. Суффиксация отрицания

В то же время, что и суффиговый медий, в скандинавских языках появляется суффиговое отрицание. В древнеисландском для выражения общего приглагольного отрицания употребляются суффикс -a/at, приименное и придвербиальное отрицание выражается суффиксом -gi/-ki, ср.: hornigi (Háv. 49) 'не рог', aldrigi 'никогда', eigi 'не' (первоначально 'никогда'), ekki (< eitt-ki) 'не' (первоначально 'ничто') eingi, einginn 'никто, ничто' и т. п. Суффиговое общее отрицание в скандинавских языках исчезло, а следы суффикса -gi/-ki сохраняются во всех скандинавских языках до сих пор (ср. формы типа ikke и aldrig).

Суффиговое отрицание нехарактерно не только для других германских языков, но и для других индоевропейских языков. В саамском, так же как в других финноугорских языках, отрицание выражено аналитической конструкцией, состоящей из финитной формы так называемого отрицательного глагола и особой неизменяемой отрицательной формы основного глагола (ср., напр., сев.-саам. bogat 'есть'; ii bora 'он (она) не ест'). В саамских языках инфинитная форма глагола может иметь разные окончания (borak, borat, borah, boga)²⁷. Именно неизменяемая саамская отрицательная глагольная форма и могла быть источником общескандинавского суффикса общего отрицания -a(t). Общескандинавские отрицательные конструкции с усилением отрицания, состоящие из отрицания ne, глагольной формы и усилителя отрицания, которое в редуцированной форме могло выглядеть как a(t)²⁸, сопоставлялось саамами с саамской конструкцией, состоящей из отрицательного глагола, который фактиче-

²⁷ Korhonen M. Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung II. Helsinki, 1974. S. 50–63.

²⁸ Источником общескандинавской формы -a считается либо наречие «всегда» (*aiw > *au > a), либо форма исконного числительного «один», -at также считается редуцированной формой числительного «один» (*ainata > at). См., напр.: Brate E. Västmannalagens Ijudlära. Stockholm, 1887; Mourek V. E. Zur altgermanischen Negation. Die Negation in der älteren Edda // Sitzungsberichte der Königlich Gesellschaft der Wissenschaften. Klasse für Philosophie, Geschichte und Philologie. 1905. Bd. 8. S. 1–23.

ски выполнял роль отрицательной частицы, и инфинитной формы глагола, суффикс которого соответствовал редуцированной форме усилителя отрицания в скандинавских языках. То есть скандинавская форма типа *ne drikk-a(t)* ‘не пьет (никогда или ничего)’ сопоставлялась с саамской формой типа *ii bog-a(t)*²⁹ ‘не пьет’. Таким образом, редуцированные варианты скандинавских усилителей отрицания были интерпретированы в скандинавском языке саамов как суффиксы в соответствии с суффиксами инфинитной формы глагола в саамской отрицательной конструкции. Естественно, что и в данном случае, как и в случае с суффиксацией *-s(k)*, фонетическое сходство скандинавских постпозитивных усилителей (*-a, -at, -t*) с саамскими суффиксами (*-a, -a(t), a(h)*) благоприятствовало такой реинтерпретации. После того как исконные усилители отрицания переняли функцию отрицания, отрицательная частица *ne* отпала, функцию показателя общего отрицания стали выполнять суффиксы *-a, -at, -t*.

Аналогичным образом суффиксация усилительной частицы *ge* (этимологически родственной русскому *же*) в общескандинавский период также может быть связана с саамским влиянием. В богатом частицами саамском есть и усилительная частица *ge*, которая выступает как суффикс в местоимениях и наречиях в отрицательных и вопросительных предложениях. Интересно, что распределение древнеисландских отрицательных суффиксов, *-a(t)* с глаголами, *-gi* с именами и наречиями, соответствует распределению саамского глагольного суффикса */a-t/, /a-h/, /a-0/* и местоименного и наречного суффикса *-ge*³⁰.

2.3. Шведско-норвежские явления

К саамской интерференции в общескандинавский период в северо-восточном скандинавском ареале, т. е. в шведском и норвежском, добавляются новые признаки саамской интерференции, которые распространились, видимо, позже признаков, описанных выше. Некоторые из этих признаков характерны и для шведской, и для обеих

²⁹ Более ранняя форма *bog-at* сохраняется в ряде саамских диалектов, см. выше.

³⁰ Подробнее о суффиксированном отрицании см.: Кузьменко Ю. К. О появлении суффиксированного отрицания в древних скандинавских языках // *Philologica Scandinavica*: Сб. ст. к 100-летию со дня рожд. М. И. Стеблин-Каменского / Ред. Б. С. Жаров. СПб., 2003.

норвежских литературных норм, однако большинство из них характеризуют восточнонорвежские и центральношведские диалекты.

2.3.1. Прямая интерференция

2.3.1.1. Баланс и уподобление гласных, удлинение согласных

К диалектным признакам относятся баланс гласных, качественное выравнивание и удлинение согласных. Эти признаки характерны для северо-восточного скандинавского ареала и характеризуют прежде всего восточнонорвежские, центрально- и северношведские диалекты. Связанные функционально баланс гласных и выравнивание определяются разной судьбой исконных долгосложных и исконных краткосложных слов. Сохраняющийся в некоторых архаичных диалектах баланс гласных с удлинением закорневого гласного после краткого слога имеет соответствие во многих саамских диалектах; ср.: норв. диал. *viku*: (др.-исл. *viku*), *neve*: (др.-исл. *hnefi*), *biti*: (др.-исл. *biti*) и сев.-саам. *riđā* (генетив/аккузатив от *riht:ta*), *mañi* (генетив/аккузатив от *man:nu*), *dilī* (генетив/аккузатив от *dil:li*)³¹. Соответственно, скандинавское уподобление повторяет южносаамскую метафонию (ср., напр.: юж.-саам. *bissij* (сев.-саам. *bassii*), *kæasuk* (сев.-саам. *gassut*), *büühtov* (сев.-саам. *boaktiv*), *männå* (сев.-саам. *mannå*) и сев.-вост.-сканд. диал. *firi* (< *farit*), *lædu* (< *ladu*), *tållå* (< *tala*))³².

В большинстве случаев мы находим прямые саамские соответствия подобным явлениям и отсутствие сходных изменений в других германских языках. Что касается сравнения возраста подобных явлений, то оказывается, что и саамское выравнивание, и саамское удлинение после краткого слога оказываются старше соответствующих скандинавских изменений, которые датируются XIII–XVI вв. Во многих областях баланса гласных и уподобления существует абсолютно незнакомое западно- и южноскандинавскому ареалу удлинение согласных в исконных двусложных краткосложных словах. Такое удлинение наиболее последовательно прошло в Трёнделаге, где оно является правилом (ср., напр., формы типа *borra*, *tållå*, *vukku*, *våttå* и

³¹ Подробнее о балансе гласных см.: Кузьменко Ю. К. Происхождение баланса гласных в шведских и норвежских диалектах // Скандинавская филология. К 90-летию со дня рождения С. С. Масловой-Лашанской / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2006. С. 31–47.

³² Подробнее о связи скандинавского уподобления с саамской метафонией см.: Кузьменко Ю. К. Скандинавский умлаут > саамская метафония > скандинавское выравнивание // Скандинавская филология VII / Ред. Б. С. Жаров. СПб., 2004.

др.-исл. *bora, tala, viku, vita*), очень сильно оно и в свейских диалектах, особенно на северо-западе Уппланда³³. В шведской литературной норме мы находим также много случаев удлинения согласного в тех случаях, когда в датском или в исландском происходит удлинение гласного, характерное и для других германских языков (ср.: швед. *vecksa*, но исл. *vika*, дат. *uge*, нем. *Woche*, англ. *week*).

Северовостоноскандинавское удлинение согласных оказывается типологически очень редким явлением, однако оно находит соответствие в саамском удлинении согласных при чередовании ступеней. Почти в каждом северносаамском существительном и в каждом глаголе простой интервокальный согласный чередуется при чередовании ступеней с долгим согласным или даже с долгой геминатой³⁴, см., напр.: *namma* ‘имя’ — *nama* (род./вин. п. ед. ч.) — *namat* ‘имена’; *borrat* ‘есть’ — *boran* ‘ем’; *s’ohkka* ‘гора’ — *s’ohkat* ‘гóry’; *dahppat* ‘закрывать’ — *dahpan* ‘закрываю’; *dáhttut* ‘хотеть’ — *dáhtun* ‘хочу’. В южносаамском нет чередования ступеней. Здесь, как правило, генерализовался долгий согласный. В ряде скандинавских диалектов мы тоже встречаем чередования долгого и кратко согласных, однако эти формы оказываются факультативными.

Модель интерференции во всех трех случаях была одинаковой: появление интерферентных форм в скандинавском языке саамов и их распространение в собственно скандинавские диалекты. О том, что формы с интерференцией были возможны в скандинавских языках саами, свидетельствуют и формы современной интерференции, и, прежде всего, скандинавские заимствования в саамский язык, которые показывают нам, как выглядели скандинавские формы в скандинавских языках саами.

2.3.2. Реинтерпретация

2.3.2.1. Появление сложных предлогов

В шведском и норвежском языках мы находим огромное количество сложных предлогов, состоящих из исконного наречия и предлога (ср., напр.: швед. *utifrån, utmed, utefter, utom, inifrån, inåt, inom, upprifrån, uppåt, uppemot, uppför* и т. п.). Судя по норвежскому слова-

³³ Подробнее об удлинении согласных см.: *Kusmenko Ju. Varifrån kommer konsonantförlängningen i svenska och norska dialekter // Kors och tvärs i nordstiken / Red. Ju. Kusmenko, S. Lange. Berlin, 2000. S. 120–132.*

³⁴ В саамских языках фонологически различаются долгие согласные и долгие геминаты.

рю, в норвежских диалектах их около ста³⁵. В шведской литературной норме их около шестидесяти³⁶. В норвежских диалектах мы находим, например, 17 сложных предлогов с *fram*-³⁷, в словаре риксмола зафиксированы 7 из них³⁸, в шведской литературной норме — 8³⁹, в датской литературной норме — только один (*fremfor*). В исландском фактически нет сложных предлогов такого типа, а в датском их два (*fremfor* и *forbi*)⁴⁰, один из которых заимствован из немецкого. Семантически многие из сложных предлогов сохраняют двухфокусность. Первая их часть актуализует место (впереди, позади, вверху, внизу, посередине, внутри или снаружи предмета), а вторая указывает направление движения или местонахождение (вдоль, в, к, из и т. п.). Многие сложные предлоги сохраняют свою семантическую двухфокусность, однако некоторые из них не только утратили один семантический фокус, но и изменили форму, перестав быть составными (ср., напр.: *på* < < *urrå* < *urrå*, первоначально имевший значение «наверху на»⁴¹ и означающий теперь просто «на»).

В других германских языках составные предлоги возможны, однако очень редки. В немецком их вообще нет (источник датского *vorbei* является в немецком только наречием). В английском есть небольшая группа сложных предлогов (*within*, *without*, *within*, *upon*, *onto*, *into*), однако, во-первых, они структурно отличаются от шведских и норвежских предлогов, поскольку состоят из двух предлогов, а во-вторых, их количество не идет ни в какое сравнение с количеством сложных предлогов в шведском и норвежском.

Источник продуктивности и модель шведских и норвежских сложных предлогов можно также обнаружить в саамских языках. В наиболее грамматически архаичном из них, южносаамском, существуют семантически двухфокусные послелогии и предлоги, этимологически

---

³⁵ *Norsk Ordbok. Ordbok över det norske folkemålet och det nynorske skriftspråket* utgjeven av det norske samlaget (NO). Oslo, Bd. 1–4.

³⁶ *Norstedts stora svenska ordbok*. Stockholm, 1995.

³⁷ NO. Bd. 3 / Red. R. Bø, A. Hageberg, L. Killingbergtrø, S. Nordlie, G. Pedersen. Oslo, 1994. S. 571–680.

³⁸ *Norsk riksmålsordbok, utgitt av Det Norske Akademi for sprog og Litteratur. Utarbeidet av Trygve Knudsen og Alf Sommerfelt*. Bd. 1 (2). Oslo, 1937. S. 1337–1351.

³⁹ *Ordbok över svenska språket* utgiven av Svenska akademien (SAOB). Bd. 18. Lund, 1926. S. 1291–1395.

⁴⁰ В датском языке тоже есть много форм типа *bagom*, состоящих из наречия и предлога. Однако эти формы употребляются только как наречия.

⁴¹ *Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok*. Malmö, 1980. S. 801–802.

представляющие собой существительное, обозначающее место (место впереди, сзади, внизу, в середине, снаружи, внутри), в соответствующем падеже, который обозначает направление движения или более точное местонахождение. Известно разное количество подобных послелогов. Со значением первой части «место внутри» их три: *sijste* ‘внутрь в’, *sisnie* ‘внутри в’, *sistie* ‘изнутри из’; со значением первой части «место сзади» их четыре: *duakan* ‘назад в’, *duekste* ‘сзади из’, *duekesne* ‘сзади в’, *duekiem* ‘сзади вдоль’, и со значением «место внизу» пять: *nualan* ‘вниз в’, *nuelesne* ‘внизу у’, *nueleste* ‘изпод’, *nueliem* ‘внизу, двигаясь взад-вперед вдоль’, *nuelieh* ‘внизу, появляясь время от времени’. Мы видим, что, несмотря на то что южносаамские послелогов могут передавать более детальные отношения, чем шведские и норвежские сложные предлоги (ср. два последних примера), в основной своей массе их значение соответствует значению шведских и норвежских сложных предлогов. В данном случае мы так же, как и в случае с формой на *-sit*, не можем найти более совершенного способа перевода саамских двухфокусных предлогов, чем их переводы на шведский или норвежский (ср.: *sijste* — *inåt*, *sistie* — *inifrån*, *sisnie* — *inom*; *uvte* — *framåt*, *åvteste* — *framifrån*; *åvtesne* — *framfö* и т. п.).

Структурное сходство может быть следствием саамской интерференции. Саамские послелогов имеют соответствия во всех финноугорских языках и оказываются старше, чем шведские и норвежские сложные предлоги. Скандинавские сложные предлоги фактически не имеют соответствия в западногерманских языках. Кроме того, очевидно их распространение с севера на юг. Все это делает возможным предположение о саамской интерференции в шведском и норвежском языках.

Можно предположить такую модель интерференции. Скандинавские сочетания наречия с предлогом типа *gå ut från...*, *komma in i* могли интерпретироваться саамами как единые формы, соответствующие исконным падежным формам послелогов. Вторым источником могло быть прямое калькирование саамских послелогов в шведский и норвежский с первоначальным сохранением их послеложного характера. Постпозиционное употребление сложных предлогов было возможным в шведском еще в XIX в., ср., напр.: *De få människor jag såg komma gatan framåt voro alla söndagsklädda*⁴².

⁴² SAOB. F. S. 1394.

Типологическим подтверждением связи продуктивности двухфусных предлогов в шведском и норвежском языках с саамско-скандинавскими контактами может служить развитие сложных предлогов в северных диалектах русского языка, ставших продуктивными в результате контактов с финноугорскими языками⁴³ (в Коми, в частности, очень много послелогов такого типа). Не исключено, что сложные предлоги в самых южных русских диалектах связаны с тюркскими и кавказскими послелогоми.

3. Возможность распространения продуктов саамской интерференции

Используя приведенные выше критерии интерференции, можно доказать, что многие особенности скандинавских языков и в еще большей степени особенности их северо-восточного ареала могут интерпретироваться как продукты саамской интерференции. Однако мы показали только, что такая интерференция могла происходить в скандинавских языках саамов. Остается ответить на главный вопрос любого исследования языковых контактов: возможно ли представить себе принятие признаков саамской интерференции скандинавами в области саамо-скандинавских контактов и дальнейшее распространение этих признаков в другие скандинавские области? Для распространения черт саамской интерференции были необходимы два условия — структурное соответствие или по крайней мере отсутствие структурного противоречия между интерферентными чертами и соответствующими скандинавскими чертами и, что намного более важно, социолингвистическая возможность принятия и распространения признаков интерференции в одноязычном скандинавском обществе. Ведь именно предполагаемый низкий престиж саамов во все времена априори считался препятствием для любого саамского влияния на скандинавский язык.

Однако в последние десятилетия историки и археологи показали, что представление о низком престиже саамов можно отнести только ко второй половине второго тысячелетия. В тот период, который мы

---

⁴³ *Venker W.* Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967. S. 140. В русской литературной норме есть только два сложных предлога — *из-за* и *из-под*.

называем общескандинавским, и в первые века второго тысячелетия отношения между саамами и скандинавами были другими и область распространения саамов была другой. В Швеции она доходила до Уппланда, а в Норвегии — почти до Осло. Историки и археологи говорят о значительной степени «культурной креолизации»⁴⁴ в области саамо-скандинавских контактов и культурном симбиозе⁴⁵. Древнезападноскандинавская литература также свидетельствует не только об оживленных контактах, но и о высоком статусе саамов в древнескандинавском обществе⁴⁶. Саамы были друзьями и советчиками известных скандинавов. Судя по сагам, даже шведские и норвежские конунги в языческие времена могли иметь саамских жен. То, что саамы с таким уважением («med respekt») описывались в древнескандинавской литературе, послужило в начале XX в. основанием предположить, что *finna* древнезападноскандинавской литературы не могли быть саамами, поскольку саамы, «...как теперь, так и раньше должны были быть предметом презрения со стороны норвежцев»⁴⁷. Простая мысль о том, что отношение скандинавов к саамам могло измениться, не пришла в голову ни Хансену, ни его последователям во второй половине XX в.⁴⁸

Историки и археологи показали, что культурное влияние в Скандинавии было не таким односторонним, как об этом думали раньше. Мы наблюдаем не только скандинавское влияние на саамскую культуру, но и саамское влияние на скандинавскую культуру, в том числе на религию и мифологию⁴⁹. Все это позволяет предположить, что не было никаких препятствий для распространения продуктов саамской интерференции и в собственно скандинавские диалекты саамо-скан-

---

⁴⁴ *Hansen L. I., Olsen B.* Samenes historie fram til 1750. Oslo, 2004. S. 107.

⁴⁵ *Zachrisson I.* Möten i gränsland. Samer och germaner i Mellanskandinavien. Stockholm, 1997. S. 139.

⁴⁶ *Pålsson H.* The Saami People in Old Norse Literature // Nordlit. 1999. Bd. 5; *Mundal E.* Coexistence of Sami and Norse culture — reflected in and interpreted by Old Norse myths // Old Norse Myths: Literature and Society. International Saga Conference. Sydney, 2000. P. 346–355.

⁴⁷ *Hansen A. M.* Oldtidens Nordmænd. Ophav og Bosætning. Kristiania, 1907. S. 134.

⁴⁸ См., напр.: *Sandnes J.* Om samenes utbredelse mot sør i eldre tid // Historisk tidsskrift. 1973. Bd. 52. S. 113–137.

⁴⁹ *Strömbäck D.* Sejd. Textstudier i nordisk religionshistoria. Stockholm, 1935; *Mundal E.* Op. cit.; *Kusmenko Ju.* Jätten Thjazi och det samiska elementet i nordisk mytologi // Sápmi Y1K — Livet i samernas bosättningsområde för ett tusen år sedan / Red. A. Amft; M. Svonni. Umeå, 2006. S. 11–28.

динавской контактной зоны, а оттуда и в другие области Скандинавии. Нет ничего удивительного, что в шведском и норвежском языках продуктов саамской интерференции оказывается больше, чем в датском и исландском, а в северо-восточном скандинавском ареале шведского и норвежского языков этих продуктов оказывается еще больше, чем в юго-западном. Все сказанное выше свидетельствует о том, что традиционное представление о том, что, несмотря на продолжавшиеся с момента образования скандинавских языков контакты с саамскими языками, они не оказали фактически никакого влияния на скандинавские языки, очень далеко от истины. Скорее верно обратное. Именно контакты с саамским в значительной степени определили особое, по сравнению с другими германскими языками, развитие скандинавских языков.

И. П. Куприянова

Й. Л. ХАЙБЕРГ И ЕГО ДРАМАТИЧЕСКАЯ САТИРА «ДУША ПОСЛЕ СМЕРТИ»

Йохан Людвиг Хайберг (1791–1860) не получил широкой международной известности подобно его младшим современникам Х. К. Андерсену и С. Киркегору, но на протяжении долгого периода — с конца 1820-х до начала 1850-х гг. — именно он занимал центральное положение в культурной жизни Копенгагена.

Его отец, Петер Андреас Хайберг (1758–1841), был в 1800 г. выслан из Дании за свои сатирические произведения, направленные против абсолютизма и аристократии, и до конца своих дней жил во Франции. Мать будущего писателя после изгнания мужа вышла замуж за шведского барона Гюллембурга и под этой фамилией позднее стала известна как автор ряда произведений, правдиво изображающих будничную жизнь буржуазных кругов.

После развода родителей Йохан Людвиг в течение двух лет воспитывался в семье влиятельного литературного деятеля Кнуда Луне Рабека и его жены Карен Маргрете, усадьба которых «Баккехус» была в то время средоточием интеллектуальных сил столицы, а затем поселился у сестры матери, Лисе Юргенсен. В 1809 г., став студентом университета, Хейберг переезжает в дом Гюллембургов, где нередко собираются видные представители науки, литературы и искусства. В 1817 г. он завершает университетское образование, защитив диссертацию о творчестве Кальдерона.

Первые литературные опыты Хайберга относятся еще к годам его детства: он сочинял пьесы для кукольного театра, которые исполня-

лись в кругу родных и друзей. На одном из представлений присутствовал глава ранних датских романтиков А. Эленшлегер, весьма одоббивший юного автора.

В 1813 г. Хайберг дебютировал в печати двумя пьесами — «Дон Жуан» (поэтическая переработка пьесы Мольера) и романтическая драма «Горшечник Вальтер» («Pottemager Walther»), объединенными под названием «Театр марионеток» («Marionetteater»). Эти произведения и последовавшая за ними в 1816 г. сатирическая комедия «Рождественские шутки и новогодние забавы» («Julespøg og nytårsløjer») были доброжелательно встречены публикой и критикой.

Получив королевскую стипендию, Хайберг в 1819 г. отправляется в Париж, где проводит следующие три года. Здесь он встречается с отцом и основательно знакомится с французским театром. Особенно сильное впечатление производит на него незнакомый ему до того драматический жанр — водевиль. Он увлекается творчеством Казимира Делавиня и Эжена Скриба — позднее Хайберг перевел 16 пьес этого автора и способствовал появлению его произведений в репертуаре датских театров.

В 1822–1825 гг. Хайберг занимает пост датского лектора в Кильском университете. Из своего пребывания в Германии он вынес знакомство с философией Гегеля, определившее впоследствии формирование его эстетических позиций. В Берлине он слушает лекции Гегеля и встречается с самим философом.

После возвращения в Копенгаген Хайберг пишет свои первые водевили — «Царь Саломон и шляпник Йорген» («Kong Salomon og Jørgen Hattemager», 1825), «Апрельские дурачки» («Aprilsnarrene») и «Рецензент и животное» («Recensenten og dyret», оба 1826). Все они были поставлены на сцене Королевского театра и вызвали неоднозначную реакцию: большой успех у публики и открытое неприятие критиков (в том числе Рабека).

Хайберг отвечает на критику, опубликовав теоретическое эссе «О водевиле как драматическом жанре» («Om vaudevillen som dramatisk digtart», 1826). Опираясь на теорию Гегеля, он выстраивает свою систему диалектического развития литературы, в том числе драмы. По его мнению, лирика соответствует стадии непосредственного восприятия, эпическая литература — стадии рефлексии, драма — более высокой стадии, объединению двух предшествующих. В свою очередь, в драматическом искусстве это выражается в движении от лирической драмы к трагедии и затем к комедии, которая,

по словам Хайберга, «упраздняет» разделение между содержанием и формой»¹. (В этой связи он высказывает сожаление о том, что Хольберг творил раньше Эленшлегера.) Водевиль, как считает Хайберг, — наиболее совершенный жанр, поскольку он позволяет соединить все средства сценического искусства, поэзию и музыку, а также дает возможность передать местный колорит, представить конкретное время и соответствующие ему людские типы.

Свою эстетическую программу Хайберг продолжает развивать на страницах издававшегося им журнала «Копенгагенская летучая почта» («Københavns flyvende post», 1827–1830). Задачу критики он видит в преимущественном внимании к форме произведений, его интересует не столько «что», сколько «как». В своих статьях он радуется за усвоение «хорошего вкуса» — как в сфере искусства, так и в обыденной жизни.

Водевиль продолжает оставаться главным жанром в драматургии Хайберга вплоть до 1836 г. Постановкам его водевилей неизменно сопутствует успех у зрителей, немалую роль в котором играет участие его жены, Йоханны Луизы Хайберг (1812–1890). Всесторонне одаренная, она известна как одна из величайших актрис в истории национального театра. (После ухода со сцены Йоханна Луиза стала режиссером и познакомила датчан с творчеством Ибсена и Бьёрнсона.)

Не меньший успех выпал и на долю романтических драм Хайберга «Холм эльфов» («Elverhøj», 1828) и «День семи сонливцев» («Søvsoverdag», 1840), написанных по заказу в связи с торжественными событиями в королевской семье. В этих произведениях реальность переплетается с фантастикой: в первом король Кристиан IV развеивает чары эльфов, препятствующие соединению любящих; во втором — герои из копенгагенских будней переносятся в эпоху Средневековья (здесь автор свободно фантазирует на тему народной баллады о короле Вальдемаре Великом и его возлюбленной Тове). В романтических драмах Хайберга можно обнаружить известную преемственность в отношении одного из ранних произведений Эленшлегера, пьесы «Игры в ночь на святого Ханса» («Sankt Hansaften-spil», 1802).

Драме «Холм эльфов» выпала на долю долгая жизнь, ее играли (и играют) в торжественных случаях и на дневных представлениях;

---

¹ *Norrild Sv. Dansk litteratur*. Bd. 1. København, 1949. S. 275

к концу XX в. число спектаклей достигло 800. Некоторые водевили также продолжают появляться на датской сцене и в наше время.

Водевили и романтические драмы Хайберга в высшей степени характерны для второго периода развития датского романтизма, периода, который датские литературоведы определяют как «поэтический реализм». Под влиянием изменений в датской и международной политической и общественной обстановке интерес к героическому прошлому сменился вниманием к современности; патетика трагедий Эленшлегера утратила притягательную силу. Объектом изображения в произведениях писателей этого периода — Стена Стенсена Бликкера (1782–1848), Хенрика Хертца (1799–1870) и Кристиана Хострупа (1818–1892) — становится жизнь обычных людей, нередко представленная в идеализированном виде и овеянная романтикой. В содержание часто включаются фольклорные, сказочные мотивы. В этот период начинается и творческий путь Х. К. Андерсена.

В драматических произведениях Хайберга действие развилось в хорошо знакомых зрителям местах — в Копенгагене и его окрестностях, в близкой им социальной среде мелкой и средней буржуазии; в качестве персонажей фигурировали легко узнаваемые типы. Затрагиваемые проблемы не выходили за пределы семейных и благополучно разрешались, критика (если она присутствовала) касалась моральных недостатков и предрассудков, причем была достаточно мягкой. Все это вместе с новизной самого жанра, сочетающего драматическое действие с хореографическими и вокальными номерами, обеспечивало автору благожелательный прием у публики. В качестве музыкального сопровождения использовались мелодии известных опер и оперетт, сочинения шведского «барда» К. М. Бельмана (1740–1795) и самого Хайберга. Для «Холма эльфов» музыку написал композитор Ф. Кулау (1786–1832), в увертюре звучит мелодия королевского гимна.

С 1829 г. Хайберг становится постоянным сотрудником Королевского театра, занимает различные посты в его руководстве и фактически определяет репертуар. Однако назначение на должность директора (1849) не приносит ему удовлетворения. Эпоха «поэтического реализма» близится к закату, и театральная политика Хайберга не соответствует новым тенденциям в драматургии: так, он отказывается принять к постановке драму Ибсена «Воители в Хельгеланде». В 1856 г. Хайберг расстается с Королевским театром. В последующие годы он отдается занятиям астрономией, которой весьма интересовался и в молодости, и пишет очерки по истории XVI–XVII вв.

Однако еще до неудачного директорства Хайберг создает произведение, кардинально отличающееся от всего, написанного им ранее, — сатирическую «апокалиптическую» комедию «Душа после смерти» («En sjæl efter døden»). В 1841 г., к пятидесятилетию Хайберга, выходит из печати небольшая книга под скромным названием «Новые стихи» («Nye digte»). В связи с юбилейной датой она была издана в роскошном оформлении, с типографскими изысками. «Это одна из наиболее красиво напечатанных у нас книг, просто перелистывать ее — уже наслаждение», — пишет Олуф Фриис². Но, естественно, красота — не главное достоинство книги: по справедливому замечанию Могенса Брэнстеда, это — «самое значительное произведение зрелого творчества Хайберга»³.

Помимо «Души после смерти» в книгу вошли два религиозно-философских стихотворения — «Богослужение» («Gudstjeneste») и «Протестантизм в природе» («Protestantismen i naturen») — и небольшая мистическая пьеса «Молодожены» («De nygifte»). Эти три произведения позволяют судить об изменении во взглядах автора на религию, но, вне всякого сомнения, наибольший интерес представляет первое.

«Душа после смерти» — пятиактная стихотворная пьеса для чтения, повествующая о приключениях героя в загробном мире. В открывающем первое действие хоре участников похорон дается его характеристика с их точки зрения: «верный супруг, любящий отец, честный друг, гражданин, каких немного»⁴.

«Проснувшись» на кладбище, герой осознает, что он мертв, его имя остается на памятнике, отныне он — просто Душа. У ворот рая, куда он направляется в полной уверенности, что его место там, героя встречает Святой Петр и подвергает экзамену. Постепенно выясняется, насколько мало осведомлен покойный о жизненном пути Христа: «Ведь я так давно был конфирмован», — оправдывается он (31). Не может он и сказать, в чем заключается дух христианского учения, а из всех заповедей помнит лишь «не укради». Святой Петр отказывается впустить Душу в рай и посылает его в загробное царство язычников, Элизиум, где тот рассчитывает обрести беззаботное и

---

² Dansk litteraturhistorie. Bd. 2. København, 1965. S. 467.

³ Litteraturen i Danmark. København, 1954. S. 224.

⁴ Hejberg J. L. Nye Digte. Gyldendals Bibliotek. Bd. 9. København, 1971. S. 23. — Далее текст цитируется по этому изданию, в скобках указываются страницы.

веселое существование. Однако здесь его ждет Аристофан — все античные классики поочередно исполняют обязанности привратника. И здесь Душа обнаруживает полную безграмотность. Услышав вопрос о том, знакомы ли ему классическое искусство или классическая мудрость, он радуется: «Да, я учился в коммерческом училище (Handelsklasse)» (40). Зато он знает, что Сократ выпил яд — это он почерпнул из пьесы, которую видел в Копенгагене. Правда, оттуда же он уяснил, что Аристофан — какой-то «шут», портивший Сократу жизнь. Упоминание о Копенгагене вызывает у Аристофана вопросы о «бесподобном поэте», который «в бурю и грозы смело ведет колесницу богов Севера» (Эленшлегер), и о том, чей гений взрастил «благородное древо античности на варварской почве» и чье имя происходит от Тора» (Торвальдсен) (45). Но и это заставляет Душу лишь вспомнить, что он пожертвовал 6 ригсдалеров на музей последнего: «Это, конечно, не слишком щедро, но многие дали меньше» (46). Аристофан интересуется, владел ли покойный при жизни писательским или ораторским даром. Да, он произносил речи на праздниках в защиту свободы печати и писал (анонимно) в газеты. Разъяренный Аристофан восклицает: «Душа, иди-ка ты в ад!» (47). Такая грубость возмущает Душу: «У нас ни один образованный человек не позволит себе подобных выражений» (48).

Теперь герой оказывается у прекрасных ворот, в которые можно беспрепятственно войти, что вызывает его восхищение: «Это чудесно! Какой либерализм!» (49). Появившийся Мефистофель несколько охлаждает восторг Души, сообщив, что выйти обратно невозможно, но горячо рекомендует прелести и удобства данного места. Главное преимущество заключается в том, что героя не ждут какие-либо неожиданности: «В нашем государстве живет совершенно так же, как там, у вас» (54).

В части пьесы, посвященной характеристике ада, сатира Хайберга достигает апогея. Ад оказывается полностью идентичен обывательскому Копенгагену: здесь издаются те же газеты (они даже выходят раньше, чем на земле), есть те же клубы и гражданские союзы, существуют школы и университет (где учат тому, что абсолютно не нужно для жизни), есть биржа, рестораны (где кухня не хуже, чем в земных) и театр, соответствующий невзыскательным вкусам. Правда, лучшие книги попадают в библиотеку рая, но многие писатели находятся в аду, поскольку лишь некоторые из них достойны своих произведений. Впрочем, такое положение вполне устраивает Душу,

т. к. личная жизнь писателей интересует его больше, чем их произведения.

По мнению Мефистофеля, быть в аду гораздо лучше, чем в раю, где Душе пришлось бы «сидеть голым задом на мокром и холодном облаке и изо всех сил дудеть в трубу» (66). Услышав, что это прекрасное место называется адом, герой пугается: а как же адские муки? Но Мефистофель успокаивает его: это только для убийц, воров и т. д. Для «порядочных людей» здесь нет ничего страшного, «потому что ты и тебе подобные всю свою жизнь находились в аду» (71).

За то, что все блага даются ему в аду бесплатно, Душа с радостью соглашается, «как всякий добрый гражданин», участвовать в общей работе: вечно наполнять водой бездонный чан Данаид. «Мне будет очень интересно стремиться к общей цели. Я чувствую в этом дух единения, которым сильно государство» (86), — заявляет он. Теперь Душа обрела покой: «Как удачно, что я наконец нашел свое место» (87).

И завершается пьеса хором гостей на поминках. Они скорбят по усопшему, но утешаются мыслью о том, что все они когда-нибудь вновь соберутся вместе там, где он находится.

Два акта, действие которых происходит в аду (III и V), Хайберг разделяет своеобразной интермедией. Чтобы доказать Душе справедливость своих суждений о жизни на земле, Мефистофель переносит героя на землю с помощью черного плаща, на котором когда-то «парил доктор Фауст», и показывает ему смерть известного актера. По мнению исследователей, эта часть пьесы была написана много раньше, чем остальные⁵. Предполагается, что прототипом образа актера был Николай Петер Нильсен (1796–1860), прославившийся исполнением героических ролей в драмах Эленшлегера. Известно, что он был соперником Хайберга в любви к его будущей жене, а позднее критиковал его репертуарную политику. Однако сатира драматурга явно выходит за рамки выражения неприязни к конкретному лицу.

Актер являет собою пример личности, полностью лишенной собственного содержания. В его разговоре со Смертью выясняется, что он мог быть добрым или злым, бунтарем или тираном, верить в любого бога — в соответствии с теми ролями, которые играл. Когда Смерть допытывается, что же актер «сам считал истиной», тот отвечает: «Любезная Смерть! Как ты можешь верить, будто в театре есть

---

⁵ См.: *Norrild Sv. Op. cit. S. 277.*

время и покой, чтобы самому думать, иметь свое мнение?» (77). Актера занимают только его собственные роли, свой успех у зрителей — в общий смысл и идею пьесы он не считает нужным вникать. И вообще он предпочел бы занять место в администрации театра, чтобы «править делами искусства» (80).

Смерть полагает, что св. Петр отвергнет актера, но не из-за его профессии, а потому, что он плохо служил искусству. В рай не допускаются те, кто «был плохим поэтом, плохим токарем, плохим министром, плохим трубочистом или кем угодно» (79). Когда же выясняется, что актер не может прочесть «Отче наш» из-за отсутствия суфлера, Смерть больше не сомневается: «Готовься к жару адских мук!» (81).

В интермедии явно слышны отзвуки тех претензий, которые Хайберг предъявлял к современному театру. Это дополняет характеристику, которую дает, прославляя «адский» театр, Мефистофель: там зритель «избавлен он того, чтобы слушать, но насыщается зрелищем», там «выступают только танцовщицы и лошади» и еще «показывают дрессированных блох» (58).

Но Хайберг не щадит и представителей других сфер искусства и культуры. Устами Аристофана он, казалось бы, отдает должное Эленшлегеру (которого нередко сурово критиковал), но тут же замечает, что тот «велик в достоинствах, велик в недостатках» (45). Решительно отправляет Хайберг в ад все труды религиозного философа Ф. К. Сибберна (1785–1872) — они очень украшают местную прессу (55–56).

Особой язвительностью отличается пассаж, посвященный Х. К. Андерсену. По словам Мефистофеля, в аду ставятся его пьесы «Мулат» и «Мавританка», после которых зрителям хорошо спится. Иронизируя по поводу известности Андерсена, Хайберг пишет, что она простирается «по всему великому королевству Сконе», а в Германии — от Хундсрюка до Свинемюнде. Он предвидит, что вскоре Андерсен прославится и в Константинополе, где он в серале будет «читать “Мулата” султанским женам и “Мавританку” — приговоренным к удушению» (59).

Андерсен получил известие об этом выпадке, находясь в Риме. Сначала он реагировал чрезвычайно болезненно. В «Сказке моей жизни» мы читаем: «Хуже всего было то, что на меня напал Хайберг, тот, кто был тогда в Копенгагене Аллахом и пророком датской литературы <...> Никто он уточнял, что в этой сатире собственно говори-

лось обо мне, что вызвало насмешки. Говорили: “Андерсену там изрядно досталось!” Ведь вдвойне тяжело сознать себя предметом насмешек и не знать даже, что именно в вас осмеивают. Эти сообщения были подобны каплям расплавленного свинца, упавшим на открытую рану»⁶. Под первым впечатлением он даже написал Хайбергу издевательское письмо в стихах, но вскоре его уничтожил. Как ни странно, прочитав позднее пьесу, Андерсен нашел, «что в ней не сказано ровно ничего такого, из-за чего мне стоило бы особенно огорчаться», и назвал ее «прекрасной»⁷.

Впрочем, отношения Андерсена с супругами Хайберг всегда были сложными и неровными⁸. В начале творческого пути Андерсен пользовался поддержкой влиятельного критика: Хайберг напечатал два его стихотворения в своем журнале и вместе с другими ходатайствовал о предоставлении ему стипендии. Разногласия начались из-за пьес Андерсена: Хайберг был против их постановки в Королевском театре, а его жена наотрез отказалась играть в «Мавританке», чем Андерсен объяснял неудачу спектакля⁹, и открыто говорил об этом знакомым. Как он пишет, это «показалось таким преступлением, что Хайберг с тех пор в течение целого ряда лет <...> оставался моим противником»¹⁰.

В «Сказке моей жизни» Андерсен неоднократно сетует на своего «противника»: Хайберг не ценил его драматургии, не защищал его от нападок других критиков, став директором театра, уменьшил число бесплатных мест для писателей; встречаются даже намеки на то, что Хайберг завидовал успеху Андерсена в Европе.

Некоторые исследователи высказывали предположение о том, что скептическое отношение Андерсена к чете Хайбергов нашло отражение в сказках «Сундук-самолет» («Den flyvende kuffert») и «Гречиха» («Boghveden»), что Хайберг был прототипом Тени в одноименной сказке («Skyggen»)»¹¹. Не исключалось и то, что в «Гадком утенке» («Den grimme ælling») супруги Хайберг и жившая с ними Томасине

---

⁶ *Andersen H. C. Mit Livs Eventyr. Bd. 1. København, 1975. S. 236.*

⁷ *Ibid.*

⁸ Их отношения изобразил, в частности, в своей драме «Из жизни дождевых червей» («Från regnormarnas liv», 1981) шведский писатель П. У. Энквист.

⁹ *Andersen H. C. Op. cit. Bd. 1. S. 228–229.*

¹⁰ *Ibid. S. 229.*

¹¹ См.: *Bredsdorff E. H. C. Andersen. Mennesket og Digteren. København, 1979. S. 167, 195.*

Гюллембург изображены в виде обитателей домика, где герой находит приют.

Однако в 1844 г. противники пришли к примирению. Узнав, что Хайберг отверг его новую пьесу — «Цветок счастья» («Lukkens blomst»), Андерсен написал ему письмо, за которым последовала встреча и обстоятельная беседа. «Я стал лучше понимать эту поэтическую натуру и думаю, что и он стал понимать мою, — пишет Андерсен, — мы в высшей степени отличаемся друг от друга, но все же идем к одной цели»¹². В 1860 г., получив известие о смерти Хайберга, Андерсен причисляет его к «духовно одаренным и великим» людям, которых он знал¹³.

«Душа после смерти», как и остальное творчество Хайберга, осталась неизвестна европейской публике за пределами Скандинавии — она была переведена только на шведский язык. Причину этого можно усмотреть в том, что комедия воспринималась как касающаяся сугубо местных обстоятельств. Так, Олуф Фриис, сравнивая ее с сатирой Хольберга «Педер Порс» («Peder Pårs», 1720), утверждает: «В поэме Хайберга поле зрения более ограничено. Душа и остроумие носят локально-копенгагенский характер»¹⁴. С этим трудно согласиться, более справедливым представляется суждение американского скандинависта П. М. Митчелла: «Несмотря на многие аллюзии к местным условиям, этическое содержание драмы универсально, и она достойна того, чтобы рассматриваться как датский вклад в мировую литературу»¹⁵.

Действительно, мишенью издевок Хайберга было прежде всего копенгагенское общество: высмеивая прессу, он называет реально существовавшие газеты, приводит имена конкретных людей. Но смысл его сатиры шире и глубже, ее объекты — обывательство как таковое, невежество, рядящееся в одеяния культуры, узость мышления и лицемерие морали. Тот же О. Фриис замечает: «Своей сатирой Хайберг хочет ударить не по самому Душе, а по *времени*, которое его породило»¹⁶.

Для скандинавской литературы значение творчества Хайберга очень велико. В Дании по количеству постановок своих пьес он усту-

¹² Andersen H. C. Op. cit. S. 323.

¹³ Andersen H. C. Op. cit. Bd. 2. København, 1975. S. 234.

¹⁴ Dansk Litteraturhistorie. Bd. 2. S. 473.

¹⁵ Mitchell P. M. A history of Danish Literature. Copenhagen, 1957. P. 138.

¹⁶ Dansk Litteraturhistorie. Bd. 2. S. 472.

пают только Хольбергу¹⁷. В Норвегии его водевили ставил Ибсен в театрах Бергена и Кристиании. По свидетельству известного специалиста по творчеству великого норвежца, «Людвиг Хайберг был одним из очень немногих писателей, у которых Ибсен, как он признавался в поздние годы, чему-то научился»¹⁸. И этот же автор констатирует: «После смерти Эленшлегера он считался самым выдающимся литератором не только в Дании, но и в Скандинавии»¹⁹.

Большое влияние оказал Хайберг на духовную жизнь Дании не только своими художественными произведениями, но и публицистикой. Именно он по-настоящему познакомил датчан с философией Гегеля; его статьи о литературе и театре знаменуют собою возникновение профессиональной критики. По словам О. Фрииса, Хайберг «предвосхитил то значение, которое *критику* предстояло обрести в качестве рупора своего времени»²⁰. В этом смысле его роль в 1820–1840-е гг. в какой-то степени сопоставима с той, которую суждено было сыграть Георгу Брандесу в 1870-х.

---

¹⁷ См.: Marker Fr., Marker L. The Scandinavian Theatre. Oxford, 1975. P. 115.

¹⁸ Meyer M. Ibsen. London, 1974. P. 87.

¹⁹ Ibid. P. 112.

²⁰ Dansk Litteraturhistorie. Bd. 2. S. 483.

А. Н. Ливанова

ПРОСТРАНСТВО СКАЗОК АНДЕРСЕНА В НОРВЕЖСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Они узнали друг друга по языку, хотя датский и норвежский языки, по словам норвежской тряпки, так же различны, как французский и еврейский.

Ханс Кристиан Андерсен. «Тряпье»

Переводить произведения Ханса Кристиана Андерсена на норвежский язык начали давно, несмотря на близость языков — букмола и датского, позволяющую норвежцам свободно читать на датском языке сейчас, а тем более в конце XIX — начале XX в., когда букмол еще называли датско-норвежским, а реформы орфографии не отдалили один язык от другого визуально. Литературный критик Эйстейн Роттем считал даже, что переводы в ситуации с этой парой языков скорее должны быть излишни. Так оно, в общем-то, и есть. На встрече министров культуры северных стран, состоявшейся в 1996 г. в Копенгагене, сообщалось, что больше всего книг скандинавских авторов на языке оригинала продается именно в Норвегии¹. «Принято говорить о датско-норвежской общелитературной среде начиная с XVI в. и до расторжения унии в 1814 г. Мне кажется, большинство литературоведов ошибаются относительно этого. На самом деле

---

¹ Aftenposten от 4.12.96.

общелитературная эпоха простиралась до самого 1925 г., когда было создано норвежское издательство “Гюльдендал”»². И дальше там же: «Сколько датских писателей тебе известно? Людвиг Хольберг по происхождению норвежец, Ханс Кристиан Андерсен да Петер Хёг». Но не благодаря ли многочисленным переводам так хорошо известен в Норвегии Андерсен?

Первое переложение (слово «перевод» в этой связи не употребляли вплоть до Второй мировой войны) сказок Андерсена сделал известный писатель Габриэль Скотт (på norsk ved Gabriel Scott) в 1917 г.³ Это переложение выдержало ряд переизданий. Несколько позже переводом андерсеновских сказок занялся еще один норвежский писатель, Оскар Бротен⁴.

Среди тех, кто впоследствии переводил сказки Андерсена на норвежский язык, следует упомянуть Йенса Мёрлана (Jens Mørland), бывшего председателем Союза сторонников риксмолла (Riksmålsforbundet) в 1918–1919 гг. и выпустившего два тома переводов из Андерсена в 1926–1927 гг., Ханса Бровига (Hans Braavig), писательницу, педагога и заметного деятеля культуры Ингеборг Рефлинг Хаген (Ingeborg Refling Hagen), выдающегося современного переводчика с полутора десятков языков Хьелля Рисвика (Kjell Risvik). Из-за близости датского языка норвежскому переводы делались в основном в расчете на детей, потому из всего четырехтомного сказочного наследия переводили практически одни и те же, самые популярные сказки⁵.

Переводили Андерсена, конечно, потому, что норвежцы, не будучи исключением, очень полюбили андерсеновские сказки. Сказки Андерсена публиковались даже в оккупированной немцами Норвегии: переводы Бровига выходили в 1941, а Мёрланна — в 1942 г.⁶ Весь 2005 год Норвегия с энтузиазмом участвовала в мероприятиях, по-

² Писатель и литературный критик Эйстейн Роттем (Øystein Rotttem) в интервью газете «Классекампен» от 5 марта 2002 г. Здесь и далее — перевод автора статьи.

³ Rindal M., Egeberg E., Formo T. Brobyggere. Oversettelser til norsk fra middelalderen til i dag. Oslo, 1998. S. 90.

⁴ Nattergalen og andre eventyr / På norsk ved Oskar Braaten. [S. d.], 1927.

⁵ Об этом см. в статье: Quentel G. The Translation of H. C. Andersen's Fairy Tales in the European Literary Scene // Ri.L.Un.E. 07.2006. N 4. http://www.rilune.org/mono4/Quentel_Rilune4_2006.pdf. В то же время автор статьи заблуждается, утверждая, что переводов немного и они стали появляться лишь совсем недавно.

⁶ Oxfeldt E. Slagere og overraskelser — flott H. C. Andersen-utvalg med fine illustrasjoner. <http://www.barnebokkritikk.no>.

священных 200-летию со дня рождения великого сказочника. Хотя любовь норвежцев к автору этих сказок долго была лишена взаимности.

Андерсен не особенно лестно изобразил северных соседей в сказках «Волшебный холм» (1845) и вышедшей двадцатью годами позже сказке «Тряпье»: он показал их невоспитанными и надменными. Первые встречи писателя с норвежцами немало поспособствовали тому, чтобы у него сложилось именно такое представление. Андерсена связывали непростые отношения с его учителем в школе для бедных в Оденсе, К. Ф. Вельхавеном, дядей норвежского поэта Юхана Себастьяна Вельхавена. Когда же в 1835 г. Андерсена посетил сам Вельхавен, он, едва увидев хозяина, воскликнул: «Фу, какая ужасная внешность у датских поэтов. Один страшнее другого!»⁷. Только личная дружба с Бьернстjerne Бьернсоном и скрипачем Уле Бюллем все же побудили его на старости лет, в 1871 г., посетить их прекрасную родину. Этот визит, как свидетельствуют дневниковые записи Андерсена, развеял его предвзятое отношение к Норвегии⁸. Норвежские переводчики сказок Андерсена стремились передать в языке те нюансы, которые могли ускользнуть от внимания читателя, в особенности читателя детского возраста, из-за имеющихся различий между двумя языками в лексике, но и не только в ней. Казалось бы, задача не слишком трудная. Однако сравнение переводов показывает, что это не совсем так. Если вообще именно различия в лексике бывают заметны и легко определимы, то в том, что касается ряда лексико-семантических полей, связанных с базовыми системами восприятия, имеющими выход в грамматику и потому нередко носителями языка воспринимаемыми на подсознательном уровне как фон, дело обстоит не столь просто. Между тем и у лингвистов эта область расхождений между датским и норвежским не вызвала должного интереса. Можно утверждать, что избранный для исследования материал удачен в нескольких отношениях.

Во-первых, для скандинавистики важно выявить тонкие отличия, существующие между близкородственными языками. Контрастивные исследования позволяют это сделать. «За вычетом общей, обусловленной генетическим родством основы остается обозримый ‘остаток’

---

⁷ *Andersen J. Velduftende viking // Dagbladet. 15.10.2004.*

⁸ *Gram N. H. C. Andersen og norske troll // VG. 01.04.05.*

проявления которого и составляют специфику системы одного из близкородственных языков в отличие от системы другого»⁹.

Во-вторых, хотя переводы как материал контрастных исследований неоднократно привлекали к себе в том числе и критическое внимание лингвистов по ряду аспектов, здесь не место подробно останавливаться на плюсах и минусах этого метода; главное же преимущество его то, что «переводы дают нам интересные ключи к функциональным соответствиям между языками, которые могли бы остаться невыявленными, будь сравнение ограничено оригинальными текстами или интроспективными суждениями по поводу эквивалентности»¹⁰.

И наконец, поскольку в течение нескольких десятилетий с момента опубликования оригиналов сказок разница между датским и датско-норвежским языками была минимальной и состояла в использовании в норвежских текстах ограниченного набора слов для обозначения специфически норвежских реалий, а также некоторых синтаксических конструкций, представляется благодатной возможностью проследить за развитием новых и утратой существовавших на тот момент значений у служебных слов.

Разумеется, существует и такая сложность, как изменения в самом датском языке, произошедшие за полтора столетия. Однако в фокусе нашего внимания здесь развитие норвежского языка. По этой причине, а также в связи с ограниченным объемом публикации от указанного обстоятельства мы отвлекаемся.

Контрастный анализ текстов на близкородственных языках позволяет выявить тонкие смысловые различия в этой сфере. Многочисленные переводы сказок Андерсена, сделанные с одного и того же текста разными переводчиками в разное время, позволяют наглядно продемонстрировать возможности такого подхода. Для настоящей работы были взяты сказки Ханса Кристиана Андерсена «Огниво», «Стойкий оловянный солдатик», «Соловей» и «Гадкий утенок». Использовались тексты датских оригиналов «Fyrtøiet», «Den standhaftige Tinsoldat», «Den grimme Ælling», «Nattergalen» с интернет-сайта копенгагенской Королевской библиотеки¹¹, а также их переводы на

---

⁹ Никуличева Д. Б. Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках. М.; СПб., 2000. С. 14.

¹⁰ Johansson M. Clefts in English and Swedish. Lund, 2002. P. 207.

¹¹ www.kb.dk/elib/lit/dan/andersen/eventyr.dsl.

норвежский язык: три перевода «Огнива», по четыре — «Солдاتي́ка» и «Соловь́я» и пять — «Утенка»¹².

Всего было рассмотрено параллельно 118 датских примеров и более 500 их переводов на норвежский.

В качестве объекта исследования выбраны основные пространственные предлоги — *i, på, fra, ved* (а также употребляющийся совместно с наречиями *av*), и наречия, обозначающие место действия и направление действия; местоименные *her, der, hit, dit* и образующие однокоренные пары, где один член указывает местоположение, а второй — направление движения. Их набор в датском и норвежском совпадает (для экономии места мы будем давать их в норвежской орфографии). Это *inn — inne* ‘внутри — внутрь’, *ut — ute* ‘снаружи — наружу’, *opp — oppe* ‘вверх —верху’, *ned — nede* ‘вниз —внизу’, *fram — framme* ‘вперед — впереди’, *bort — borte* ‘прочь — вдали’, *hjem — hjemme* ‘домой — дома’, а также *hen — henne* и *bort — borte*. Последние в двуязычных словарях обычно переводятся как ‘прочь — далеко в стороне’ и ‘вдаль — вдали’, «туда, прочь — туда, по направлению к» и «прочь — вдали»; такие переводы не передают семантической специфики указанных единиц; в некоторых словарях вместо русского эквивалента предлагаются примеры.

Наречия, приведенные в парах первыми, при глаголах (в частности, движения и помещения, а также чувственного восприятия) выступают в функции поствербов. «Конструкция глагол + постverb <...> является отличительной чертой скандинавских языков»¹³. В том случае, если при глаголе имеется объект, выраженный существительным или субстантивной группой, указывающий также, куда или откуда осуществляется перемещение или исходит воздействие, в большинстве случаев необходимо кроме постверба употребить и предлог.

¹² Источники норвежских текстов: *Eventyr. På norsk ved Oskar Braaten*. Oslo, 1982 (*Fyrtøyet, Tinnsoldaten, Den stygge andungen, Nattergalen*); *Andersen H. C. Eventyr og historier*. Oversatt av Odd Bang-Hansen. Oslo, 1996 (*Fyrtøyet, Tinnsoldaten, Den stygge andungen*); переводчик Ragnar Arntzen специально для сайта <http://www.fag.hiof.no/lu/fou/HCA/eventyr.html> (*Den standhaftige tinnsoldat, Den stygge andungen*); *Andersen H. C.*: 1) *Nattergalen. Til norsk ved Kyriakos Chrysostomidis*. Oslo, 1990; 2) *Nattergalen. Til norsk ved Iselin Røsjø Evensen*. Oslo, 1993; 3) *Prinsessen på erten og andre eventyr*. Oversatt av Johann Grip. Oslo, 2005 (*Den stygge andungen*); переводы без указания их автора на сайте <http://www.midtblinken.net/eventyr/andersen.html> (*Fyrtøyet, Tinnsoldaten, Den stygge andungen, Nattergalen*).

¹³ *Циммерлинг А. В.* Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002. С. 241.

Выбор при этом, если речь идет о попадании внутрь вместилища, а не только приближении к нему, осуществляется из предлогов *i* ‘в’ и *på* ‘на’ в первом случае, *av* ‘из’ и *fra* ‘от’ — во втором.

Очевидно, что комбинаций поствербов с предлогами оказывается достаточно много. Сложность при этом представляют три момента: в ряде случаев предлог опускается и используется один только постверб, который при этом, как обычно считается, выполняет сразу две функции — постверба/предлога; не до конца ясно, чем определяется выбор как самого предлога, так и сочетания постверба с предлогом; отсутствует симметрия в выборе постверба и предлога при описании ситуаций с движением внутрь объекта и из/от него. В скандинавистике уже отмечались различия в облигаторности поствербов в датском и норвежском, при этом норвежский труднее поддается систематизации¹⁴. Обращение к ряду текстов, призванных передать средствами норвежского языка смысл, заключенный в тексте датском, как представляется, может способствовать прояснению ряда обстоятельств.

Практически все выражения с интересующими нас единицами, употребленные в оригинале, оказались представленными в том или ином из переводов или в нескольких из них, что подтверждает положение о большой вариативности норвежского языка в данной сфере по сравнению с датским и шведским. Об индивидуальных предпочтениях переводчиков речи нет, поскольку такие варианты спорадически разбросаны по текстам разных авторов. Тем не менее преобладают переводы, в которых один или оба из элементов сочетания наречие + предлог заменены. Это касается следующих элементов, которые будут рассматриваться в порядке убывания частотности явления.

Вначале обратимся к структурно-синтаксическим отличиям. Там, где в датском в чисто обстоятельственной функции (а не как заполнитель глагольной валентности) при существительном употреблен чистый предлог (в основном это *i*, *på*, *fra*, *gjennom*, *til*) без наречия, в норвежском добавлено наречие, конкретизирующее местоположение: *glide igjennem* → *fire deg ned*, *gli ned igjennom*, *ned gjennom*; *i Vand til Halsen* → *i vann opp til halsen*; *kom til Keiseren* → *kom frem til keiseren*.

Потребность в наречии столь императивна, что даже при невозможности указать точное направление, добавляется наречие *bort*,

---

¹⁴ См. об этом: *Никуличева Д. Б.* Указ. соч. С. 186–209.

маркирующие движение как таковое: er langt fra dig → er langt borte fra deg, så langt borte fra deg; faaet Døden fra (mit Hjerte) → tatt døden bort fra, fått døden vekk fra, fått døden bort fra.

Другой выход — использование предлога с более узким пространственным значением: i disse (Grenerne) → oppe mellom; I (sivene) → → mellom.

Уточняющие местоположение наречия добавляются норвежскими переводчиками и там, где в датском употреблены her/der: der er lyst (i Gangen) → der nede; der sitter den (i Træet) → der oppe sitter den.

Эта тенденция точно обозначать направление проявляется в норвежском и при глаголах движения в том, что в ряде случаев в переводах наречие-частица появляется там, где в датском ее вообще нет: drysse → drysse ut; Soldaterne marchere → marsjerte forbi.

Имеются отличия и в употреблении самих этих предлогов. På используется в ряде случаев там, где в оригинале использован i: midt i (gevandt) → midt på (skjørtet) у всех переводчиков.

В некоторых случаях это объясняется лексической сочетаемостью определенных существительных. Так, со словом kjøkken в норвежском чаще всего употребляется på, если позиция наблюдателя не в фокусе высказывания¹⁵.

Предлог ved в большинстве переводов заменен на på: Klokker ved Blomsterne → på во всех переводах, кроме одного. Это служит подтверждением факта, что использование его для обозначения пространственных отношений воспринимается как устаревающее или по меньшей мере книжное. В современном норвежском он используется в первую очередь для обозначения иерархических отношений в социуме и приблизительно соответствует русскому *при*. Употребление ved при наличии наречий-предлогов с более конкретным пространственным значением также воспринимается как излишнее: сочетание bag ved Døren всеми без исключения переводчиками переведено как bak døren/døra; paa Grenen der ved Vinduet → på g utenfor v; Sang lød tæt ved Vindue → sang kom borte fra vindue, lød utenfor vinduet, lød rett overfor vinduet; tæt ved → → foran ham, like ved, like ved siden av; (et stort Træ) ved siden → (et tre) bortenfor.

---

¹⁵ Об этом подробнее см.: Ливанова А. Н. Выбор терминов пространственной локализации при разнотипных объектах // Материалы XXXIII междунар. филол. конф. Вып 1. Ч. 1. СПб., 2004. С. 44–47.

Норвежские переводы демонстрируют схожее развитие семантики — от конкретной к абстрактной — у предлога *af* (*av*). В норвежском этот предлог остается лишь для обозначения авторства и в ряде устойчивых коллокаций — *ut av*. Однако и в последнем случае *ut av* употребляется строго в тех случаях, когда что-либо появляется из небольшого отверстия во вместилище; в случае, когда ситуация позволяет иначе передать характер пространственной ситуации, употребляются более точные слова: *ut gjennom, frem på* и др.: *ud af Buskene* → *ut fra, frem fra; fløi ud af (Vinduet)* → *ut gjennom vinduet; skinnede ud af Vinduerne* → *→ inn gjennom; sprang ud af sengen* → *spratt opp av senga; Sveden sprang ham ud af Panden* → *fram/frem på pannen*. Для обозначения части или свойства физического объекта вместо *av* используется предлог *på*: *Foldene af Gardinerne* во всех переводах — *foldene på gardinene*.

Из функционально-семантических отличий бросается в глаза замена датского *hen* в самых разных синтаксических позициях и в сложных словах норвежским *bort* или, реже, опущение *hen* без какой-либо замены: *fløi hen og* → *fløy bort og; hen, hvor jeg har boet* → *bort dit hvor jeg bor, hjem til meg; gaae hen og* → *gå bort og, rett bort og; løb hen for at* → *skyndte seg bort for å, satte av gårde for å, løp ut for å; stillet hen i Vinduet* → *satt bort i vinduet; løb hen til* → *sprang bort til; henad landeveien* → *bort etter, bortover; svømmede hen imod* → *svømte bort til, bort mot; lige hen mod Muren* → *like mot gluggen, like bort mot vinduet, helt bort til muren; flyve hen til* → *fly bort til; fløi henover Hegnet* → *fløy over hekken, over gjerdet, bort over gjerdet; Røg hang langt hen over Vandet* → *lavt nedover, over; derhenne* → *der borte; henne fra Slottet* → *helt borte fra slottet*.

Это подтверждает как вывод о том, что наметившееся на этапе норвежско-датского языка развитие противопоставления аспектуального противопоставления глаголов частицей-наречием *hen/henne*, не будучи поддержано системой языка, не получило в нем развития, *hen*, хотя и остается абсолютно понятным для норвежцев, самими ими используется в основном в составе устойчивых сочетаний в разговорной речи¹⁶.

---

¹⁶ *Ливанова А. Н.* Нереализованные возможности *hen/henne* в норвежском языке // Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рожд. М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 88–92. О *bort* как показателе важности для говорящего ориентации действия/ситуации относительно позиции наблюдателя см.: *Ливанова А. Н.* О семантике наречий-частиц *bort* и *borte* в норвежском языке // Научные чтения — 2006: Материалы конф. СПб. (В печати).

Появление такого большого числа *bort* на страницах норвежских переводов, видимо, вызывало некий дискомфорт у их авторов и побуждало избавляться от андерсеновских собственных там, где это возможно (т. к. с точки зрения современного узуса его в этих случаях вполне можно было сохранить), заменяя (*fløi bort* → *fløy sin vei*; *langt borte* → *langt unna*, *langt vekk*) или даже совсем убирая, что, вообще-то говоря, норвежскому совершенно не свойственно (*flytte bort fra* → *fra*).

Наибольший разброс наблюдается в переводе терминов, обозначающих менее важные пространственные отношения и потому менее частотных (*om*, *rundt (om)* и *rundtomkring*). Во всех случаях находится по меньшей мере один перевод, где термин сохранен; там, где он заменен (нередко на другой, но из того же набора, что перечислен выше, плюс редкие *overalt* и *rundt og rundt*), не представилось возможным выявить какой-либо системности, за исключением разве что низкой частотности *rundtom* в норвежском.

Рассмотрим семантические отличия, связанные с различной концептуализацией пространственных отношений действительности.

Наиболее ярко проявляется такая специфическая особенность норвежского, как конвенциализация наречия-частицы *uti* для обозначения ситуаций, связанных с переходом одушевленных объектов из сухопутной или воздушной среды в водную или с нахождением в водной среде. Такое обозначение ситуации настолько привычно, что в общем случае после наречия-частицы не требуется существительного, обозначающего водоем, т. к. понятно и без него, что речь идет о воде (как в последнем примере). Во всех случаях, когда речь идет именно о такой ситуации, переводчики заменяют разные датские выражения на *uti*: *faae dem ud* → *uti*; *sparke ham ud* → *uti*; *plumpede ud efter* → *plumpet uti etter*; *ude* → *uti*; *sprang i Vandet* → *plumpet uti*, *hoppet ut i*. Исключение составляет последний пример, где в двух переводах стоит *hoppet i* (что вполне может объясняться следованием оригиналу).

Употребление *uti* настолько укоренилось в норвежском для описания именно этой ситуации, что там, где у Андерсена ситуация иная (дети бросают хлеб *ud i Vandet*), некоторые переводчики производят замену на *ned i*.

Еще одна важная конвенциализация касается обозначения ситуаций с резким спуском с высоты независимо от того, в какой среде это происходит, и обозначается норвежским составным наречием-пред-

логом *utfor*: *ned af et Vandfald* → *utfor en foss* в большинстве случаев, при сохранении же наречия *ned* все же заменяется предлог: *nedover en foss*. Отметим, что в данном случае в норвежском произошло и достаточно редкое явление субстантивации наречия-предлога в значении «скоростной спуск» (вид спорта).

Менее устойчивой оказывается тенденция при указании на помещение объекта внутрь вместилища с высокими относительно размеров объекта краями использовать сочетание наречия *opp* с предлогом *i* (или в слитном написании *oppi*): *fløi i Truget* → *opp i smørtrauet, rett opp i trauet, ned i smørtrauet*. Возможным объяснением является неочевидность для говорящего указанного соотношения высот, что позволяет по-разному трактовать траекторию движения, которое необходимо произвести; в последнем случае реализуется, вероятно, ситуационная схема, для которой важно расположение вместилища ниже уровня груди наблюдателя¹⁷. Фразеологизированным датским словосочетаниям со значением «смотреть прямо перед собой» — *se lige ud* (Т) — в норвежском соответствует *se rett fram/frem, a fare ind på* ‘наброситься на’ у двух из трех переводчиков заменено на *fare løs på*, что соответствует современному узусу.

В данной статье кратко сообщается лишь об основных результатах проведенного исследования. Однако и они позволяют сделать некоторые обобщения относительно характерологических расхождений между датским и норвежским языками в сфере отражения языком пространственных отношений (датчане и норвежцы вполне могут «узнать друг друга по языку», даже если будут обращать внимание только на термины пространственной локализации), а также подтвердить ряд ранее сделанных выводов относительно функционирования терминов пространственной локализации в норвежском языке, сделанных ранее без привлечения контрастивного материала.

---

¹⁷ *Ливанова А. Н.* О терминах пространственной локализации при глаголах помещения в норвежском языке // Материалы XXXIII межвуз. конф. препод. и аспирантов. Вып. 4. Ч. 2. СПб., 2001. С. 14–18.

П. А. Лисовская

**РЕПРОДУКЦИЯ ЭПОСА Ю. Л. РУНЕБЕРГА
В РОМАНЕ П. К. ЙЕРШИЛЬДА
«ПУТЕШЕСТВИЕ КАЛЬВИНОЛЯ ПО СВЕТУ»**

Сознательное воспроизведение текста одного автора в тексте другого, относящегося совсем к иной эпохе, является интересным и широко описанным в истории литературы явлением. В данном случае речь пойдет о том, как и с какой целью современный, ныне живущий шведский писатель переработал в своем дебютном романе (1965) сборник поэм национального скальда Финляндии, Юхана Людвига Рунеберга «Сказание фенрика Столя» («Fänrik Ståls sägner», 1848).

Сразу же стоит отметить, что и творчество, и сама фигура последнего писавшего на шведском языке представителя романтизма Ю. Л. Рунеберга неоднозначны. Восприятие его творчества как в Финляндии, так и в Швеции всегда осложняется тем фактом, что именно Рунеберг — автор текста национального гимна страны Суоми «Наш край» («Vårt land») — стихотворения, открывающего «Сказания фенрика Столя». Сами «Сказания» — это произведение, рассказывающее о войне, в частности о войне между Россией и Швецией (1808–1809), в результате которой родина Рунеберга, Финляндия, вошла в состав Российской империи, а сам он стал российским подданным. Естественно, в восприятии этого произведения всегда была сильна политическая составляющая. В описанной в «Сказаниях» войне участвовало много финских солдат, и можно сказать, что в сознании обывателей эта война и до сих пор выглядит как война между Россией и Финляндией, страной, которая получила свою го-

сударственность только в 1917 г. Сначала Рунеберга укоряли за то, что он описывает русских недостаточно кровожадными, затем, что он представляет финнов бедными и простоватыми. В 1960-е гг. на фоне радикализации общественной идеологии в Скандинавии Рунеберга начинают обвинять в милитаризме, национализме, призывах к реваншу. Дело в том, что книга «Сказания фенрика Столя» тогда была хрестоматийной не только в финских, но и в шведских школах. То есть Рунеберг к тому моменту уже более сотни лет был признанным национальным поэтом и в Швеции. Ларс Форшелль, крупнейший современный поэт Швеции, составляя антологию шведской поэзии, высоко оценил язык Рунеберга и указал на то, что именно он «вывел шведскую поэзию из тьмы романтизма»¹.

Роман Йершильда «Путешествие Кальвиноля по свету», по мнению многих, необычное явление в шведской литературе благодаря своей яркости, легкости, размаху и непринужденному юмору — свойствам, скорее нетрадиционным для шведской литературы. Начинается он с искаженной цитаты из стихотворения «Свен Дюва», входящего в «Сказания фенрика Столя». У Рунеберга речь идет о финском солдате и его короткой жизни, завершившейся подвигом. Стихотворение заканчивается похвалой генерала погибшему солдату: «Ett dåligt huvud hade han, men hjärtat, det var gott»², что в переводе означает: «Голова у него была дурная, но сердце доброе». В начале же стихотворения рассказывается, что отец Свена был старым, бедным сержантом восьмидесяти восьми лет от роду, к тому же отцом девяти детей, из которых младшим был Свен. На вопросы отца: «Что же выйдет из тебя, сынок?», Свен в конце концов ответил, что будет солдатом, и поступил в полк. Пока Свен обучался военной науке, он был всеобщим посмешищем, но в бою отбил в одиночку атаку целого русского взвода, штурмовавшего мост. Образ Свена Дювы, своеобразного финского Ивана-дурака, стал невероятно популярным. Йершильд представляет главного героя своего романа, гротескно цитируя «Свена Дюву»: «Отец Кальвиноля был отставной сержант, бедный и с пошатнувшимся от пьянства здоровьем. За свою жизнь он породил 21 ребенка, и троих младших назвали именем Кальвиноль. Детишки были его военным трофеем, и он приносил их с собой домой

---

¹ *Mazzarella M. Nationalskald // Johan Ludvig Runeberg i urval. Helsingfors; Stockholm, 2004. S. 380–381.*

² *Runeberg J. L. Fänrik Ståls sägner // Ibid. S. 264.*

во время редких и нерегулярных побывок и отпусков. В своем огромном ранце нес он их домой — на самом деле это была бесформенная ивовая корзина с крышкой... В крышке была круглая дыра для кормления, поэтому можно было крышку не открывать...»³ Нужно заметить, что это лишь один из вариантов рассказа о происхождении Кальвиноля, причем не первый по счету в этой главе.

Колоритная, но лишенная романтического флера фигура фенрика Столя объединяет цикл сказаний о различных эпизодах и героях войны 1808–1809 гг.:

Не без злорадства я глядел
На грубую фигуру,
На неотесанность манер,
Немодную фактуру
Пальто, но был смешней всего
Орлиный нос в пенсне его⁴.

Фенрик Столь — вполне реалистично описанный образ старого солдата, хранящего память о былой войне и передающего рассказы о ней последующим поколениям:

С мечом он рьяно защищал
Родную нашу землю,
Кровь за нее он проливал,
Но мне казался тенью,
Со старым рядом фенриком
Я чувствовал себя царем⁵.

В романе Йершильда о Кальвиноле двенадцать глав, и кроме заглавного персонажа их объединяет тема войны. Что касается Кальвиноля, то, зная кое-что о его происхождении, мы едва ли можем что-либо определенное сказать о его внешности. Однако есть авторский эскиз к обложке романа, на которой изображен худенький человечек в шутовском колпаке и остроносых башмаках, с ретортой в руке: полу-фауст, полу-клоун. Если предметом сборника Рунеберга

---

³ *Jerskild P. C. Calvinols resa genom världen. Stockholm, 2003. S. 32.* Здесь и далее текст романа дан в переводе автора статьи.

⁴ Фенрик Столь // Рунеберг Й. Л. Избранное / Пер. В. Дорофеева. СПб., 2004. С. 103.

⁵ Там же. С. 104.

является одна конкретная война, то Йершильд делает целую серию головокружительных кульбитов во времени и пространстве. Его герой участвует во всевозможных войнах, причем эти войны отнюдь не выстроены в хронологическом порядке. Первая война, на которую попадает Кальвиноль, — это печально известный крестовый поход детей в XII в. В следующем эпизоде он участвует под именем Кальвен. На этот раз он уже подросток, и, насколько можно понять, действие происходит в школе-интернате, где дети играют в войну. Кальвиноль играет под псевдонимом Монтгомери в военного британского летчика времен второй мировой. Этот эпизод интересен еще и тем, что он единственный в романе, который происходит в Швеции. Секрет — в стилизованном под речь школьников жаргоне; все остальные главы написаны полностью нормативным шведским. Кальвиноль участвует впоследствии и в первой мировой в роли шпиона — эта глава стилизована как шпионский детектив. Жизнь же Кальвиноля заканчивается в 1571 г., в сражении при Лепанто: он героически гибнет на своем военном корабле «Око Аллаха». На этот раз он адмирал и воюет на стороне турок. В романе Йершильд иронизирует над всевозможными войнами и знаменитыми сражениями мировой истории, он пародирует или сатирически изображает традиционный стиль описания войны в литературе и историографии. Единственная война, по поводу которой он не позволяет себе иронии, это Вторая мировая. Она появляется в романе, как мы уже упоминали, только как основа для детской игры и во второй раз уже как бы косвенно, когда героя, которого на этот раз зовут Джулио Кальви, держат в сумасшедшем доме в Копенгагене. Глава эта представляет собой историю болезни человека, который утверждает, что его преследует нацистская партия. Ему никто не верит, в итоге он умирает, а на дворе конец 1920-х гг., т. е. Гитлер уже давно у власти, но в Европе понятия не имеют, чем грозят ей происходящие в Германии события.

Характерные черты эпоса Рунеберга, которые в основу структуры своего романа положил и Йершильд, — это его многослойность и стилистическая многоликость. Стихи в «Фенрике Столе» «полны жизни, пластичны, наполнены юмором, теплом и иронией»⁶. Еще прижизненные критики Рунеберга, которого как обожествляли, так и жестоко осуждали соотечественники, обвиняли его в излишне

---

⁶ *Mazzarella M. Op. cit. S. 382.*

бурлескном тоне, иногда в использовании грубого юмора и даже ненормативной лексики. И, действительно, «Сказания фенрика Столя» — это подлинное смешение стилей. Интересно, как автор, не стесняясь, переходит от бодрого житейского повествования, часто одобренного довольно грубым юмором, к высокому пафосу, затем вновь к реалистическому рассказу и порой заканчивает все почти экстатической идеализацией. Таковы смены настроения в стихотворении «Свен Дюва», так же сменяются пафос и грустная ирония в одноименном рассказе о маркитантке Лотте Свэрд. Бросается в глаза контраст между анекдотом «Фон Конов и его сержант» и стихотворением «Умиравший воин», в котором речь идет о пожилом русском солдате, умершем у ног молодой финской девушки, ищущей на поле брани своего юного возлюбленного. Рунеберг старается отобразить все грани войны, в том числе такие, как, например, предательство. Стихотворение «Свеаборг» — это проклятие вице-адмиралу Кронстедту, сдавшему этот крепчайший оплот Швеции русским. При жизни Рунеберга оно распространялось только в списках. Автор разворачивает грандиозную панораму исторически второстепенного сражения в стихотворении «Генерал фон Дёбельн на Ютасе». Как патриот и певец своей скромной родины проявляет себя автор в открывающем собрание стихотворении «Наш край», как сатирик — в стихотворении «Король» («Konungen»).

Очевидно, что Йершильд заимствует эту многослойную структуру для своего пастиша. Причем очевидно, что ему близок стиль описания Рунеберга: почти полное отсутствие пафоса ненависти к врагу, которое отмечают многие критики у Рунеберга. Действительно, в «Сказаниях фенрика Столя» воюющие стороны подчас «братаются»: у них нет личной вражды, и те, и другие просто делают свое дело. Йершильд, конечно, еще дальше от милитаристского мировоззрения, чем Рунеберг. В «Путешествиях Кальвиноля» тема войны в мировой литературе и культуре — предмет сатиры. Возможно, Йершильд считал, что поскольку именно войны представляют как главные события мировой истории, занимающие ведущее место в культурно-историческом дискурсе, то эта тема и будет самой благодатной почвой для пародии в его задуманном как мета-роман, первом крупном произведении. Мета-роман не призван отражать действительность — он должен ее создать. И Йершильд нашел это в полной мере в использованном им интертексте. Ведь очевидно, что и Рунеберг не стремился к отражению действительности. К моменту создания цик-

ла в его распоряжении не было достоверного исторического материала о войне 1808–1809 гг. Напротив, представляется, что им двигало идеалистическое стремление создать некую эпическую действительность, оказать тем самым влияние на мировоззрение и самоощущение жителей Финляндии, что, как показало время, ему прекрасно удалось. Задача же Йершильда, наоборот, скорее разрушать литературные и культурологические стереотипы. И он это делает легко, остроумно, блестяще.

В отличие от единственной реальной войны между Швецией и Россией 1808–1809 гг., изображенной у Рунеберга, география и хронология войн, происходящих в романе Йершильда, ничем не ограничены. Мы вместе с главным героем Кальвинолем (чье имя, к слову, рифмуется с именем фенрика Столя) совершаем головокружительные путешествия через века и страны. Однажды Кальвиноль все же участвует в войне, в которой центральное место занимают шведская армия и шведский король Густав II Адольф. К образу Швеции он обращается в момент, когда та играла, пожалуй, самую видную за свою историю роль в Европе, — в эпоху тридцатилетней войны, когда шведская великодержавность достигла своего пика. Мы вновь встречаемся с Кальвинолем в 1633 г. после знаменитой битвы при Лютцене, в которой героически погиб легендарный шведский король Густав II Адольф. В главе «На немецкой земле» Кальвиноль — военный лекарь, он бродит по европейским городам, при этом, поскольку война ведется между католиками и протестантами, в католических городах он демонстрирует жестяное распятие на шее, а в протестантских утверждает, что его назвали Кальвинолем в честь Жана Кальвина. Текст этой главы изобилует множеством увлекательных подробностей того, как и от чего этот шарлатан пользуется своих пациентов, в том числе и офицеров шведской армии, но основным его подвигом станет операция по мумификации, а затем демонстрации тела погибшего монарха перед войсками, ибо ситуация на момент гибели требовала живого короля. Кальвиноль фактически делает чучело из останков монарха, которое надувают, сажают на коня и возят перед войском. Затем даже предлагается зашить в чучело карлика, т. к. Его Величество не может постоянно хранить молчание, но в итоге становится понятно, что надутое чучело короля не сможет вести переговоры, и Кальвиноль превращается в двойника Густава Адольфа. Остается только удивляться особенностям шведского менталитета, ибо никто не подал в суд на молодого писателя за такое издеватель-

ство над монаршей особой и героическими страницами шведской истории. Ведь фигура Густава Адольфа может быть сравнима по масштабу и значению в истории своей страны с фигурой Наполеона или Петра Великого, но Йершильд поступил очень хитро, как бы оставив себе лазейку, мол, «это не я придумал!». Глава «На немецкой земле» заканчивается весьма неожиданно: некий человек, сидящий на стуле, на спинке которого сзади написано «Сесиль Б. Де Мельвиль», благодарит мистера Кальвиноля за великолепную игру. И мы понимаем, что только что «посмотрели» исторический фильм о Тридцатилетней войне!

Это — один из тех «акробатических номеров», которые Йершильд совершает в своем романе. Но в целом пафос этой главы вполне созвучен общему настроению 1960-х гг., когда на пике были антивоенные настроения и в шведской литературе процветало документальное направление, критиковавшее ведшиеся в то время войны. И даже сам давно почивший национальный скальд обеих северных стран Рунеберг стал невольным участником этого движения. В 1976 г. в Шведском театре Хельсинки была поставлена оперетта по мотивам «Фенрика Столя» — жанр, не очень характерный для военно-героической тематики.

«Фенрик Столь» — не единственное рунеберговское творение, которое Йершильд пародирует в «Путешествиях Кальвиноля». Следующая цитата из главы «Большой человек» объяснит, почему этот роман Йершильда не был и не мог быть переведен на русский язык в советское время: «Когда Сталина уже не было в живых, когда Берию на тайной сходке освободили как от его жизни, так и от тех задач, которые он выполнял, когда Молотова кастрировали, Маленков стал директором электростанции, а Хрущев ушел на пенсию по болезни, тогда генеральным секретарем партии стал самый большой человек в России. Его размеры были внушительны. Если он ложился головой на Украину, то левой ногой дотягивался до самой Камчатки, правая же нога оказывалась тогда всего в нескольких десятках километров от Владивостока. Тогда левой рукой он мог заботливым жестом дотянуться до Северного Ледовитого океана так, как будто хотел прижать его к своей груди. Правой рукой он прикрывал Туркмению. А под самым сердцем генсека оказывалась, конечно, Москва»⁷. Далее, по законам сказки, «человек-гора» заболевает, и лечить его призыва-

---

⁷ *Jerskild P. C. Op. cit. S. 194.*

ют, конечно же, знаменитого доктора Кальвиноля. Действие продолжает развиваться теперь уже по законам научно-фантастического жанра, ибо доктор совершает путешествие внутри гиганта, однако не один, а с прелестной спутницей по имени Надежда — это уже напоминает сюжет фильма о Джеймсе Бонде. Представляется неслучайным выбор именно этого имени для героини. Дело в том, что «Надежда» — это название поэмы, написанной Рунебергом в 1841 г. В поэме речь идет о том, как два молодых дворянина соперничали из-за любви к крепостной девушке Надежде. Действие поэмы разворачивается в России во времена Екатерины II, которая возникает в конце повествования как *deus ex machine* и устраивает судьбы героев. Известно также, что шведы осуждали поэта за обращение к русской теме и период написания «Надежды» принято считать «русофильским» в творческой биографии Рунеберга. Рунеберг был финским шведом, а следовательно, подданным российского императора, который, что немаловажно, назначил ему хорошую пенсию.

Непонятно, сознательно или по ошибке Йершилд вставил лишнюю букву в русское имя героини. Но отметим, что Кальвиноль и Надежда передвигаются на пароходе «Генерал-лейтенант Поскребышев», а когда им нужно выбраться на поверхность, им приходится с помощью топора прорубать себе путь через заросшую левую ноздрю пациента. В конце этого веселого абсурда Кальвиноля награждают звездой Героя Советского Союза, а потом оказывается, что он сам, как орден, висит на обильно украшенной орденами груди генсека и с тоской смотрит на виднеющиеся вдали Альпы, за которыми скрывается милая его сердцу Женева. Понятно, что Надежда — сотрудница КГБ, искренне полюбившая вверенного ей для слежки иностранца. Это тоже, без сомнения, один из наиболее распространенных мифов времен холодной войны и мотивов голливудского кино.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что подобное появление поздне-романтического интертекста в экспериментальном романе середины 1960-х гг. представляет собой яркий, но, тем не менее, поддающийся рациональному объяснению с историко-литературной точки зрения феномен.

Дело в том, что Йершилд относится к поколению шведских писателей, родившихся в 1930-е гг. и получивших образование в 1950-е гг. Многие из них дебютировали в начале 1960-х гг., когда во всей Скандинавии и в Швеции в частности начиналась эпоха экономического

расцвета и «северноевропейского социализма», т. е., время, исключительно благоприятное для творческой реализации талантливых личностей. В плеяде писателей, ровесников Йершильда обычно включают Пера Улова Энквиста, Свена Дельбланка, Ларса Густафссона. Все эти писатели очень разные, и вряд ли оправданы попытки объединить их под одним литературным знаменем, однако уже в середине 1960-х гг. Оке Янсон, рассуждая в своей статье о возвращении в шведскую литературу фантастических элементов, предложил называть их «упсальскими фантазерами»: все они учились в крупнейшем в Швеции Упсальском университете⁸. Именно в Упсале, студенческом городе, на родине шведского романтизма, они, вероятно, и «заразились» духом фантастики и противопоставили свое творчество «антилитературной» эстетике и сухой объективности нового французского романа. Кроме того, одним из центральных явлений в шведской культуре 1960-х гг., несомненно, наложившим свой отпечаток на творчество писателей послевоенного поколения были так называемые дебаты о «безверии» («trolöshet»), или, если использовать более общий термин, деидеологизации культуры и искусства. Еще в сороковые годы в связи с политикой нейтралитета в Швеции широко обсуждался вопрос о так называемой третьей позиции, или третьей точке зрения, т. е. политике неприсоединения к военно-политическим блокам, а в шестидесятые идеология культурно-философского нейтралитета уже сформировалась, но относилась в основном только к сфере культуры и искусства. Литературовед из Упсалы Биргитта Янссон в диссертации середины 1980-х гг. характеризует это новое «деидеологизированное мышление» следующим образом: «Оно [мышление] в начале 60-х, помимо всего прочего, сосредоточено на конкретном индивиде, причем в дальнейшем на этом горизонте появятся и некоторые социальные амбиции, например дискуссия об “углублении демократии”. Новое поколение не протестует против системы — оно, напротив, в основном лояльно к обществу всеобщего благоденствия, хотя и считает, что формирование идеалов отстает от общественного развития в целом»⁹. Действительно, творчество такого писателя, как Йершильд, немыслимо без прорыва и победы

⁸ См.: *Håkansson G. Förord // Jerskild P. C. Calvinols resa genom världen. Stockholm, 2003. S. ix.*

⁹ *Jansson B. Trolösheten. En studie i svensk kulturdebatt och skönlitteratur under tidigt 1960-tal // Skrifter utgivna av Litteraturvetenskapliga Institutionen vid Uppsala Universitet. 1984. N 18. S. 2.*

именно такого общественного устройства, которое оказывается идеальной мишенью для насмешек и иронии писателей. Впоследствии уже другие книги Йершильда станут классическими образцами сатиры на шведскую бюрократию, но в 1960-е гг. писатель еще молод и ищет себя, и, видимо, в процессе этого поиска ему удастся создать роман, не имеющий аналогов в шведской литературе. В «Кальвиноле» очень ярко и масштабно проявляется его талант сатирика.

Йершильду доставляет видимое удовольствие иронизировать по поводу военной тематики и патриотизма, тем не менее, как мы уже отмечали, в неменьшей степени его привлекает стилистическое разнообразие рунеберговского цикла. И это говорит о том, что молодой писатель по достоинству оценил талант своего финского предшественника. Ведь если бы ему хотелось просто поиздеваться над шведским великодержавным шовинизмом, он мог бы мастерски это сделать, взяв за основу произведения неоромантика, одного из первых нобелевских лауреатов Вернера фон Хейденстама (1859–1940) о войнах Карла XII («Karolinerna»).

Последнее замечание хочется сделать о названии романа Йершильда. В заголовок «Путешествие Кальвиноля по свету» просто напрашивается слово «удивительное». Особенно это слово хочется добавить уже после знакомства с феерическим «полетом» героя через века, страны, литературные традиции и жанры. Трудно себе представить, что Йершильд совсем не хотел «передать привет» создательнице Нильса Хольгерсона в своем первом столь успешном романе. Но собственной персоной Нильс появится в романе Йершильда уже двадцатью годами позднее. Роман так и называется «Хольгерсоны», и это уже образец раннего шведского постмодернизма.

К.-Х. Лунд

ДАТСКИЕ ПРИЧИННЫЕ СОЮЗЫ В ТЕКСТЕ

Введение

В практике преподавания датского языка как иностранного союзам уделяется не слишком большое внимание. Это вполне закономерно, т. к. в большинстве случаев они не представляют трудности для освоения. Сказанное в общем справедливо и для русскоговорящей аудитории, однако иногда за кажущимся сходством между союзами в двух языках скрываются существенные различия. В частности, это относится к причинным союзам. Примером этого может послужить следующее предложение из датского сочинения, написанного носителем русского языка:

- (1) Jeg var den eneste, der blev stille, fordi jeg ikke kunne komme med et eneste forslag.

Датское предложение с причинным союзом *fordi* вроде обычное, и понятно, что имеется в виду, что только автор замолчал и что это было вызвано отсутствием у него каких-либо предложений по обсуждаемому вопросу. Однако чувствуется легкая аномалия, потому что (1) допускает и другую интерпретацию, а именно что все замолчали, но только автор замолчал по той именно причине, что у него не было ни одного предложения. Чтобы избежать подобной неоднозначности в этой ситуации, предпочтительнее использовать союз *for*, т. е.:

(2) Jeg var den eneste, der blev stille, for jeg kunne ikke komme med et eneste forslag.

В настоящей статье будет сделана попытка несколько систематизировать условия употребления некоторых самых распространенных причинных союзов в датском языке, а именно *for*, *fordi* и *eftersom*, когда они вводят постпозитивные причинные предложения. Материалом будут примеры, взятые из электронного корпуса датского языка Korpus 2000 (www.dsl.dk), который охватывает 28 млн словоупотреблений в текстах, главным образом публицистического характера, написанных в период с 1998 по 2002 г. Датские примеры будут снабжены переводом на русский, но систематического сопоставления с русскими союзами не будет проводиться. Однако кроме специальной литературы, посвященной датским причинным союзам, будет использоваться и литература, касающаяся причинных союзов в русском языке.

Датские причинные союзы в лингвистической литературе

Рассматриваемые здесь датские союзы, за отдельными исключениями, описываются довольно лаконично в лингвистической литературе. Относительно синтаксической функции отмечается, что *for* является сочинительным союзом, а *fordi* и *eftersom* — подчинительные союзы¹. Подчеркивается, что союз *for* не может начинать собой сложносочиненное причинное предложение. Что касается семантики этих союзов, то в новом толковом словаре датского языка в пяти томах «Den Danske Ordbog»² указывается, что *for* используется для выражения «обоснования или объяснения предшествующего» (*begrundelse af el. forklaring på det foregående*), *fordi* — для выражения «логического основания или причины вообще» (*en logisk grund el. en årsag i al almindelighed*), а *eftersom* — для выражения «причины, особенно такой причины, которая приводится как логическое или естественное обоснование» (*årsag, især en årsag der anføres som logisk el. naturligt begrundelse*). Если обобщить эти толкования, получается,

---

¹ *Mikkelsen Kr.* Dansk ordføjningslære. København, 1975. P. 476 ff.

² Den Danske Ordbog. Bd. 1–6. København, 2003–2005.

что предложения с *for* выражают объяснение, предложения с *fordi* — причину, а предложения с *eftersom* занимают как бы промежуточное положение.

Оригинальная попытка систематического описания семантики союзов *for*, *fordi*, *siden* сделана в статье Р. Теркельсен³. Автор связывает функциональную разницу между этими союзами с их разным отношением к иллокутивной функции высказывания и к его пропозициональному компоненту, т. е., пользуясь терминологией Ш. Балли, к модусу и диктуму высказывания. Согласно Р. Теркельсен, *fordi*⁴ утверждает причинно-следственное отношение между двумя событиями (по Ш. Балли, между диктумными компонентами), *for* подразумевает общее причинно-следственное отношение между двумя событиями и утверждает причинно-следственное отношение между речевыми актами (по Ш. Балли, между модусными компонентами), а *siden* подразумевает причинно-следственное отношение между двумя событиями и утверждает причинно-следственное отношение между событием и речевым актом.

Перейдем теперь к рассмотрению конкретных примеров, имея в поле зрения анализ Р. Теркельсен и понятия модуса и диктума. Считаем целесообразным в этой связи следовать принятому в русских грамматических описаниях, например в академической «Русской грамматике»⁵, разделению причинных отношений на собственно-причинные и причинно-аргументирующие (несобственно-причинные), как в двух следующих примерах⁶, где (3) иллюстрирует собственно-причинное отношение, а (4) — причинно-аргументирующее:

(3) *Преподаватель заболел, потому что простудился.*

(4) *Преподаватель заболел, потому что занятия отменили*⁷.

---

³Therkelsen R. The functions of Danish causal conjunctions // Nordlyd. 31.2. Tromsø, 2003. P. 446–456.

⁴Р. Теркельсен (op. cit.) также рассматривает случаи использования *fordi* как сочинительного союза (с порядком слов, характерным для главных предложений). Поскольку такие случаи пока что не относятся к нормативному датскому языку, мы их не будем рассматривать здесь.

⁵Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. М., 1980. С. 576 и сл.

⁶Примеры взяты из работы И. В. Одинцовой, см.: *Одинцова И. В.* Выражение причинно-следственных отношений // Книга о грамматике. Материалы к курсу «Русский язык как иностранный». М., 2004. С. 478–517.

⁷Правда, без контекста пример (4) звучит несколько странно. Напрашивается хотя бы вводное слово, как, например, *видимо*, показывающее, что речь идет об умозаключении.

Собственно-причинные отношения

Союз *fordi* и альтернативно *eftersom*:

- (5) Så kommer separationen og derefter Blixens store kærlighed, den britiske adelsmand Denys Finch Hatton. En brusende, berusende kærlighed, der slutter brat, da han styrter ned med sit fly i 1931 — samme år, som Karen Blixen må forlade Afrika, fordi farmen bliver solgt.

‘Дальше следует сепарация и затем большая любовь Бликсен, британский дворянин Денис Финч Хаттон. Бурная, пьянящая любовь, которая оборвалась, когда он разбился на своем самолете в 1931 году — в том самом году, когда Карен Бликсен пришлось покинуть Африку, потому что ферму продали’.

В этом примере придаточное предложение с союзом *fordi* содержит причину того, о чем сообщается в предыдущем предложении, или, точнее, причину последней предыдущей пропозиции, т. е. ‘Karen Blixen må forlade Afrika’. Здесь *fordi* можно заменить на *eftersom* без изменения смысла, но не на *for*⁸. В последнем случае предложение, вводимое союзом *for*, служило бы объяснением обрыва любви.

Союз *eftersom* и альтернативно *for*

- (6) Det hedder sig også, at ledende politikere som <...> direkte lækkede oplysninger til DDR’s efterretningsvæsen, eftersom der var sagsmapper med deres navne på i Stasiarkiverne.

‘Также говорят, будто ведущие политики, как <...>, допускали прямую утечку информации в разведслужбу ГДР, поскольку в архивах Штази были досье с их именами’.

Придаточное предложение с *eftersom* объясняет происхождение слухов, т. е. перцептивную модусную рамку⁹ (‘Det hedder sig’),

⁸ При замене подчинительных союзов *for* и *eftersom* на сочинительный союз *for* и наоборот может потребоваться изменение порядка слов. В дальнейшем мы не будем специально оговаривать эти случаи.

⁹ См.: *Онипенко Н. К.* Взаимодействие диктума и модуса. Авторизация (субъектные зоны S_3 , S_4 и S_5) // Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 278 и сл.

и может быть заменено предложением с союзом *for*. Предложение с *fordi* объяснило бы причину самого «информаторства», т. е. диктум.

Союз *for*

- (7) Det er sørgeligt, at Ove stopper, for han var en god træner.
‘Жаль, что Ове уходит — он был хороший тренер’.
- (8) Og heldigvis nåede vi at møde ham, for han havde fået konstateret kræft dengang og døde halvandet år senere.
‘И к счастью, мы успели встретиться с ним, так как у него тогда обнаружили рак, и он умер через полтора года’.

Как в предыдущем примере (6), и в этих двух примерах нет возможности равнозначной замены на придаточные с союзом *fordi*, поскольку такие придаточные указали бы на причину диктумной части, т. е. объяснили бы, соответственно, уход тренера и то, что успели встретиться. Но, несмотря на то что и в (7), и в (8) есть эксплицитные модусные рамки, а именно ‘Det er sørgeligt’ и ‘heldigvis’, союз *eftersom* здесь был бы связан скорее с диктумной, нежели с модусной частью. Нам кажется, что это объясняется характером модусных рамок в (7) и (8). В обоих случаях речь идет о субъективной оценке, но при этом источник оценки не назван эксплицитно. Если бы он был назван, например: ‘Jeg synes, det er sørgeligt, at...’ и ‘Jeg siger, at heldigvis nåede vi at...’, то можно было бы с сохранением смысла заменить *for* на *eftersom*.

Союз *for* и альтернативно *eftersom* и *fordi*

- (9) Han blev hos bedsteforældrene i tre uger, for han ville ikke tilbage...
‘Он остался жить у бабушки и дедушки три недели, так как он не хотел возвращаться...’

В этом примере в предложении, указывающем на следствие, нет эксплицитно выраженного модусного компонента, к которому могло бы относиться предложение, вводимое союзом *for*. Здесь *for* можно

заменить и на *eftersom*, и на *fordi*, и независимо от выбранного союза предложение будет указывать на ментальную причину результирующего состояния.

Союз *fordi* и альтернативно *eftersom* (и, возможно, *for*)

(10) En mand fra Helsingør ville have erstatning, fordi han faldt og brækkede en arm på vej ned ad en mørk trappe...

‘Житель Хельсингера потребовал компенсацию, потому что, спускаясь по неосвещенной лестнице, он упал и сломал руку...’

Этот пример очень похож на предыдущий в том смысле, что нет эксплицитно выраженного модуса в первой части сложного предложения, но, тем не менее, замена на *for* в этом примере была бы менее удачной. Дело в том, что здесь придаточная часть указывает на прямую физическую причину, а в предложении с союзом *for* причина больше преподносится как обоснование, т. е. она получает ярко выраженную ментальную окраску.

Подытоживая результаты сопоставления союзов *fordi*, *eftersom* и *for* под углом зрения модуса и диктума, можно сделать предварительный вывод:

- придаточное предложение с союзом *fordi*, как правило, указывает на причину ближайшей пропозиции в подчиняющем главном предложении;
- (главное) предложение, вводимое союзом *for*, объясняет модусный компонент в сопряженном с ним главном предложении, а если нет словесно выраженной модусной рамки, то предложение с *for* объясняет то сообщение, которое содержится в сопряженном с ним предложении;
- придаточное предложение с союзом *eftersom* может обосновать как ближайшую пропозицию, так и эксплицитный модус, указывающий на источник информации, восприятия или оценки, а также на все сообщение в главном предложении.

Причинно-аргументирующие отношения

Причинно-аргументирующие отношения (несобственно-причинные отношения) в русском языке довольно широко освещаются в лингвистической литературе. Речь идет о таких предложениях, как (4),

в которых придаточная часть указывает не на реальную причину, а на основание для логического умозаключения и для которых характерна «обратная обусловленность». Дело в том, что в таких предложениях придаточная часть, содержащая аргумент, основание, фактически информирует о следствии того, о чем сообщается в главной части, а главная часть заключает в себе реальную причину того, о чем говорится в придаточной¹⁰. Поэтому для таких предложений типична возможность перераспределения ролей в инверсивных конструкциях, как в (11):

(4) *Преподаватель заболел, потому что занятия отменили.*

(11) *Занятия отменили, потому что преподаватель заболел.*

В датской лингвистике нет общепринятого термина для таких причинных отношений, но они, конечно, хорошо известны. Примером может послужить следующее предложение, взятое из сборника упражнений по датскому языку¹¹:

(12) *Der var vist ingen hjemme, for der var ikke lys i vinduerne.*

‘Кажется, никого не было дома, потому что в окнах не было света’.

Здесь предложение, вводимое союзом *for*, комментирует модус, который присутствует эксплицитно в виде модальной частицы *vist*, выражающей определенную неуверенность говорящего¹². В этом примере *for* можно заменить на *eftersom*, который комментирует эксплицитный модус-источник оценки *vist*, но замена на союз *fordi* здесь невозможна.

Если из примера (12) убрать частицу *vist*, то это по-прежнему вполне нормальное датское предложение, и по-прежнему замена на *fordi* недопустима. Однако без вербализованного источника оценки приемлемость союза *eftersom* заметно снижается¹³.

¹⁰ См.: Русская грамматика. С. 578.

¹¹ *Bjørn M., Hesseldahl H. Øvebog i dansk for udlændinge. 3. udg. København, 2005. Упражнение 41 b.*

¹² Согласно Э. Б. Крыловой, модальная частица *vist* выражает проблематическую модальность (как разновидность эпистемической модальности), направленную на отражение сомнения, неуверенности, предположения говорящего (*Крылова Э. Б. Прагматическая семантика и коммуникативные функции модальных частиц nok, vel и vist в датском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.*)

¹³ Если предложение должно означать, что по той причине, что в окнах не было света, никого не было дома, то использование *fordi* или *eftersom* вполне уместно.

Этот и подобные примеры дают основание предположить, что союз *for* действительно всегда связан с модусом, с пропозициональной установкой говорящего, и в том числе, когда этот модус не выражен никаким словесным компонентом. Напротив, союз *eftersom* не предполагает обязательной связи с модусной рамкой, а союз *fordi*, в отличие от *eftersom* и тем более в отличие от *for*, предполагает прямую причинную связь.

Реальность или гипотетичность причины

В следующих примерах (13)–(15) придаточные предложения с *fordi* обозначают гипотетические причины: в (13) содержится предостережение против гипотетической ситуации, в (14) причина равняется условию, а в (15) речь идет о значении уступки¹⁴:

(13) «Jeg håber reglerne bliver lavet om. Det går ikke, at chauffører og politi følger deres egne regler fordi de vedtagne er for indviklede», udtaler han.

‘«Я надеюсь, что эти правила будут изменены. Не годится, чтобы водители и полиция следовали своим собственным правилам по той причине, что принятые правила слишком сложны», — заявляет он’.

(14) Jeg fanges let af nye opgaver og har tendens til at ville blande mig, fordi et projekt er nyt og spændende.

‘Я легко увлекаюсь, когда появляются новые задания, и часто вмешиваюсь в дело, если проект кажется мне новым и интересным’.

(15) Fordi kvinderne kommer til magten, betyder det jo ikke, at de traditionelle økonomiske og mandlige spørgsmål <...> forsvinder.

‘Даже если женщины придут к власти, это ведь не означает, что исчезнут традиционные экономические и мужские вопросы <...>’.

Во всех этих случаях замена на *eftersom* или *for* была бы невозможной, т. к. предложения, вводимые этими союзами, обозначают только реальные ситуации, т. е. содержание этих предложений представлено как реальный факт.

---

¹⁴Это значение оговаривается и у Р. Теркельсен (указ. соч. С. 450).

Актуальное членение. Просодика

Рассмотрим следующий пример:

- (16) Profilen bliver styrket med et navneskifte til slet og ret Danske Bank. Ændringen sker ikke fordi, storbanken først nu har set i øjnene, at der faktisk findes andre danske banker, men fordi koncernen internationalt går under kaldenavnet Danske.
‘Профиль банка будет усилен через переименование просто в «Данске Банк». Изменение проводится не потому, что этот крупный банк только сейчас осознал, что на самом деле существуют и другие датские банки, а потому что концерн за границей знают под названием «Данске»’.

В этом примере союз *fordi* нельзя заменить ни на *eftersom*, ни на *for*, поскольку содержание придаточного предложения не представлено как реальный факт. Но не только это характеризует данную конструкцию: при ближайшем рассмотрении оказывается, что здесь мы имеем дело со своего рода семантическим аналогом русских конструкций с расчлененным союзом *потому, что*. Такие конструкции и их отличие от конструкций с нерасчлененным союзом *потому, что* получают четкое семантико-коммуникативное определение у Е. В. Падучевой¹⁵, которая сопоставляет два примера:

- (17) *Он уехал потому, что устал.*
(18) *Он уехал, потому что устал.*

В высказывании (17) с фразовым ударением на *потому* главному предложению соответствует презумпция, а придаточному — утверждение, а в высказывании (18) с фразовым ударением в главном предложении обоим предложениям, и главному, и придаточному, соответствует утверждение. Согласно этому анализу, главному предложению в примере (16) (*Ændringen sker*) соответствует презумпция, а придаточному (*ikke fordi storbanken først nu har set i øjnene...*) — утверждение. И поэтому действию отрицания подвергается как раз утверждение в

---

¹⁵ Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977. С. 91–124.

придаточном предложении, а не презумпция в главном, о чем тоже говорилось в указанной работе Е. В. Падучевой. Что касается актуального членения, то главное предложение является темой, а придаточное — ремой, что, в частности, отвечает наблюдениям А. Н. Печникова¹⁶ на русском материале.

Необходимо здесь отметить роль просодики. Сложноподчиненное причинное предложение этого типа в датском языке обязательно произносится без паузы перед союзом *fordi* (может быть, именно это определило выбор несколько странной пунктуации в примере (16) из датской газеты «Jyllands-Posten»). В вышеупомянутой конструкции с отрицанием одной причины и утверждением другой (*ikke fordi... men fordi...*) данный интонационный контур (с фразовым ударением на отрицание *ikke*) является единственно возможным, но если из примера (16) уберем и отрицание, и предложение, вводимое противительным союзом *men*, то просодика приобретет ключевое значение:

- (19) Profilen bliver styrket med et navneskifte til slet og ret Danske Bank.
Ændringen sker, fordi storbanken først nu har set i øjnene, at der faktisk findes andre danske banker.

Если в (19) произнести союз *fordi* слитно с предшествующим словом *sker*, т. е. без паузы, то главное предложение будет презумпцией и темой, а придаточное с союзом *fordi* — утверждением и ремой, и то же самое получится, если заменить *fordi* на *eftersom* и опять произнести союз слитно с предшествующим словом, хотя, надо сказать, такое слитное произношение естественнее для *fordi*, чем для *eftersom*.

Однако с союзом *for* равнозначной замены невозможно: в сложносочиненных предложениях с этим союзом обоим главным предложениям соответствует утверждение, и они оба передают новую информацию, т. е. являются ремой. Та же самая информация, т. е. два утверждения и два рематических компонента, содержится в сложноподчиненном предложении с союзом *fordi* или *eftersom* и с постпозитивной придаточной частью, когда перед союзом при произношении выдерживается пауза.

---

¹⁶ Печников А. Н. Способы связи предикативных единиц в русском сложноподчиненном предложении // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 151–158.

При более близком рассмотрении оказывается, что если произносить союзы *fordi* и *eftersom* с одинаковой просодикой, т. е. оба с предшествующей паузой либо без паузы, то разница между ними уменьшается: для союза *eftersom* характерна предшествующая пауза, но когда он произносится без паузы, он сближается с союзом *fordi*, как мы только что увидели, и наоборот, когда союз *fordi* произносится с предшествующей паузой, он иногда может употребляться там, где его использование при нормальной интонации неприемлемо. Так, в примере (6) не только союзы *eftersom* и *for*, но и союз *fordi* может указать на модус *Det hedder sig*, если перед этим союзом выдерживается пауза. И даже наш первый пример (1), который послужил поводом для написания настоящей статьи, может получить интерпретацию примера (2) с союзом *for*, если перед *fordi* выдержать паузу, и тем более можно с той же интерпретацией использовать союз *eftersom* — опять при условии предшествующей паузы. В этом случае и препозитивное главное предложение с определительной придаточной частью, и причинное придаточное предложение являются утверждением и ремой, и тогда можно и пример (1), и пример (2) передать русским предложением с нерасчлененным союзом *потому что*:

(20) *Я был единственный, кто замолчал, потому что у меня не было ни одного предложения.*

Другое дело, если в примере (1) при фразовом ударении на *eneste* выбрать слитное произношение союза *fordi* и предшествующего слова *stille* или заменить *fordi* на *eftersom* и использовать подчеркнуто слитное произношение. Тогда фраза *jeg blev stille* является презумпцией и темой, а остальное — утверждением и ремой. При такой просодике пример (1) можно передать русским предложением с расчлененным союзом *потому что*:

(21) *Я был единственный, кто замолчал потому, что у меня не было ни одного предложения.*

Тема-рематическая организация текста объясняет, почему в следующем примере нельзя заменить союз *fordi* союзом *for*:

(22) *På et pressemøde i København dementerede Microsoft rygter om, at man skulle nedprioritere computerspil-aktiviteterne. Rygterne er ops-*

tået, fordi Microsoft har besluttet at stoppe Internet-understøttelsen af underholdningstitlerne <...>.

‘На пресс-конференции в Копенгагене компания Microsoft опровергла слухи, будто сворачивается деятельность по компьютерным играм. Такие слухи появились потому, что Microsoft решила прекратить Интернет-поддержку своих развлекательных программ <...>’.

В сложноподчиненном причинном предложении в (22) главное предложение является темой, поскольку в нем подхватывается информация, приведенная в предшествующем высказывании, а именно о слухах (rygter). В этом случае возможна замена *fordi* на *eftersom* при условии, что при произношении нет паузы перед союзом, а союз *for* невозможен здесь, т. к. он обязательно связывает два рематических компонента.

Для подчеркивания такой тема-рематической структуры, когда следствие является темой, а причина — ремой, в датском языке есть специальная конструкция, в которой может использоваться только *fordi*, но не *eftersom*:

(23) De mørke solpletter er relativt kolde områder på Solen, der viser sig som tætliggende par, der danner magnetisk nord og sydpol. Når de kaldes relativt kolde, er det fordi pletterne blot er et par tusinde grader koldere end Solens 6000 graders glødende overflade <...>.

‘Темные солнечные пятна представляют собой относительно холодные области Солнца, которые предстают как находящиеся близко друг от друга парные образования, образующие северный и южный магнитные полюса. Их называют относительно холодными потому, что пятна лишь на пару тысяч градусов холоднее раскаленной поверхности Солнца с температурой в 6000 градусов <...>’.

Соответственно примеру (23) причинные предложения в (16) и (22) могли бы выглядеть так:

(24) Når ændringen ikke sker, er det fordi storbanken først nu har set i øjnene...

(25) Når rygterne er opstået, er det fordi Microsoft har besluttet at stoppe...

Заключение

Проведенный анализ выявил и сходства, и прежде всего различия в условиях употребления трех рассматриваемых датских союзов. Были продемонстрированы разные возможности этих союзов в коммуникативной организации текста, и в этой связи была показана во многом решающая роль просодики. В частности, это касается интерпретации причинных предложений с союзами *fordi* и *eftersom*: если союз *fordi* при обычном просодическом контуре указывает на ближайшую пропозицию в подчиняющем главном предложении, то при подчеркнутой предшествующей паузе он иногда может быть связан даже с модусной рамкой, и наоборот, если союз *eftersom* обычно указывает на все то, что сообщается в главном предложении, то при подчеркнутом отсутствии паузы он иногда может заменить собой *fordi*.

И. М. Михайлова

ГОЛЛАНДИЯ ЕСТЬ ПЛОСКАЯ СТРАНА? Образ Нидерландов в русских переводах нидерландской поэзии

Голландия есть плоская страна,
переходящая в конечном счете в море...

И. Бродский

Постановка проблемы

Перевод есть отражение на бумаге той картины, которая сложилась в голове у переводчика при чтении иностранного текста. Картина эта складывается под влиянием двух основных факторов: того, что написано в оригинале, и предварительных знаний переводчика. Поскольку переводчик — это, как правило, носитель принимающей культуры, то картина у него в голове и, соответственно, перевод на бумаге содержат черты как культуры-источника, породившей переводимый текст, так и принимающей культуры. Анализ расхождений между нидерландскими оригиналами и их русскими переводами, выполненными разными русскими переводчиками разных эпох, произведенный на репрезентативном материале, позволяет обнаружить области расхождения между двумя культурами и их историческую обусловленность¹.

Особенно богатый материал дает, разумеется, анализ стихотворных переводов, т. к. в них собственная картина мира переводчика прояв-

---

¹О подобном герменевтическом подходе к изучению истории переводов см.: *Leuven-Zwart K. M. van. Vertaalwetenschap: ontwikkelingen en perspectieven. Muidenberg, 1992. P. 145–150.*

ляется в значительно большей степени, чем в прозаических. Во-первых, стихотворный текст более сложен для восприятия переводчиком. Во-вторых, он дает большую свободу интерпретации. В-третьих, стихотворная форма исключает возможность дословного перевода, который в прозе порой скрывает оттенки (не)понимания; стихотворная форма требует на этапе перевыражения как опущений, так и добавлений, черпаемых переводчиком исключительно из собственных предварительных знаний.

В истории стихотворных переводов с нидерландского языка на русский выделяется четыре периода. Первый из них связан с расцветом русского романтического перевода первой половины XIX в. Центральной фигурой был переводчик и цензор П. А. Корсаков (его брат учился в лицее вместе с Пушкиным), который в молодости служил при русской дипломатической миссии в Голландии, какое-то время был женат на голландке и с 1838 по 1944 г. писал в русских журналах статьи о голландской литературе и переводил классических голландских и фламандских поэтов. Свои статьи и переводы он преподносил королеве Нидерландов Анне Павловне — сестре царя Александра I и жене будущего короля Нидерландов Вильгельма II. После смерти Корсакова в 1844 г. наступает длительное затишье: в эпоху преобладания славянофильства из нидерландской литературы на русский язык почти совсем ничего не переводится. С 1890-х гг., когда в России в преддверии Серебряного века вообще чрезвычайно активизируется переводческая деятельность, выходит множество прозаических переводов с нидерландского, но стихов никто не переводит. Вторая волна стихотворных переводов приходится лишь на послеоктябрьскую пору. В это время переводились, разумеется, исключительно поэты-коммунисты. В сталинское время переводов с нидерландского не выходило вовсе, и только в 1960–1970-е гг. наблюдается третья волна: в целях ознакомления советских читателей с достижениями всемирной литературы издательство «Прогресс» начинает регулярно издавать переводы со всех европейских языков, в том числе с нидерландского. И наконец, четвертым периодом в истории стихотворных переводов с нидерландского языка можно считать нынешний этап, начавшийся примерно с середины 90-х годов: он характеризуется свободой передвижения переводчиков, отсутствием издательской цензуры в России и деятельностью Литературных фондов в Нидерландах и Бельгии, выделяющих переводческие субсидии.

Отчего возникают расхождения между переводом и оригиналом, порой искажающие содержание подлинника до неузнаваемости и являющие читателю деформированный образ Нидерландов?

Вслед за основоположником герменевтики Фридрихом Шлейермахером разграничим «грамматическое толкование» и «психологическое толкование» текста². К первому он относил все, что связано с чисто языковым пониманием литературного произведения, ко второму — способность читателя определенной исторической эпохи и национально-культурной принадлежности с его жизненным опытом постичь смысл произведения.

«Грамматическое толкование»

Абсолютное большинство отклонений от исходного текста связано с недостаточным знанием нидерландского языка. Доля сознательных адаптаций и деформаций, в том числе по цензурным соображениям³, теряется в океане элементарных ошибок, которые в переводе принято обозначать эвфемизмом «интерференции с родным языком». И в самых ранних переводах с нидерландского языка XIX в., и в последних переводах XXI в. обнаруживаются те же ошибки, которые допускают все студенты-нидерландисты, — фонетические, лексические и грамматические. Переводчик не понимает, что написано в тексте, и пускает в ход фантазию.

На примере перевода 1838 г. продемонстрируем типичную *фонетическую* ошибку русских нидерландистов — смешение долгих и кратких гласных, а также типичную *грамматическую*: смешение пассивного причастия с активным:

Die winckbraeuw dect nu met zijn booghjes
Geloken en geen lachende ooghjes... (Vondel 257)

«*Брови венчают теперь своими дугами*
Закрытые, а не смеющиеся глаза» (об избиении младенцев
в Вифлееме)

² Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004. С. 45.

³ О цензурных сокращениях в русских переводах нидерландскоязычной литературы см.: *Damme J. van. Onze literatuur en het sovjettaboe // De lage landen en de Sovjetunie.* Amsterdam, 1989. P. 123–130.

И брови их дугами не венчают

Приманчивых, смеющихся очей... (Фондель 172)

Переводчик смешал слово *geloken* (с долгим «о») — второе причастие от глагола *luiken* ‘закрывать (как ставнями)’ со словом *lokken* (с кратким «о») ‘манить’, а также форму второго причастия с формой первого причастия. К тому же он не обратил внимание, к какому члену предложения относится отрицание *geen*.

Лексические ошибки чаще всего состоят в смешении двух нидерландских слов или нидерландского с английским либо немецким, — языков, которыми переводчик владеет лучше нидерландского. Два примера из переводов 1977 г.:

-zou er nog *tijding* wezen, ginter
achter het witte scherm, dan vlokken,
sneeuwvlokken, klokken, koele kilte... (Achterberg 37)

*«Может быть, там есть **сообщение**, там,
за белой ширмой, кроме хлопьев,
снежных хлопьев, колоколов, холодной стужи...»*

Пожалуй, еще **не поздно**
За белой ширмой укрыться
От ночи, злой и морозной... (СНП 191)

Недостаточное владение нидерландским языком и незнание проблематики творчества Х. Ахтерберха в целом не позволили переводчику уловить мистическую мысль стихотворения (поиски посланий из потустороннего мира в реальности здешнего). В результате он понял приведенные строки самым простым способом (если холодно, то надо укрыться) и не обратил внимания на ключевое слово — существительное *tijding* ‘весть, сообщение, послание’, спутав его с наречием *tijdig* ‘своевременно’.

В следующем примере переводчик спутал нидерландское слово *mond* ‘рот’ с немецким *Mond* ‘луна’ и, похоже, вообще не подумал об отрицании:

er is een horizont, geen **mond**
om vrede te mompelen (Kouwenaar 527)

*«есть горизонт, нет рта
чтобы пробормотать (слово) мир».*

нет горизонта, и нет луны,
обнажены слова о покое (СНП 225)

Из переводов XXI в. приведем образец весьма распространенной ошибки — когда переводчик не распознает фразеологизма и переводит его пословно:

's Avonds zie ik haar weer in dat hol.
Ze probeert te **doen of haar neus bloedt**,
Maar ik heb haar door en vraag hoe het zit (Arjen Duinker).
*«Вечером я снова вижу ее в этой норе.
Она старается вести себя, как ни в чем ни бывало.
Но я вижу ее насквозь и спрашиваю, как обстоят дела».*
Вечером снова вижу ее в том же баре.
Она пытается сделать вид, что у нее пошла носом кровь,
Но я разгадал ее маневр и спрашиваю: в чем дело? (Д. 39)

«Психологическое толкование»

Анализ материала показал, что по меньшей мере 90% неточностей перевода, связанных с различиями между русским и голландским менталитетом, в основе своей имеют ошибочное «грамматическое толкование»: понимание языка и понимание смысла оказываются двумя педалями одного велосипеда.

При попытке «подсмотреть», в каких областях культуры переводчики допускают больше всего оговорок и неточностей (т. е. какие грани голландской жизни плохо воспринимаются поэтами-переводчиками и потому опускаются или искажаются, а какие русские стереотипы, наоборот, добавляются в переводной текст), выясняется, что это зависит от исторического периода, когда жил переводчик, и, разумеется, от тематики переведенных текстов (которая, в свою очередь, определяется характером эпохи).

Так, в XIX в., в переводах поэта и цензора П. А. Корсакова обнаруживаются тенденции: а) к добавлению в переводы патриотической темы и мысли о необходимости ограничения свободы; б) к подмене

кальвинистских и католических представлений православными, а также к вольному обращению с отсылками к Ветхому Завету:

Dat toeven valtme bang. Och, was hy slechts behouwen
In 't onweer daer **het schip in zee drijft zonder roer.** (Vondel 209)

*«Это ожидание причиняет мне страх. О, лишь бы он спасся
В этой буре, когда **корабль дрейфует без руля**».*

Мне ожиданье — страх. О! Да спасется он,
И в буре **родина не сгибнет без кормила!** (Фондель 175)

В оригинале под «грозой» подразумевается битва с врагом, корабль без руля — это хаос уличного боя, уже идущего в Амстердаме, в котором может погибнуть муж Баделох Хейсбрехт. Слова «корабль» и «руль» напомнили переводчику выражение «стоять у кормила власти», а стоять у кормила может, конечно, только Хейсбрехт. Тем самым беспокойство жены о муже в переводе превращается в беспокойство о будущем отечества.

Неточности П. А. Корсакова при передаче библейских цитат и религиозной образности в произведениях Якоба Катса уже описывались ранее⁴. Здесь приведем пример искажения переводчиком мысли католика Вондела, отличавшейся от православных представлений. В драме «Люцифер» о сотворении людей Вельзевул задает вопрос Аполиону, рассказывающему о супружестве Адама и Евы в Эдеме:

Zo wordt er met der tijd een wereld **aangeteeld?** (Lucifer 42)

*«Так со временем будет **зачат/народится** (цельй) мир?»*

Так с временем **устроится** и вселенная? (Фондель 181)

Вероятно, Корсакову трудно было воспринять мысль Вондела, следовавшего толкованию Ветхого Завета испанским иезуитом Франсиско Суаресом (1548–1617), о том, что по замыслу Божьему Адам и Ева уже в Раю должны были начать размножаться. Впрочем, об этом отчетливо сказано в Книге Бытия (гл. 1, ст. 28): «И благословил

---

⁴ Михайлова И. М. Нидерландская литература по-русски: два века истории // Схелтъенс В. Библиография нидерландской литературы на русском языке. СПб., 2003. С. 52–53.

их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...». Однако из-за того, что православная традиция уделяет больше внимания главе 3 Книги Бытия, описывающей устройство мира после грехопадения (ст. 16: «Жене сказал: умножая, умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей...»), П. А. Корсаков перевел этот фрагмент из драмы Вондела весьма расплывчато.

В переводах *послеоктябрьского периода*, отличающихся крайне узкой тематикой, наблюдается две области закономерных смысловых искажений: а) представление событий революции в еще более героизированном виде, чем в оригинале; б) опущение или подмена мысли о необходимости повседневного труда для достижения благой цели, как в следующем фрагменте. Приведем пример второго, как более универсального явления:

De vrijheid die wij willen moet **ontgonnen**
Worden als steenigen grond; zij moet worden
Bekloppen als een berg... (RH 13)

*«Свобода, к которой мы стремимся, должна быть разработана/
расчищена/освоена,
Как каменистая почва, на нее надо
Взобраться, как на гору».*

Нет! Надо **взять, завоевать** свободу,
Взять приступом, как кряж горы высокой,
стремясь всем сердцем к этой выси горной... (PX 34)

Эта же тенденция к опущению мысли о ценности систематической работы и склонность к хаосу вместо порядка наблюдается и в переводах *советского времени* (1970–1980-х гг.). Так, в стихотворении, посвященном окончанию Второй мировой войны, голландский поэт видит лекарство от ран войны в возобновлении сельскохозяйственного труда. Последние строки, в оригинале крайне конкретные и реалистичные, в русском переводе стали абстрактными, неправдоподобными и едва ли связанными с сельскохозяйственной деятельностью:

En de kleinste klacht schijnt nauwelijks oorbaar,
Waar de rogge **om** de ruines **groeit**. (Bloem 130)

*«И малейшая жалоба кажется неподобающей,
где рожь **растет** вокруг руин».*

Там, где рожь **забрешит** на руинах,
И малейший стон недопустим. (СНП 181)

Восхищение поэта упорядоченностью смены времен года воспринята переводчиком как любовь к беспорядку:

Regelmaat der keerende getijden! (Bloem)

*«Регулярность оборачивающихся/вновь и вновь возвращающихся
времен года!»*

Дней, чередой бегущих, **беспорядок!** (СНП 181)

В целом же в переводах советского времени, наиболее многочисленных и разнообразных по тематике и вдобавок выполненных в условиях «железного занавеса», когда переводчики не знали живого нидерландского языка и не имели возможности увидеть Нидерланды своими глазами, количество и разнообразие смысловых искажений особенно велико. Кроме уже названной области «порядок — хаос» выделяются такие большие сферы, как: а) ландшафт и виды городов; б) Вторая мировая война; в) религия и библейские цитаты.

У тех, кто немного знает Нидерланды, не может не вызвать улыбку перевод следующей строфы стихотворения М. Нейхофа «Голландия»:

Rood van verlangen, bonzende van vragen,
Ging weer een stuwen door mijn bloed, als breede
Dorpen aan uwe glanzende einders lagen,
En **slooten** weiden in figuren sneden. (Nijhoff 35)

*«Красная от стремлений, бьющаяся от вопросов,
Кровь с новой силой струилась по моим жилам, когда широкие
деревни виднелись на твоих сверкающих горизонтах,
и **канавы** разрезали пастбища на фигуры».*

Я долго брел при свете и впотьмах,
И в жилы мне входили кровью древней
Немые **замки** на твоих холмах,
Далекие и светлые деревни. (СНП 21)

Здесь происходит смешение частичных омонимов: в форме множественного числа существительные *de sloot* ‘канавы, канал’ и *het slot* ‘замок’ по звучанию и написанию совпадают. В результате характерный для Голландии пейзаж — множество небольших пастбищ, отделенных друг от друга канавами вместо заборов, — превращается в фантастический романтический горный ландшафт с замками на холмах.

Тема Второй мировой войны была в центре внимания издателей переводной литературы, и стихов, ей посвященных, переводилось очень много. При этом переводчики зачастую выискивали эту тему даже в тех текстах, где ее нет в оригинале. Классический (и далеко не единственный) пример — перевод названия стихотворения Х. Каувенара «*Omdat de bomen geen vlees eten*», что значит «Поскольку деревья не едят плоти», как «Потому что бомбы не едят мяса». Переводчик не обратил внимания на долготу гласного в слове [bo:m] ‘дерево’ и понял его как [bom] ‘бомба’. Вторая проблема в переводе на военную тему — исключительно черно-белое изображение военных событий в переводах и стирание малейших нюансов. Там, где голландские авторы сосредоточивают внимание человеческой психологии в условиях войны, переводчики, не замечая психологических тонкостей, обходятся использованием устоявшихся клише. Например, рассказ Анны Бламан о том, как женщина в окне виллы наблюдала в бинокль за беглецом, прятавшимся в ветвях бука от гестапо, но побоялась ему помочь, в результате чего он погиб, заканчивается тем, что бук срубуют. Причина этого указана в следующей фразе:

Als verlaten schuilplaats van een vluchteling leek hij eerder **symbool** geworden **van een menselijk geweten**. (Blaman 62)

*«Как покинутое убежище беглеца он, казалось, стал скорее **символом человеческой совести**».*

Бывшее убежище беглеца превратилось в **символ человеческого варварства**. (КБ13)

В знаменитом стихотворении Яна Камперта «Песнь восемнадцати казненных» героический мотив борьбы с оккупантами переплетается с лирическими сомнениями героя накануне казни в правильности выбранного им пути. Слова «колебаться» и «потерпеть

неудачу / ошибиться» стоят в сильной позиции, образуя рифму, второе из них повторяется дважды. В переводе И. Бродского, выполненном, несомненно, по подстрочнику, мотив сомнения исчезает полностью:

Ik zie, hoe 't eerste morgenlicht Door 't hoge venster draalt — Mijn God, maak mij het sterven licht, En zo ik heb gefaald , Gelijk een elk wel falen kan, Schenk mij dan uw gena, Opdat ik heenga als een man Als 'k voor de lopers sta.	<i>«Я вижу, как первый утренний свет мешкает в высоком окне, Боже, облегчи мне смерть, и если я потерпел неудачу / ошибся, как может ошибиться любой, то даруй мне свою милость, чтобы я погиб как мужчина, когда встану перед дулами».</i>

Я вижу: первые лучи
коснулись потолка.
Господь, страданья облегчи,
Да будет смерть легка.
Ошибок давних и тоски
Сейчас — не обессудь.
Я умираю по-мужски,
Благослови мой путь. (ЯБ 297–299)

Поскольку советские издательства в целом избегали текстов на религиозные темы, стихов с христианскими образами переводилось мало. Но там, где в оригиналах все же звучат религиозные мотивы или цитаты из Библии, в переводах они изменяются до неузнаваемости. Так, в переводе следующего фрагмента совсем не прочитывается заповедь «не убий», содержащаяся в оригинале:

nee grote heren gij zijt lang niet kwaad —
gij zult niet doden ook
dat doet de straat. (Lucebert ЯК 388)

*«нет, важные господа, вы не злые,
вы <блюдете заповедь> **не убий**,
убивает улица».*

**убийцами не вздумая назвать я
вас**, господа, не вздумайте и вы
назначить мне на пятницу распятье. (СНП 313)

Религиозная проблематика остается камнем преткновения и для переводчиков *постсоветского периода*. В наше время переводчики свободно ездят в Нидерланды, лучше знают и нидерландский язык, и нидерландский плюралистский взгляд на мир. Поэтому в целом переводы стали намного более адекватными. Но с исчезновением у издательств страха перед религиозной темой стало еще более очевидно, насколько русские переводчики плохо в ней разбираются. Весьма часто переводчики (1) невольно подменяют кальвинистские или, соответственно, католические элементы мировосприятия православными; иногда они (2) не распознают различий между этими двумя ветвями христианства, столь существенные для нидерландской культуры, иногда (3) не распознают намеков на ту или другую религию или не знают соответствующих русских терминов. Но самый частый случай — когда переводчик (4) не распознает библейскую цитату, которые так часто вплетают в свои стихи нидерландские поэты. Приведем пример последнего:

Zij hadden een stem in het licht vernomen:
‘Laat de kinderen tot mij komen’. (Nijhoff 353)

«Они услышали голос из света:
“Пустите детей приходить ко мне”».

И был им голос, сошедший в свете:
«Пусть притекут ко мне ваши дети». (ЯиК. 1999. 345)

Вторая строка — прямая цитата из Евангелия от Марка, гл. 10, ст. 14⁵. То, что переводчик не распознал цитату, говорит о его невнимании к данной тематике.

Таким образом, при анализе расхождений между нидерландскими стихами и их русскими переводами выясняется, что картина Нидерландов в этих переводах порой оказывается искажена до неузнаваемости. Характер этих искажений в большой мере связан со временем создания перевода: русские переводчики дополняли вычитанную ими

---

⁵ См. перевод этих строк с использованием русской евангельской цитаты:

Голос звучал для них в вышине:
«Пустите детей приходить ко мне».
(*Нейхоф М.* Перо на бумаге. СПб., 2003. С. 28)

в оригинале картину своими мечтами и чаяниями и игнорировали чуждое. Чуждыми на протяжении всего рассматриваемого периода были вопросы веры, а также в значительной мере трудолюбие и систематичность голландцев. В период славы Российской империи (первая половина XIX в.) в переводы добавлялась идея патриотизма, в революционную эпоху (вскоре после 1917 г.) — идея всемирно-исторической миссии российских рабочих и крестьян, в советское время (в 1970–1980-е гг.) усиливалась тема Второй мировой войны, победой в которой гордился Советский Союз. По переводам видно, что адекватность образа Нидерландов, предлагаемого читателю переводной поэзии, находится в прямой зависимости от свободы передвижения переводчиков, этих, по выражению Пушкина, «почтовых лошадей просвещения».

Сокращения

- Achterberg — *Achterberg G. Verzamelde gedichten.* Amsterdam, 1980.
Blaman — *Blaman A. De rode beuk* // Голландский язык: Хрестоматия. Л., 1980.
Bloem — *Bloem J. C. Verzamelde gedichten.* 's Gravenhage, 1953.
Kouwenaar — *Kouwenaar G. Gedichten 1948–1978.* Amsterdam, 1982.
Lucifer — *Vondel J. van den. Lucifer.* Zwolle, 1954.
Nijhoff — *Nijhoff M. Verzamelde gedichten.* Amsterdam, 1995.
RH — *Roland Holst H. de. Het offer.* Rotterdam, 1921.
Vondel — *Vondel. Gijsbrecht van Aemstel* // *De wereld is een speeltoneel.* Utrecht; Antwerpen, 1973.
Д. — *Дейнкер А. История перечислений.* СПб., 2006.
КБ — Красный бук. М., 1971.
РХ — *Роланд Гольст Г. Лирические драмы.* СПб., 1922.
СНП — Из современной нидерландской поэзии. М., 1977.
Фондель — *Корсаков П. А. Йоост Фан ден Фондель* // Библиотека для чтения. СПб., 1838. Т. 28.
ЯБ — Ярость благородная. М., 1970.
ЯП — Язык и культура: Материалы конф. «Бельгия — Нидерланды — Россия». М., 1999.

Д. Б. Никуличева

ДАТСКОЕ КОМПОЗИТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ ДАТСКОГО ЯЗЫКА

Предлагаемая статья посвящена исследованию проявления аналитической диахронической константы в сфере датского композитного словообразования. Понятие диахронических констант, как известно, было предложено М. М. Гухман¹. Под диахроническими константами ею понимались модели, обобщающие объективно существующие и действующие закономерности языковых преобразований.

Если первоначально диахронические константы германских языков разрабатывались на примере динамики словоизменения, то с 1990-х гг. фокус внимания был перенесен на реализацию этих констант на других уровнях языковой системы. Так, Ю. К. Кузьменко² наглядно показал, как указанные тенденции проявились в эволюции фонологической системы германских языков. В диссертации И. В. Шапошниковой³, выполненной на материале английского язы-

---

¹ Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.

² Кузьменко Ю. К. Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991.

³ Шапошникова И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

ка, в центре исследования находились межуровневые лексико-синтаксические процессы и связанные с ними явления аналитической номинации. Было показано, что такие признаки, как биномность структуры, продуктивность и типовой характер моделирования, сохранение семантической прозрачности у каждого из конstituентов и функциональная дифференциация компонентов, вводят аналитические глагольные биномы (глагольно-глагольные конструкции типа *start singing*, глагольно-адъективные конструкции типа *get rich*, глагольно-именные конструкции типа *have a cry*, глагольно-наречные конструкции типа *carry out*) в сферу системного глагольного лексеообразования.

Различия в проявлении общих тенденций к корнеизоляции, агглютинации и аналитизму в свое время были рассмотрены нами на скандинавском материале. В исследовании доказывалось, что указанные тенденции находят последовательное выражение как на уровне слова, так и на уровне словосочетания, и закономерно отражаются либо в контактной цепочечной синтагматике, характерной для шведского языка, либо в дистантной рамочной синтагматике, свойственной датскому языку⁴. Межуровневый подход к исследованию закономерностей структурирования языковых единиц позволил нам сделать вывод о том, что языки как целостные «системы построения» характеризуются наличием доминирующих синтагматических стратегий, закономерно реализуемых на разных языковых уровнях.

Говоря о характерной для современных германских языков сопряженности структурных техник аналитизма, изоляции и агглютинации, мы усматриваем в основе этой сопряженности наличие некой объединяющей их *стратегии соединения элементов в составе целого*. Эту стратегию мы предлагаем называть *синтагматической стратегией дискретности*. Синтагматическая стратегия дискретности строится на базовом представлении об относительной автономности компонентов целого и закономерно противопоставлена синтагматической стратегии слитности, соответственно представленной техниками синтетизма, флексии и фузии.

В целом синтагматические стратегии языков мира можно представить в виде следующей классификации:

---

⁴ *Никуличева Д. Б.* Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках. М.; СПб., 2000.

Синтагматические стратегии языков мира

Стрелками показано, что флективные языки допускают реализацию как синтетических, так и аналитических стратегий, точно так же, как синтетизм может реализовываться как посредством фузионных, так и агглютинативных техник. Одновременно анализм оказывается сопряжен как со стратегией изоляции, так и агглютинации (о чем сейчас много пишут германисты), а агглютинирующие языки могут проявлять черты анализма (например, тибетский язык, по классификации А. Шлейхера)⁵ точно так же, как изолирующие языки — черты агглютинации (см. концепцию В. М. и Н. В. Солнцевых, считавших, что «невыраженность отношения между словами самих словах есть признак изоляции и что «нарастание изоляции ведет к нарастанию аналитичности языка»⁶, и одновременно оценивавших языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии как изолирующие языки, использующие преимущественно агглютинативную технику на морфологическом уровне).

Языки, таким образом, не могут быть помещены в какую-либо одну жесткую ячейку классификации, т. к. сочетают указанные стра-

⁵Цит. по: Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1960. С. 356.

⁶Солнцев В. М., Солнцева Н. В. Анализ и анализм. Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965. С. 84.

тегии в той или иной пропорции, что закономерно перемещает фокус внимания на изучение диахронических констант развития языков и на выявление динамики их изменений в сторону усиления той или иной синтагматической стратегии.

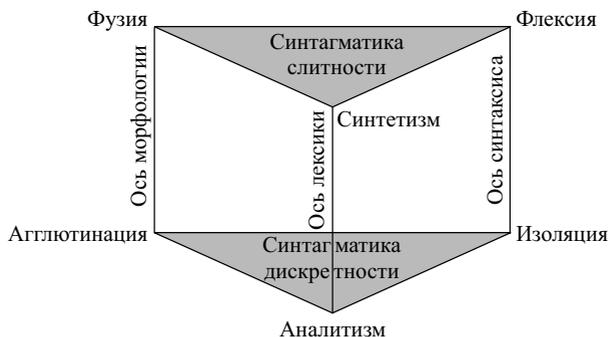
Наличие в языке с сильной синтагматикой дискретности как черт аналитизма, так и черт изоляции и агглютинации представляется закономерным развитием в силу целостности языковой системы. Ведь, если понимать агглютинацию как сильную смысловую и структурную дискретность граммем на морфологическом уровне, то изоляция — это прежде всего синтаксическая характеристика языка: «Если понятие агглютинации и флексии — это характеристика строения слова с точки зрения техники соединения <...> морфем в слове, то понятие изоляции — это характеристика способа выражения отношений между словами, но не особенностей строения слова»⁷.

Но если противопоставление между агглютинацией и фузией идет по *оси морфологии*, а между изоляцией и флексией по *оси синтаксиса*, то какое же место в общей системе занимает противопоставление синтетизма и аналитизма? Новейшие исследования, расширившие область аналитических явлений и положившие в основу определения аналитизма функциональную дифференциацию компонентов, позволяют утверждать, что противопоставление идет по *оси лексики*: либо синтетическое слово целостно выражает совокупность вещественных и категоризирующих значений как единая лексема, либо происходит лексическое расщепление, когда когда одно из слов аналитической конструкции передает вещественное значение, а другое, сохраняя собственное лексическое значение, развивает обобщающую или категоризирующую (морфологическую, лексическую или синтаксическую) служебную функцию.

Сказанное можно проиллюстрировать следующей схемой, противопоставляющей *агглютинацию*, *изоляцию* и *аналитизм* как закономерные проявления синтагматической стратегии **дискретности фузии**, **флексии** и **синтетизму** как проявлениям синтагматической стратегии **слитности** по *оси морфологии*, *оси синтаксиса* и *оси лексики* соответственно:

---

⁷ Солнцева Н. В. Вадим Михайлович Солнцев. Отечественные лингвисты XX века. Ч. 2. М., 2003. С. 218.

В последующей части статьи на материале композитного словообразования современного датского языка будут продемонстрированы некоторые типичные импликации синтагматической стратегии дискретности, проявляющиеся как на структурном, так и на семантическом уровне организации датских композитов.

На структурном уровне относительная самостоятельность частей датского композита проявляется, в частности, в наличии ударения на каждом из частей и в отсутствии фузионных явлений на стыках корней. Важной особенностью современного датского композитного словообразования является также структурная соотнесенность каждого из компонентов со словом в изолированном употреблении.

В этом плане датский язык любопытно сопоставить со шведским языком, который относительно меньше продвинулся по пути аналитизма. В отличие от шведского языка, в котором редукция была проведена менее радикально (так что в композитах иногда сохраняются реликты старых субстантивных основ *-a-*, *-и-*, *-o-*, не встречающихся в изолированном употреблении слова), в датских композитах, как правило, представлена основа, соответствующая исходной форме отдельного слова. Ср. 'склад товаров': швед. *varu|lager* < *vara* 'товар' и дат. *vare|lager* < *vare*.

Соотнесенность компонента композита с исходной формой слова в его самостоятельном употреблении особенно заметна при обращении к композитам с первым глагольным элементом. Здесь можно говорить о четко проявляемой датским языком тенденции к замене основосложения словосложением. В этой связи следует особо уточнить, что в современном датском языке вследствие редукции общескандинавского окончания инфинитива *-a* в *-e* возникла омонимия старого соединительного гласного *-e-* и *-e* как окончания инфинити-

ва. Этот «побочный эффект» фонетического процесса получил функциональное осмысление за счет того, что первый элемент таких композитов сохраняет семантическую связь с глаголом. В результате вербальная часть композита в современном датском языке формально полностью совпала с инфинитивом.

Убедительное доказательство того, что в датских отглагольных композитах речь идет именно о соответствии инфинитиву, а не о недифференцированном корне с соединительным гласным *-e*, служит анализ тех примеров, где глагольная и именная основы различаются формально — чередованием гласных в корне. Из словарного списка глаголов, имеющих чередование в корне, нами были выбраны все глаголы, соотносящиеся с существительными, имеющими иную огласовку корня. По электронной версии словаря «Nudansk Ordbog» были просмотрены все композиты, образованные от соответствующей именной и глагольной основы. Исследование показало, что абсолютно все основы, четко идентифицируемые как именные, входили в состав композита как изолированное существительное (без соединительной гласной), а все основы, однозначно воспринимаемые как глагольные, обязательно входили в состав композита в форме инфинитива, т. е. оканчивались на *-e*. Не было зарегистрировано ни одного случая, где бы отглагольный композит был образован не от формы инфинитива на *-e*, а от чистого корня:

сущ.	brud	‘разрыв, поломка’ >	brud stykke	‘обломок, отрывок’
глагол.	bryde	‘ломать, разбивать’ >	bryde kamp	‘спортивная борьба’
сущ.	dom	‘суждение, приговор’ >	dom stol	‘суд, трибунал’
глагол.	dømme	‘судить, осуждать’ >	dømme kraft	‘рассудительность’
сущ.	frost	‘мороз’ >	frost vej	‘морозная погода’
глагол.	fryse	‘замораживать’ >	fryse skab	‘морозильник’
сущ.	gråd	‘плач, рыдание’ >	gråd kvalt	‘задыхающийся от слез’
глагол.	græde	‘плакать, рыдать’ >	græde kone	‘плакальщица’
сущ.	røg	‘дым, копоть’ >	røg bombe	‘дымовая авиабомба’
глагол.	ryge	‘дымить, коптить, курить’ >	ryge kupé	‘купе для курящих’
сущ.	sang	‘песня’ >	sang bog	‘песенник’
глагол.	syng	‘петь’ >	syng spil	‘музыкальная пьеса’
сущ.	skud	‘выстрел’ >	skud linje	‘линия огня’
глагол.	skyde	‘стрелять’ >	skyde skive	‘мишень’
сущ.	tal	‘число’ >	tal ord	‘числительное’
глагол.	tælle	‘считать’ >	tælle apparat	‘счетчик, арифмометр’

Тенденции к аналитизму отчетливо проявляются и на уровне *семантической организации* датских композитов. Через композиты в датский язык приходит основная масса терминологии, неологизмов и окказионализмов. Благодаря активности композитного словообразования невозможно сосчитать хотя бы приблизительное количество слов, существующих в современных скандинавских языках, поскольку огромное количество сложных слов конструируются по моделям из «модулей» прямо «на месте». Такие композитные лексемы принято называть «потенциальными словами»⁸.

Примером прозрачности семантических мотивировок и легкости образования композитных неологизмов можно считать одну инсталляцию, которую автору этих строк довелось увидеть в «Луизиане», музее современного датского искусства. Любой посетитель мог подойти и взять с собой разноцветный камушек из корзины, выставленного художником. На каждой корзине была надпись-пожелание и название, которое художник придумал для каждого типа камушков. Так, на одной стояло: *Huskesten. Med den kan vi huske alt det, vi vil huske.* «Камень памяти» (досл. ‘помнить-камень’) «С ним можно *запомнить* все, что хочешь запомнить». А на другой корзине было написано: *Ledesten. Den vil lede ham, som ejer den, til de rigtige steder.* «Путеводный камень» (досл. ‘вести-камень’) «Сможет *привести* того, кто им владеет, в нужное место». Понятно, что названия камней были окказионально созданными автором неологизмами, построенными на назывании инфинитивом того действия, которое приписывалось каждому из типов камней, при этом абсолютная понятность неологизма обеспечивалась семантической прозрачностью самой модели.

Дискретный (агглютинативный) характер «нанизывания смыслов» в датских композитах хорошо виден из следующего примера датского лингвиста Эрика Хансена: «Допустим, вы обнаруживаете, что слово *oplysninger* ‘информация’ имеет не слишком конкретное значение в данном контексте, тогда вы уточняете и пишете: *bogholderi|oplysninger* ‘бухгалтерская информация’. Если этого оказывается мало, то вы можете прибавить еще что-нибудь, например: *løn|bogholderi|oplysninger* ‘бухгалтерская информация по зарплате’. В таком духе вполне можно продолжать: *ferie|løn|bogholderi|oplysninger* ‘бухгалтерская информация по зарплате за отпуск’, *sommer|ferie|løn|bog-*

---

⁸ Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб., 1994.

holderi|oplysninger ‘бухгалтерская информация по зарплате за летний отпуск’ и так далее»⁹.

Еще одним проявлением черт аналитизма в композитном словообразовании скандинавских языков можно считать *тенденцию к развитию широкозначности опорным компонентом композита*. Как отмечал В. Я. Плоткин, специфика аналитического строя германских языков состоит в том, что для них «не свойственна морфологизация аналитических словосочетаний, ведущая к сращению элементов аналитических сочетаний в синтаксические словоформы в результате *делексикализации и десемантизации* элементов»¹⁰. Проанализировав композитное словообразование датского языка, мы также можем утверждать, что широкозначные компоненты датских композитов, не утрачивая связь с исходным значением лексем, используют ее как продуктивный способ сложной номинации. Чем более продуктивна модель, тем больше проявляется *функциональная дифференциация ее компонентов*, когда, сохраняя собственное лексическое значение, один из компонентов развивает обобщающую, или категоризирующую, служебную функцию.

Основное направление функциональной дифференциации в композитном словообразовании — это *категоризация отношений по принципу гипо-/гиперонимии* между опорным словом и композитами, образованными на его базе. В качестве примера приведем именование обуви в русском и датском языках. Там, где русский язык использует новое слово для обозначения нового понятия, датский язык строит именование на аналитическом соположении дискретных смыслов: Ср.: рус. *кроссовки* и дат. *joggingsko* (досл. ‘джоггинг-обувь’), рус. *тапки* и дат. *hjemmesko* (досл. ‘дом-обувь’), рус. *кеды* и дат. *gumtisko* (досл. ‘резина-обувь’), рус. *пуанты* и дат. *tåspidssko* (досл. ‘большой палец ноги-кончик-обувь’) и т. д.

Проверка по обратному электронному корпусу NDO убеждает в том, что чем более продуктивна производящая композитная основа, тем сильнее в ней проявляется категоризирующая функция. Так, с упомянутым компонентом *-sko* в NDO зарегистрировано 29 композитов; с компонентом *bane* ‘дорога’, ‘спортивное сооружение’ — 28 (*kørebane* ‘проезжая часть’, *løbebane* ‘беговая дорожка’, *fodboldbane*

⁹ Hansen E. Ping og pampersprog. København, 1993. P. 63.

¹⁰ Плоткин В. Я. О путях эволюции аналитизма в германских языках. Взаимодействие языковых структур в системе: Сб. научн. тр. Л., 1980. Вып. 4. С. 61–62.

‘футбольное поле’, glidebane ‘каток’ и др.); с компонентом -dyg ‘животное’ — 55: bløddyg ‘моллюск’ (досл. ‘мягкое животное’), pattedyg ‘млекопитающее’ (досл. ‘сосать-животное’), govdyg ‘хищник’ (досл. ‘разбой-животное’) и т. п. Особенно продуктивны композиты с опорным mand ‘человек’, ‘мужчина’. В NDO зарегистрировано 156 таких композитов, что позволяет сопоставить широкозначный компонент mand по продуктивности с суффиксами соответствующей семантики -er, -ar, -ør, -ent.

Отмеченная структурная и семантическая дискретность компонентов в составе композитов и их функциональная дифференциация имеет дальнейшую закономерную импликацию: если служебный компонент в составе композита воспринимается носителями данной языковой системы как относительно автономный, то он способен легко отделяться, превращаясь в компонент аналитической конструкции. Такую соотнесенность компонентов композита с изолированным словом, присутствующую в сознании носителей языка, мы предлагаем называть *модульностью*. В особо подверженной анализу сфере глагольного словообразования дискретные модули могут как образовывать аналитические конструкции, так и объединяться в сложные единицы.

Речь идет о том, что аналитические глагольные биномы с широкозначными глаголами (типа gøre ‘делать’, sætte ‘ставить’, give ‘давать’, lægge ‘класть’, komme ‘приходить’, føre ‘вести’) в датском языке весьма часто, особенно в текстах книжного стиля, преобразуются в композиты:

- с поствербами: komme ud ‘выходить’ и udkomme ‘выходить = издаваться’, føre ud ‘выводить’ и udføre ‘вывозить = экспортировать’;
- с предикативными прилагательными: gøre fri — frigøre ‘освободить’, gøre vanskeligt — vanskelliggøre ‘затруднять’;
- с наречиями lægge blot — blotlægge ‘разоблачать’;
- с прямыми дополнениями: give navn — navngive ‘именовать’, lægge bro — brolægge ‘мостить’;
- с предложными дополнениями: sætte i pant — pantsætte ‘закладывать’, give til kende — tilkendegive ‘уведомлять’, lægge til rette — tilrettelægge ‘налаживать’.

Межкатегориальные словообразовательные соответствия также носят модульный характер и основаны на системном соотношении аналитического глагольного и синтетического именного словообра-

зования. Ср. фразовые глаголы типа *give (idéen) op* ‘отвергать (идею)’, *sætte (priserne) ned* ‘снижать (цены)’ и соответствующие им причастия *opgivet idé* ‘отвергнутая идея’, *nedsatte priser*, или же аналитические глагольные биномы типа *gøre rent* ‘убираться’, *tage fejl* ‘ошибаться’ и производные от них существительные *rengøring* ‘уборка’, *fejltagelse* ‘ошибка’.

Признание стратегии дискретности как основополагающей тенденции в синтагматике скандинавских языков позволяет снять отмечавшееся еще В. Я. Плоткиным противоречие. Обсуждая типичную для скандинавских языков направленность преобразований от аналитических сочетаний к композитам, что внешне противоречит общегерманской аналитической константе, автор приходит к выводу о том, что «компози́тное словоизменение оказывается способным выступать в качестве переходной стадии между аналитическим и аффиксальным словоизменением в обоих направлениях — при анализации и при синтетизации»¹¹. Для нас в этой связи важно подчеркнуть, что структурной мотивацией отмеченного В. Я. Плоткиным *переходного характера композитности* между аффиксацией и анализом является именно *дискретный (модульный) характер объединения компонентов* — как в составе композита, так и в составе соотносимых с ними аналитических конструкций.

Подытоживая содержание статьи, мы можем заключить, что в сфере датского композитного словообразования самым последовательным образом проявляются все черты дискретной аналитической номинации, выделяемые исследователями для других германских языков и на иных языковых срезах. Это структурная дискретность, вычленимость и модульность компонентов в составе целого, их семантическая прозрачность и функциональная дифференциация, а также высокая продуктивность образуемых ими моделей.

---

¹¹ *Плоткин В. Я.* Степени синтетизации в скандинавском словоизменении // Скандинавские языки. Вып. 1. М., 1984. С. 31.

О. Б. Овечкина

ВИЛЛЕМ ФРЕДЕРИК ХЕРМАНС И ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН

Связь философии и литературы очевидна. Так, художественное произведение, несомненно, всегда имеет философскую основу, а философский труд зачастую обладает художественной ценностью. Писатели XX в. намного чаще, чем их предшественники, принципиально отказываются от мировоззренческого наследия прошлых лет, проявляя тем самым «недоверие к метарассказам»¹, т. е. к любым объяснительным системам, созданным человеком и несущим какое бы то ни было знание, в том числе философское. Писатель сам выступает как теоретик своего собственного творчества и создает свою индивидуальную философию с особыми категориями и проблемами. В XX в. «симбиоз философии и литературы» отмечается и в Нидерландах: по наблюдению нидерландского литературоведа Я. Гудегебюре, в 1970–1980-х гг. «в писательскую когорту влилось поколение, изучавшее философию в университетах. Этих авторов беспокоит мысль о том, что если в прошлом человек мог обратиться к христианству, гуманизму или социализму, то в настоящее время, развенчавшее великие идеологии, больше не существует готовых образцов. Философски ориентированная литература, таким образом, пытается стать альтернативой религии и идеологии»².

---

¹ Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 215.

² Гудегебюре Я. Высокоинтеллектуальная настольная игра. Голландские писатели между прошлым и настоящим // Мост. Современное искусство в Нидерландах. Гаага, 1996. С. 53.

Выдающегося нидерландского писателя Виллема Фредерика Херманса (1921–1995) можно считать прямым предшественником поколения, о котором пишет Гудегебюре³. Так, его почти профессиональное отношение к философии проявилось и в том, что он перевел на нидерландский язык «Логико-философский трактат» крупнейшего австрийского философа XX в. Людвиг Витгенштейна (1889–1951) и серьезно занимался изучением его философии.

В данной статье внимание будет сосредоточено на тех комплексах идей Виллема Фредерика Херманса, которые соприкасаются с идеями Людвиг Витгенштейна. Эти идеи будут рассмотрены на примере раннего рассказа Херманса «Электротерапия» (1948).

Исследования Людвиг Витгенштейна, основоположника аналитической философии, которая наравне с феноменологией, герменевтикой и постмодернизмом является одним из четырех главных направлений философии XX в.⁴, неизменно находятся в центре философских изысканий тогда, когда предметом анализа становится язык. Так называемый лингвистический поворот, характерный для философии XX в., произошел в значительной мере благодаря Витгенштейну. Анализируя язык как систему, отражающую действительность, Витгенштейн выстраивает исключительно субъективное видение мира, тем самым продолжая субъективный идеализм Канта и Шопенгауэра. Заложив основы лингвистической философии в «Логико-философском трактате», Витгенштейн продолжает разрабатывать данное направление и в своих поздних работах, среди которых — «Философские исследования», опубликованные в 1953 г., уже после смерти автора. Если в ранний период Витгенштейн пытается разъяснить, что мир, факты, из которых состоит мир, отображаются только посредством языка, то в свой поздний период он отталкивается от мысли, что, не зная правил построения предложения из слов и принципа взаимодействия слов в языке, как и не зная принципов взаимодействия фактов, невозможно реконструировать образ мира. Мир состоит не из фактов, а из отношений между ними; язык состоит не из слов, а из отношений между ними.

В Нидерландах сочинения Витгенштейна приобрели известность фактически благодаря Хермансу, выполнившему в 1975 г. перевод «Логико-философского трактата» (в России первый перевод «Трак-

---

³ Гудегебюре Я. Указ. соч. С. 49–50.

⁴ Аналитическая философия в XX в. (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 48–94.

тата» вышел намного раньше, в 1958 г.⁵). Также Хермансу принадлежит ряд статей и эссе о жизни и философии Витгенштейна, опубликованных в 1990 г. в сборнике «Витгенштейн»⁶. Херманс, разрабатывая свою собственную философию, пытался избегать каких бы то ни было готовых литературных и философских течений, но, тем не менее, исключительно заинтересовался аналитической философией Витгенштейна. Возможно, это объясняется тем, что аналитическая философия — это прежде всего философия языка: понимание того, что человек не способен воспринимать мир иначе, чем через призму языка⁷. Старая традиционная философия, говорят аналитики, возникла из-за несовершенства языка, многозначности его слов и выражений, «речи, которая запутывает мысли», по выражению Витгенштейна. Задача философии состоит в том, чтобы построить такой идеальный язык, который в силу своей однозначности автоматически снял бы традиционные философские «псевдопроблемы» (бытия и сознания, свободы воли и этики). Эти же традиционные псевдопроблемы пытается снять в своих произведениях и Херманс, отвергая какие бы то ни было метарассказы. Неудивительно, что аналитическая философия как логико-философская доктрина, стремящаяся к формализации естественного языка и доведению его до совершенства языка логических символов, привлекла и заинтересовала Херманса.

В своем творчестве Херманс поднимает философские онтологические и гносеологические вопросы: определение границ познаваемости, объективность научного знания, — которые в художественном произведении чаще всего подаются через изображение духовных исканий и реального жизненного опыта главного героя. Одной из центральных тем в творчестве Херманса является тема становления человеческой личности, восприятие окружающего мира, решения экзистенциальных проблем. Мир, окружающий человека, воспринимается Хермансом, принадлежащим к поколению экзистенциалистов, как хаос, в нем невозможно обнаружить системы и порядка. Именно поэтому каждый человек вынужден сам создавать, т. е. выдумывать для себя некий порядок, некую мифическую упорядоченную реальность, чтобы хоть как-то выжить в этом мире. Но, по Хермансу,

---

⁵ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958.

⁶ *Hermans W. F. Wittgenstein.* Amsterdam, 2002.

⁷ Аналитическая философия в XX в. (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 48–94.

разочарование неизбежно, т. к. в определенный момент человек неминуемо запутывается и теряется в этом выдуманном мире по той простой причине, что выдуманный мир не может соответствовать действительности, существующей объективно, мир хаоса неподвластен воле человека⁸.

Витгенштейн пришел в философию из техники и математики. Его идеалом была точность, определенность, однозначность. Он хотел получить в философии такие же строгие результаты, как в точных науках. В логическом анализе языка он увидел возможный путь избавления от философской путаницы. Так и Херманс, придя в литературу из науки — физической географии, не признавал мистического, неясного, даже в своих сюрреалистических ранних рассказах и романах он всегда ставил во главу угла четкость структуры и разоблачение заблуждений и мифов, окутавших сознание человека. Поэтому ключевым для всего творчества Херманса стал следующий важнейший тезис Витгенштейна: «Все то, что вообще может быть мыслимо, должно быть ясно мыслимо. Все то, что может быть сказано, должно быть ясно сказано» (5. 4.116)⁹. Ну, а о том, «о чем невозможно говорить, о том следует молчать» (5, 7).

Для иллюстрации близости идей Херманса к идеям Витгенштейна используем ранний рассказ Херманса «Электротерапия», вошедший в сборник «Злой умысел и непонимание» (1948). Этот сборник является во многом программным для творчества Херманса. По мнению видного исследователя Херманса Вилберта Смулдерса, данный сборник определяет все важнейшие черты дальнейшего творчества Херманса, а темы, разработанные в нем, являются сегментами основной философской концепции Херманса, так называемой личной мифологии автора¹⁰.

Рассказ «Электротерапия» интересен для нас тем, что, написанный Хермансом раньше статей о Витгенштейне, он свидетельствует не о влиянии австрийского философа на голландского писателя, а о типологическом сходстве, о независимом друг от друга формировании

---

⁸ *Glaudemans W. W. F. Hermans // Kritisch lit. lex.* 1988. November. P. 7–9.

⁹ Здесь и далее нумерация тезисов Л. Витгенштейна дается по изданию: *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М., 1994.

¹⁰ *Smulders W.* Met de linker- en rechterhand geschreven. Willem Frederik Hermans en de literaire conventies // *Verboden toegang; essays over het werk van Willem Frederik Hermans, gevolgd door een vraaggesprek met de schrijver / Onder redactie van W. Smulders.* Utrecht, 1989. P. 84.

сходных мировоззрений. Познакомившись с сочинениями Витгенштейна, Херманс, всю жизнь отвергавший чужие «метарассказы», увидел в «Трактате» формулировку собственных идей.

Сюжет рассказа выстраивается следующим образом: автор начинает с описания истории семьи главного героя, с жизни его прадеда. Поколение за поколением, Херманс описывает все те беды и несчастья, которые выпали на долю предков Рональда. Однако его отец случайно выигрывает крупную сумму в лотерею и семья, состоящая всего из трех человек, могла бы позволить себе жить гораздо лучше и обеспеченнее, чем прежде. Но этого не происходит из-за нежелания отца Рональда предоставить своему сыну лучшие условия, чем те, в которых вырос он сам. Рональд живет в изоляции, у него нет друзей в школе, он не играет со сверстниками во дворе. Он вынужден большую часть времени проводить один, при этом он обладает большими способностями: сам собирает радиостанцию, играет на фортепиано. Однако и эти успехи Рональда остаются не оцененными: его отец, обнаружив радиостанцию, разбивает ее, а после выступления на школьном концерте Рональд в одиночестве и унынии уходит домой, когда все остальные продолжают веселиться. Раз в год семья Рональда выезжает погостить к родственникам его матери, где Рональд опять же предоставлен сам себе. Однажды он знакомится с девушкой Агнес, живущей по соседству. Они вместе ходят на каток, и Рональд влюбляется в нее. Однако он не в состоянии побороть свою замкнутость и стыд за родителей (Агнес — аристократка, а Рональд — из простой семьи), и во время ужина в тетушкином доме, на котором присутствуют Агнес с отцом, Рональд, не выдержав глупых замечаний со стороны родственников, убегает в свою комнату, где с помощью электрического провода под напряжением кончает жизнь самоубийством.

Итак, прослеживая близость идей нидерландского писателя и австрийского философа, будем отталкиваться от идей, основополагающих для философии Херманса и нашедших выражение в новелле, чтобы потом показать их сходство с тезисами «Трактата» Витгенштейна.

1. Субъективное видение мира

Герой не в состоянии адекватно и объективно познать действительность. Согласно Хермансу, он постоянно создает свою мифическую систему, в которой может какое-то время существовать. Проблему

несоответствия действительного мира и представлений о мире, основанных на обмане, Херманс иллюстрирует следующим образом.

Рональд рос в бедноте, долгое время герой не знал, что их семья может позволить себе жить богаче и что отец Рональда специально внушает сыну мысль об их бедности.

Большую часть времени Рональд проводит в одиночестве, он не общается со сверстниками, что неизбежно приводит к созданию субъективной картины мира. Герой разговаривает сам с собой, живет в мире своих фантазий. Но, как известно, подобный самообман неизбежно приводит к столкновению с действительностью, которая шокирует, так что результатом данного столкновения является гибель героя.

Отметим, что в философии Витгенштейна также происходит разграничение субъективного и объективного видения мира. С одной стороны, по мнению Витгенштейна, субъект не принадлежит миру, но является границей этого мира. Он утверждает, что «я» и мир совпадают. «Я есть мой мир (микрокосм)» (5.63). «Я являюсь своим миром. Границы моего языка обозначают границы моего мира». Так, создаваемый образ действительности, мир каждого отличается от мира/образа действительности другого тем, что каждый воспринимает мир и определяет через язык, которым он владеет: «Все, что мы видим, может быть также другим. Все, что мы можем вообще описать, может также быть другим» (5.634).

Так, представляя исключительно субъективное видение мира, Витгенштейн и Херманс совпадают в своем стремлении разграничить и даже противопоставить разные точки зрения, отрицая при этом их правильность и возможную истинность.

2. Невозможность эмоционального восприятия мира

В мире, каким его рисует Херманс, взаимопонимание, симпатия, любовь, которые могли бы преодолеть глобальное человеческое одиночество, встречаются крайне редко. Любовь не помогает Рональду побороть стыд и смущение за своих родственников. Отец — его позор, его существование вызывает у Рональда еще большую неуверенность в себе, повергает в одиночество, замкнутость и наталкивает на мысль о самоубийстве. Любовь не преодолела преград, герой, столь типичный для многих произведений Херманса, умирает непонятым и одиноким в этом бесконечном хаосе.

У Витгенштейна основополагающим является рациональное, ясная логически или математически выстроенная система. Эмоциональный мир, который часто характеризуется как мистический, лежит за гранью человеческого познания, по сему о том, что невозможно сказать ясно, необходимо молчать. Витгенштейн постулирует, что для того, чтобы открылось ясное видение, необходимо отбросить мистическое, невыразимое. Мистическое и то, о чем надо молчать, — для Витгенштейна это есть проявление эмоционального, которое недоступно человеку в силу его неспособности. И, может быть, поэтому «люди, которым после долгих сомнений стал ясным смысл жизни, все же не могут сказать, в чем этот смысл состоит» (6.521).

3. Бессилие человека в хаотичном мире

Герои, о которых пишет Херманс, очутились в хаосе. Они самостоятельно ищут истину, но они обречены, поскольку истины нет априори. В мире есть только неведение, хаос, пустота. Существование человека в данном мире сводится к тому, что человек рано или поздно сталкивается с этим фактом. Герой рассказа Рональд незадолго до самоубийства осознает: «Что же мне еще остается делать в жизни, подумал он, и казалось, что вопрос уносил его в тихую пустую вселенную цвета морской волны»¹¹.

Герои не достигают своих целей, им уготованы только одиночество, сомнения и душевная замкнутость, неспособность постичь действительность. Рональд виртуозно исполнял фуги Баха на школьном вечере, но «это был самый печальный успех в его жизни. Потому что после того, как весь зал аплодировал ему и все стали танцевать, он должен был в одиночестве отправиться домой <...> Он, талантливый пианист, был не нужен никому, он, самый лучший ученик школы, должен был из всех сил сдерживать слезы, тогда как другие ребята остались веселиться»¹².

Человек находится в безвыходной ситуации: он бессилен что-либо изменить и на что-либо повлиять. Человек обречен на непонимание, разочарование.

Витгенштейн утверждает: «Я знаю, что мир существует. Я не могу изменить происходящее, заставить развиваться по моей схеме. Я аб-

---

¹¹ *Hermans W. F. Het grote medelijden. Verzamelde novellen. Amsterdam, 2002. P. 105.*

¹² *Ibid. P. 92.*

солютно бессилён» (2. 9.16). Само стремление философа внести систему, порядок в философию, снять неясности, его желание заострить внимание на самых простых элементах действительности, которыми ему предоставляются факты, подчеркивают его скептицизм и мысль о бессилии человека даже перед «атомарными» фактами действительности: «Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны. Поэтому мы вообще не можем отвечать на такого рода вопросы, мы можем только установить их бессмысленность» (4.003).

4. Роль случайности в мире

Херманс утверждает, что жизнь состоит из случайностей. Человек не может понять, к чему приведут те или иные события, предугадать их или предотвратить. Невозможно предугадать также, к чему приведут те или иные поступки человека. Часто они приводят к эффекту, обратному ожидаемому, и в результате человека ждет разочарование: «Ток убил его [Рональда. — *О. О.*] мгновенно и безболезненно, чего при столь примитивном способе и при как обычно довольно низком напряжении могло и не произойти»¹³.

Витгенштейн также рассматривает действительность, мир исключительно как ряд свершившихся фактов: «Мир есть все то, что имеет место» (1). «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (1.1). Согласно Витгенштейну, факты не зависят друг от друга, и поэтому «любой факт может иметь место или не иметь места, а все остальное останется тем же самым» (1.21). Следовательно, все связи, все отношения между фактами являются чисто внешними. Витгенштейн воспринимает мир таким, каков он уже есть, не строя предположений. Вне логики все случайно.

5. Язык как средство познания действительности

Понимание роли языка — это главная точка соприкосновения концепций Херманса и Витгенштейна.

Херманс пишет в своих работах о действительности, которую невозможно постичь. Причем особую помеху, которая еще больше затрудня-

---

¹³ *Hermans W. F. Op. cit. P. 116.*

ет постижение действительности во всем ее объеме, в том числе через общение между людьми, образует язык, когда невозможно передать мысль без искажения и двусмысленности. Герои Херманса не реагируют на реплики собеседников, и даже создается впечатление, что они абсолютно не понимают друг друга. Так, отметим диалог Рональда с отцом. Юноша пытается объяснить свои проблемы, но наталкивается на глобальное непонимание, причем оно связано не только с вечной проблемой отцов и детей. Автор словно специально подчеркивает различие миров, оформленных определенными словами, когда отец не понимает ни слова из сказанного сыном в силу своей ограниченности и для защиты начинает пошло ругаться, заставляя Рональда краснеть.

Мировоззренческая концепция Витгенштейна предполагает, что единственной формой связи человека с окружающим его природным и социальным миром является язык. Человек связан с миром также другими способами (практическим, эмоционально), но его теоретическое, интеллектуальное отношение к миру исчерпывается языковым отношением, или даже является языковым отношением. «Большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы не понимаем логики нашего языка» (4.003). Поэтому, если философия хочет иметь хоть какое-то право на существование, она должна быть ни чем иным, как «критикой языка» (4.0031).

В «Логико-философском трактате» (4.116) Витгенштейн постулирует: «Все, что вообще может быть помыслено, может быть помыслено ясно. Все, что возможно высказать, возможно высказать ясно, о том же, что сказать невозможно, следует молчать»¹⁴.

Херманса и Витгенштейна, помимо вышесказанного, роднит и тот пессимизм, который они испытывали по отношению к современной им литературе и философии соответственно. Но, что чрезвычайно важно, и философ, и писатель сумели выразить в своих произведениях положения, которые вскоре заняли центральное место в философии и литературе XX в. Так, Витгенштейн, сам являясь наследником отца структурной лингвистики Ф. де Соссюра, своей концепцией языка и учением о логическом пространстве сумел предвосхитить исследования дискурса Мишеля Фуко.

Херманс, сформировавшийся в атмосфере экзистенциализма, четко озвучил идею хаотичной действительности, мира без опоры, ставшей одной из стержневых идей постмодернизма.

---

¹⁴ Витгенштейн Л. Указ. соч. С. 2.

Н. А. Пресс

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ РАННИХ РОМАНОВ СТИГА ДАГЕРМАНА

Композиция является одной из структурообразующих черт многих видов искусства, в том числе литературы. Тем не менее в силу своей ярко выраженной структурирующей функции композиция зачастую воспринимается как нечто «техническое», отделенное от внутреннего мира, создаваемого автором внутри текста. Множество романов XX в. характеризуются именно высокой степенью интегрированности внешней и внутренней формы, когда в центре внимания читателя нередко оказывается не то, *что* рассказывается, а то, *как* именно построено повествование. Таким образом, композиция представляется одним из наиболее важных художественных приемов для писателей-романистов. Ранее творчество шведского писателя середины XX в. Стига Дагермана является ярким примером того, как композиция романа становится самостоятельной силой, влияющей на рецепцию романа читателем в неменьшей степени, чем сам сюжет и те или иные стилистические приемы, используемые автором. При анализе композиции двух первых романов писателя («Змея», 1945, «Остров Осужденных», 1946) становится очевидно, что значение композиции огромно как для стилистической, так и для сюжетной составляющей обоих романов.

Первый роман Стига Дагермана «Змея» вызвал широкое обсуждение и среди читателей, и в литературных кругах. Многие в романе было провокационно: идеи фюртиотализма (литературного направления 1940-х гг., сформировавшегося как оппозиция общепринятому

на тот момент типу литературы, в основном подражавшему с большим или меньшим успехом американским писателям, в первую очередь Хемингуэю, — «витализму»), протест против послевоенного оптимизма, характерная для фюртиоталистов склонность к пессимизму и интеллектуальному анализу, прямое высказывание писателем своих синдикалистских взглядов на мироустройство вообще и на политику шведского государства в частности.

Наиболее слабым и дискуссионным местом романа критики практически единогласно признавали его композицию. Роман делится на две части — «Ирен» и «Мы не можем спать». Первая часть представляет собой отдельное повествование, которое в принципе может выступать как самостоятельное произведение. Первая часть романа, «Ирен», характеризуется достаточно легко прослеживаемой линией повествования, в центре внимания читателя, бесспорно, оказывается «история любви» или, скорее, сложных конфликтных взаимоотношений молодой девушки Ирен и солдата Билла, проходящего службу в части, где работает Ирен. В их и без того непростых отношениях также присутствует третье лицо — официантка Вера, с которой Билла связывают сугубо плотские отношения. Внешняя канва сюжета состоит в том, что Билл собирается уйти «в самоволку» и отпраздновать за городом, в доме знакомых свой день рождения и отправляет Ирен туда заранее, чтобы она подготовила все для праздника. По дороге Ирен случайно встречается в поезде со своей матерью и сталкивает ее с поезда. Этот эпизод является одним из ключевых и дает повод для разнообразных трактовок, он будет рассмотрен в данной главе более подробно. Всю бесконечно долгую дорогу до нужного дома Ирен преследует страх, усугубляемый подавленными муками совести и заставляющий ее вступить в краткосрочную связь со случайным попутчиком. На праздник Билл приезжает с Верой; затаив на нее злобу из-за ее поведения во время его драки с Оке, любовником Веры, он решает отомстить ей, сбросив ее в колодец. Ирен тайком от Билла спасает Веру — отчасти из женской солидарности, отчасти пытаясь компенсировать совершенное ею самой убийство. Заключительные страницы романа — бегство Билла вместе с Ирен с места теоретически совершенного им преступления к месту теоретически совершенного ею преступления; доказав Ирен ее невиновность, Билл имеет хотя бы гипотетический шанс оправдать самого себя. Осознав эфемерность подобных надежд, Билл бьет Ирен и оставляет ее на произвол судьбы.

Вторая часть состоит из пяти глав, характеризуется структурно четкой организацией и состоит из шести глав, связанных общим местом действия и общими действующими лицами. Первая глава, одноименная с названием части, является своеобразным введением, экспозицией к остальным главам и, в свою очередь, также неоднородна по структуре в силу того, что внутри нее также содержатся четыре истории, которые могут быть рассмотрены как самостоятельные. Три последующие главы — «Зеркало», «Железный обруч», «Тряпичная кукла» — композиционно можно считать равноправными, т. к. все три являются рассказами об одном дне из жизни троих солдат. Глава «Змея» рассказывает отчасти об истории одного из солдат, Гидеона, с которым автор знакомит читателей еще в первой главе, отчасти об истинной сути таинственной змеи, связывая, таким образом, главу не только со второй частью, но и с первой, что придает роману внутреннюю целостность и единство. Последняя, седьмая глава «Неудавшийся побег» — одна из наиболее часто обсуждаемых в критической литературе глав романа, что неудивительно, принимая во внимание два обстоятельства: идейную программу, изложенную автором именно в этой главе, и открытый финал, оставляющий пространство для разнообразных трактовок.

Стаффан Бьерк в своей монографии «Мир формы романа» сравнивает композицию романа «Змея» с такими произведениями мировой литературы, как «Тысяча и одна ночь» и «Декамерон», характеризуя подобный тип романа следующим образом: «Части этого романа сохраняют самостоятельность, но она же и ставит их в отношения конфликта в силу того, что место действия и персонажи этих разных по сути частей остаются неизменными»¹. Подобный тип романа является, по мнению исследователя, типичным, если не сказать классическим, для шведской литературы. Вследствие этого роман нередко критиковали за фрагментарную композицию, которая, по мнению современников, мешала восприятию романа как идейного и художественного целого.

Многие исследователи творчества Стига Дагермана, анализируя роман, обращают внимание на своеобразную композицию романа. Так, например, наиболее интересной в отношении трактовки компо-

---

¹ *Björck S. Romanens formvärld. Studier i prosaberättarens teknik. Stockholm, 1983. S. 259.*

зиции романа представляется версия Чештин Лайтинен, предложенная ею в диссертации «Лабиринты желания. Экзистенциальная тематика в текстах Дагермана», которая по праву считается одной из наиболее оригинальных и фундаментальных работ, посвященных Дагерману. Лайтинен считает, что не только альтер эго автора является не только Скривер в заключительной главе второй части, но и Ирен в первой части романа. При этом Скривер выражает сознательную, рациональную часть внутреннего мира автора, а Ирен олицетворяет собой его подсознательные страхи и желания, раскрывая его сущность: «Если толковать части, посвященные Ирен и Скриверу таким образом, т. е. рассматривая их как выражение *одного* сознания — интеллектуально и абстрактно представленного в образе Скривера и, напротив, нечетко, во власти отчаяния, в образе Ирен, — то в романе обнаруживается внутренняя связь, придающая ему целостность. В романе присутствует логика, которая не проявляется во внешнем композиционном трехчастном членении романа. Эта внутренняя связь также многое говорит о психологическом портрете самого Дагермана»².

Том Карлссон в своей диссертации «Указатель в ночи. Литературные проекты Стига Дагермана» пишет следующее о композиции романа: «Многие критики обращали внимание на структуру романа “Змея”. Дагерман полностью нарушил принцип единства действия. Роман состоит из трех частей, которые на первый взгляд не связаны ничем, кроме общей темы и змеи, являющейся наиболее значительным символом. Керстин Лайтинен была первой, кто осмелился истолковать текст как цельную структуру, рассмотрев отношение частей романа друг к другу. Выдвинутая ею теория является как интересной, так и релевантной»³. Теория Карлссона о трехчастной композиции романа основывается на том, что вторая часть романа, состоящая из пяти отдельных новелл, тоже отличается имманентной неоднородностью. В первых четырех новеллах рассказывается об историях, произошедших с живущими в одной казарме солдатами, о разных уровнях проявления экзистенциального страха и отчаяния. Последняя же новелла стоит особняком, т. к. в ней описывается эпизод, произошедший со Скривером, причем большую часть повествования зани-

---

² *Laitinen K.* Begärets irrvägar. Existentiell tematik i Stig Dagermans texter. Umeå, 1986. S. 91.

³ *Karlsson T.* Vägvisare in i natten. Stig Dagermans litterära projekt. Åbo, 1994. S. 17.

мает монолог Скривера, устами которого Дагерман излагает свою концепцию творчества и идейное обоснование важности принятия человеком страха для установления с ним своего рода симбиоза. Необходимо также упомянуть в данной связи работу Анти Питкэнена «К вопросу о эстетике романов Стига Дагермана», в которой автор анализирует творчество писателя с художественной точки зрения, обращая внимание, в частности, на особенности композиции, внутреннего времени, роли рассказчика и формы эпического повествования. Питкэнен особо подчеркивает роль контрапункта, т. е. постоянного тесного сплетения двух или более сюжетных линий, в романах Дагермана: «С помощью техники контрапункта Дагерману удается добиться иллюзии своего рода возврата в прошлое и вместе с тем одновременности действия»⁴.

При изучении композиции романа нельзя также обойти вниманием само название романа, которое является своеобразным кодом, ключом к пониманию всего романа в целом. Можно сказать, что Дагерман отчасти облегчает задачу своим читателям, вынося главенствующий символ всего романа в название, — подобный прием неизбежно влияет на рецепцию романа, т. к. читатель изначально получает своего рода инструкцию и обращает внимание на образ змеи. Без этого многие мелкие детали, которыми полны страницы романа, могли бы остаться без должного внимания. Несмотря на фрагментарную композицию романа и его «многоголосие», читатель сразу понимает, когда устами тех или иных персонажей автор постепенно подводит его к разгадке или, скорее, разгадкам, символического образа змеи, вынесенного Дагерманом в название. Необходимо также отметить, что хотя традиционно альтер эго писателя в этом романе считается один из солдат по имени Скривер, в независимости от того, чьими глазами мы видим ситуацию в каждой из глав-новелл второй части романа, все персонажи являются носителями идей Дагермана, что также способствует восприятию романа как единого целого.

Название второго романа «Остров осужденных» неоднозначно: с одной стороны, в нем обозначается непосредственно место действия романа, с другой — остров это весь мир, вся жизнь в ее многообразии; остров для Дагермана и его героев является одновременно и микрокосмом, и макрокосмом. «Остров осужденных» по праву считается наиболее сложным и противоречивым романом Стига Дагермана.

---

⁴ Pitkänen A. Studier i Stig Dagermans romanteknik. Tammerfors, 1985. S. 67.

Для понимания романа как целостной структуры, как самостоятельной реальности, развивающейся по своим внутренним законам, необходимо полное погружение в символический мир романа. Композиционно роман делится на две части, первая из которых, «Потерпевшие кораблекрушение», состоит из семи своеобразных «жизнеописаний» героев, а вторая, «Борьба за льва», представляет собой разрешение всех конфликтов, намеченных в первой части, с акцентом на противостояние между двумя главными героями романа, Лукой Эгмоном и капитаном Уилсоном. В жизни каждого из героев присутствует некое событие, которое становится катализатором развития чувства, становящегося психодоминантой героя. Шестеро из семи героев романа погибают во второй части романа. Смерть каждого из них символична и в какой-то мере обусловлена их жизнью — таким образом события второй части уже присутствуют в первой части, пусть и латентно.

В исследовании «Роман в ваших руках. Чтение, изучение и понимание повествовательного искусства» Эрланд Лагерротт представляет заслуживающую пристального внимания концепцию подхода к рассмотрению особенностей и значения композиции романа «Остров осужденных». Если первая часть романа представляет собой рассказ о судьбах семи человек, о роли чувства вины в жизни человека, о его бесплодных попытках убежать от собственной судьбы, то вторая часть является «длительным эпическим процессом, цель которого — интерпретировать эту проблематику»⁵. Процесс может принимать разные формы, первая из них, эпизодическая, представляет собой описание некоего эпизода из жизни героя, значимого для формирования его психодоминанты и развития его внутреннего процесса самосознания или самоотрицания. Вторая может быть обозначена как диалектическая, она представлена главным образом в форме внутренних монологов героев, плавно перетекающих в авторские лирические отступления (как и в первом романе, герои не имеют своего собственного голоса, скорее автор «говорит» с читателем разными голосами). Третья, циклическая, форма процесса, состоит отчасти в постоянном упоминании важных для каждого героя символов, становящихся его своеобразными атрибутами, отчасти в фрагментарности композиции, когда имеет место смешение разных пла-

---

⁵ Lagerroth E. Romanen i din hand. Att läsa, studera och förstå berättarkonst. Ystad, 1976. S. 120.

стов времени действия романа (прошлое героев и их настоящее, точкой отсчета которого является кораблекрушение). Три вышеперечисленные формы эпического процесса, по Лагерроту, имеют последовательно следующие функции: проникновение в проблему, обоснование символа, рост осознания, побуждение героя к действию, раскрытие его положительного или отрицательного потенциала, создание героем собственного мира со своими законами внутренней логики.

Таким образом, в этом романе можно отметить наличие проблематики микрокосма (человека как индивидуума) и макрокосма (человеческого существования вообще). В этой связи интересно также отметить, что названия глав первой части романа отражают одновременно время суток и проблематику личности героя, которому посвящена данная глава: «Утреннее оцепенение», «Голод дня», «Горе на закате» и т. д. Таким образом, автор апеллирует и к микрокосму, и к макрокосму одновременно. Фрагментарность композиции, с одной стороны, как неоднократно отмечалось наиболее критически настроенными современниками, серьезно затрудняет рецепцию романа читателем, т. к. происходит смещение и хронологических, и пространственных, и личностных рамок (при первом прочтении романа читателю далеко не всегда ясно, глазами кого из героев автор показывает происходящее). С другой стороны, подобная композиция является наиболее точным отражением строения и микрокосма, и макрокосма, хаотичных на первый взгляд, но, при более внимательном рассмотрении, отличающихся четким подчинением причинно-следственному закону.

Как и в романе «Змея», две части, составляющие роман, неоднозначны по своей функции и построению. Здесь Дагерман идет противоположным путем: если в «Змее» первая часть представляла собой практически самостоятельное повествование, построенное на взаимодействии двух героев-антагонистов, а вторая — собрание новелл, объединенных общими героями, то в «Острове осужденных» Дагерман словно меняет местами эти два принципа, преследуя одну и ту же цель. Разнятся лишь способы достижения цели: в первом случае читателю предлагается общее, затем частное, что побуждает его сделать соответствующие выводы об интересующей автора проблематике — проблематике страха. В романе «Остров осужденных» автор наоборот предлагает читателю восхождение от частных (судеб семи героев) к общему (проблеме выбора, перед которым

встает человек, оказавшись лицом к лицу сначала со своим персонифицированным страхом, а затем со страхом, пронизывающим всю его экзистенцию). Но благодаря особенностям композиции романа это восхождение становится не прямой дорогой наверх, а, скорее, винтовой лестницей, когда, нанизывая значимые детали, эпизоды и символы на нить повествования, автор с каждой главой все больше расширяет понимание проблематики романа.

Подобно другим отличительным чертам ранних романов Дагермана, таким как глубокий символизм и предельно насыщенный метафорами язык, своеобразие композиции, подвергавшееся столь жесткой критике после выхода романов в свет, является одним из несомненных достоинств романа, порождающим их своеобразие и придающим цельность, обоснованность и убедительность философским идеям автора. Композиция играет сбалансированно важную роль в романах «Змея» и «Остров осужденных»: не выходя на первый план и не бросаясь в глаза при первом прочтении романа, композиция служит замыслу автора, помогая ему полнее реализовать свои идеи как на сюжетном, так и на философско-структурном уровне.

А. В. Савицкая

«МУЖСКИЕ» И «ЖЕНСКИЕ» ПРОФЕССИИ И ДОЛЖНОСТИ

К вопросу о динамике словообразовательных моделей шведского языка

Развитие технического прогресса и возникновение целого ряда новых профессий, а также достигнутые женщинами успехи в борьбе за равноправие создали во многих языках благоприятную почву для существенных изменений в использовании профессиональных обозначений лиц и способах образования соответствующих лексических единиц. Не явился исключением и шведский язык. Например, профессор Вивека Адельсверд рассказывает о том, как один юноша, желая пошутить, назвал ее *professorskan* ‘профессорша’ и она даже на какую-то долю секунды обиделась, поскольку профессором является не ее муж, а она сама. А потом ей пришло в голову, что юноша, вероятно, полагал, что удачно воспользовался старой формой наименования ее должности, просто не представляя себе, «что были времена, когда существовали не только *professorskor*, но и *kaptenskor*, *doktorinnor* och *ambassadriser* [т. е. имелся определенный способ наименования женщин — жен профессоров, капитанов, докторов и послов — по профессии мужа. — А. С.]. ...Подобные языковые конструкции в настоящее время отмирают, если уже вообще не вышли из употребления»¹. В книге, посвященной вопросам языкового нормирования в Швеции, Ульф Телеман говорит о том, что во второй

---

¹ *Adelswärd V. Ord på glid. Brombergs, 2001. S. 138.*

половине XX в. в Швеции широко развернулись увлекательные дебаты по вопросу о выработке нейтральных в половом отношении обозначений лиц, вызванные актуализацией проблемы равноправия полов². Складывается впечатление, что на сегодняшний день именно в лексико-семантической группе слов-названий профессий остался еще ряд нерешенных вопросов, поэтому представляется интересным обратиться к более подробному рассмотрению этой группы.

Одним из важнейших способов образования обозначений лиц в шведском языке является *суффиксальное словопроизводство*. Среди словообразовательных суффиксов шведского языка присутствуют как суффиксы, используемые для обозначения лиц женского пола (-inna, -erska, -ska, -essa, -issa, -tris, -ös), так и суффиксы, изначально использовавшиеся исключительно для обозначения лиц мужского пола (-ant/-ent, -are, -iker, -ist, -log, -är, -ög и некоторые другие). В сфере применения первых обычно выделяется несколько тематических групп: титулы (наследственные и приобретенные в результате вступления в брак), термины родства, национальная принадлежность, профессиональная деятельность, спорт, обозначения самок животных и ряд других. В Швеции, где женщины в большинстве сфер общественной жизни добились полного равноправия с мужчинами, наибольшие изменения в употреблении «женских» суффиксов, естественно, коснулись именно профессиональных обозначений.

Хотя словари современного шведского языка по-прежнему фиксируют значительное количество наименований лиц женского пола, в официальном перечне профессий они представлены лишь отдельными исключениями. Вместе с тем целый ряд изначально «мужских» суффиксов стал восприниматься как обозначение деятеля, без дифференциации по половому признаку. У. Телеман отмечает, что существенную роль здесь сыграл тот факт, что, ведя в середине XX в. борьбу за равную оплату труда, учителя (lärare) и учительницы (läragännor) договорились об общем наименовании профессии: учитель (lärare)³. Образованные путем суффиксального словопроизводства названия профессий, как правило, являются отглагольными дериватами (lära > lärare, programmera > programmerare). На сегодняшний день подобные профессиональные обозначения лиц, независимо от

---

² *Teleman U.* Tradis och funkis. Svensk språkvård och språkpolitik efter 1800. Norstedts Ordbok, 2004. S. 197.

³ *Ibid.* S. 198.

пола, стали нормой. Если же возникает необходимость подчеркнуть пол работника, к названию профессии добавляется уточняющее прилагательное: *kvinnlig/manlig* ‘женский/мужской, т. е. женского или мужского пола’. Например: *kvinnlig författare* ‘женщина-писатель’, *manlig inspektör* ‘инспектор-мужчина’. В то же время официальное использование отдельных дериватов с «женскими» суффиксами в качестве единых наименований профессий вызывает постоянные дискуссии. Наиболее типичными примерами здесь являются *sjuksköterska* ‘медсестра’ и *barnmorska* ‘акушерка’. Попытки ввести в обиход параллельный к первому из этих слов мужской вариант — *sjukskötare*, что, кстати, уже сделано в шведском языке Финляндии, вызывают протесты со стороны медицинских работников. Дело в том, что слово *skötare* уже занято и имеет прочную привязку к персоналу клиник для душевнобольных. Во втором случае слово *barnmorska* является композитом, первый компонент которого означает ‘ребенок’, а второй — восходит к слову *moder* ‘мать’, поэтому о замене суффикса здесь говорить не приходится. Синоним *askuschörska* в шведском языке малоупотребителен, поэтому, как отмечает Катарина Грюнбаум, использование его мужского варианта — *askuschör* — в качестве официального наименования считается нежелательным⁴.

В тех случаях, когда название профессии является относительно новым, оно, как правило, уже изначально не имеет отдельного женского варианта. Например, вошедшее в язык в 1944 г. слово *språk-vårdare* ‘специалист по языковому нормированию’ существует только в единой для обоих полов форме. Женские варианты подобных наименований всегда носят иронический или пренебрежительный характер.

Шведские лингвисты прогнозируют, что среди наименований профессий, образованных при помощи суффиксов, разделение на женские и мужские долгие годы продержится в сфере искусства: *skådespelare* ‘актер’, *skådespelerska* ‘актриса’. Эту мысль подтверждает и тот факт, что единственное слово с женским суффиксом, включенное в «Словарь неологизмов», вышедший в 2000 г., — это *ståupperska* ‘артистка, выступающая в жанре «сатирик-импровизатор»’. Постепенный уход женских профессиональных наименований из основного словарного состава шведского языка можно проследить при сравнении разных изданий регулярно выпускаемого Шведской

---

⁴ *Grünbaum C. Strövtåg i språket. Stockholm, 1996. S. 117–118.*

Академией нормативного словаря-справочника SAOL. Так, например, SAOL 13⁵ уже отсутствуют, имевшиеся в 12-м издании 1998 г. слова *exprovärdinna* ‘распорядительница выставки’, *manglerska* ‘катальщица (белья)’ и *operettskådespelerska* ‘артистка оперетты’. Иногда профессиональное наименование с «женским» суффиксом сохраняется, но понижается его социальный статус: человек, именуемый (независимо от пола) *kock* ‘повар’, имеет более высокое образование и работает на лучше оплачиваемой работе, чем *kokerska* ‘повариха’⁶.

Для наименования ряда должностей, ученых званий и отдельных профессий в шведском языке используются интернационализмы: *professor*, *docent*, *konsul*, *general*, *minister* и т. п. Такие должности изначально занимали исключительно мужчины, а присоединение к подобной лексике «женского» суффикса создавало, как и в русском языке, наименование/титул их супруг или вдов: *professorska* ‘профессорша’, *generalska* ‘генеральша’, *konsulinna* ‘консульша’. С приходом на эти должности женщин исходные наименования должностей просто стали употребляться применительно к лицам обоих полов. Следует подчеркнуть, что дериваты с «женскими» суффиксами в подобных случаях никогда не употреблялись в качестве официального наименования профессий и должностей женщин. Именно поэтому слово *professorska* и смутило профессора Вивеку Адельсверд в описанном выше примере. Поскольку в современной Швеции подавляющее большинство женщин имеет собственную профессию и всячески стремится подчеркнуть свою независимость, подобные «женские» дериваты почти полностью утратили свою актуальность. Например, такие слова, как *doktorinna* ‘докторша’, *kapstenska* ‘капитанша’ или *majorska* ‘майорша’, уже давно исключены из нормативных словарей. Если по каким-то соображениям важно указать пол лица, занимающего должность, то к названию должности или профессии опять-таки добавляется соответствующее прилагательное *kvinnlig* или *manlig*.

Стоит, вероятно, отметить, что при ярко выраженной склонности шведского языка к основосложению, для указания на пол лица, занимающего ту или иную должность, всегда используются именно словосочетания (прилагательное + существительное). Думается, этим лишний раз подчеркивается нейтральность самого наименования должности или профессии. В отличие от русского языка, в шведском

⁵ Svenska Akademiens ordlista över svenska språket. 13. uppl. Stockholm, 2006.

⁶ *Adelswärd V*. Op. cit. S. 140–141.

такие словосочетания выглядят легко и естественно и достаточно часто встречаются в разного рода текстах, что нередко создает определенные стилистические проблемы при переводе.

Любопытным исключением является наименование женщины-священника — *kvinnopräst*. Здесь перед нами сложное слово, не имеющее аналогов в сфере должностных или профессиональных наименований. В самом первом компоненте *kvinn-* нет ничего необычного. Он встречается во многих словах: *kvinnodräkt* ‘женский костюм’, *kvinnonamn* ‘женское имя’, *kvinnokamp* ‘борьба женщин за равноправие’ и т. д. Однако, как уже отмечалось, в профессиональных наименованиях он не используется. С.-Й. Мальмгрен высказывает следующую гипотезу возникновения слова *kvinnopräst*. Когда среди священников появились женщины, их, по описанной выше модели, стали называть *kvinnliga präster*. Но с появлением женщин-священников нашлись и их противники. Словосочетание *kvinnliga prästmotståndare* звучало бы двусмысленно — его можно было бы трактовать не только как ‘противники женщин-священников’, но и как ‘женщины — противники священников’, поэтому возникло сложное слово *kvinnoprästmotståndare*. А по мере утверждения этого композита в языке стало возможным и самостоятельное использование его первого компонента. Мальмгрен предлагает рассматривать создание слова *kvinnopräst* как результат специфического варианта ретроградного словопроизводства⁷.

Значительное количество профессиональных наименований образуется в шведском языке с помощью словообразовательного элемента *-man*, о статусе которого будет сказано чуть позже. Продуктивность данной модели резко возрастает начиная со второй половины XX в., причем связана она прежде всего с изменением семантики элемента *-man*.

Слово *man* наряду со значением ‘лицо мужского пола’ уже давно приобрело нейтральное в половом отношении значение ‘человек’, которое широко используется в сложных словах, обозначающих представителя того или иного рода деятельности (*fackman* ‘специалист, эксперт’, *tjänsteman* ‘служащий’). Можно сказать, что функция второго компонента *-man* постепенно становится аналогичной функции

---

⁷ *Malmgren S.-G. Varför kvinnopräst men inte kvinnodialektolog? Några tankar om kopulativa sammansättningar // Meddelanden från Institutionen för Svenska Språket 25. Göteborgs universitet. Göteborg, 1999. S. 175.*

суффикса *-are*, доказательством чему служит наличие параллельных вариантов: *valman*, *-väljare* 'избиратель'. Такое развитие вполне отвечает духу времени, и ему, как пишет эксперт по языковому нормированию Катарина Грюнбаум, не следует препятствовать, поскольку оно позволяет «избежать бесплодной дискуссии о том, до какой степени женщины могут быть мужчинами»⁸. И действительно, такие слова, как *polisman* 'полицейский', *styrman* 'штурман', *statsman* 'политик', могут с равным успехом обозначать и мужчину, и женщину, хотя изначально все подобные профессии были чисто мужскими. Заметим также, что наименования женских профессий и раньше крайне редко образовывались путем основосложения, т. е. со вторым компонентом *-kvinna* 'женщина' (здесь всегда доминировало суффиксальное словопроизводство), а те наименования, которые все же имелись, обычно обозначали профессии низкого социального статуса, например *tjänstekvinna* 'служанка'. Возможно, это обстоятельство послужило одной из причин того, что, когда женщины стали овладевать мужскими профессиями, замены компонента *-man* на компонент *-kvinna* не произошло. В тех случаях, когда подобные попытки предпринимались, они вызывали противодействие как со стороны женщин, так и со стороны специалистов по языковому нормированию. Например, когда на роли официальных представителей политических партий и пресс-секретарей стали выходить женщины, их стали именовать *talesman*, а не *taleskvinna*, что многими воспринималось как очередная победа в борьбе за равноправие. Небезынтересно отметить, что в других скандинавских языках такой же победой считалось появление аналогичных наименований со вторым компонентом «женщина»⁹. В отличие от английского языка, где нейтральный компонент *-person* стал в ряде случаев вытеснять *-man* (*chairman* > *chairperson*, *businessman* > *businessperson*), его шведский аналог *person* никогда активно не использовался в качестве второго компонента композитов — обозначений лиц, и создание неологизмов по такой модели шведскими лингвистами не рекомендуется.

Произошедший сдвиг в семантике компонента *-man* в сочетании с его достаточно высокой частотностью позволил исследователям

---

⁸ *Grünbaum C.* Op. cit. S. 114.

⁹ *Берков В. П.* Норвежская лексикология. СПб., 1994. С. 144; *Краснова Е. В.* Некоторые тенденции пополнения словарного фонда датского языка на современном этапе // Скандинавская филология = *Scandinavica* VI. СПб., 1999. С. 48.

шведского словообразования ставить вопрос об отнесении этого элемента к разряду полуаффиксов. С позиций сегодняшнего дня это представляется оправданным. Однако нельзя не отметить, что в отношении продуктивности *-man* значительно уступает суффиксу *-are*, и, вероятно, следует говорить скорее об изменении семантики данного элемента в уже устоявшейся в словарном составе языка лексике, а не о прогрессирующей словообразовательной активности элемента *-man*. В 2005 г. Комитетом по шведскому языку была выпущена книга, посвященная дискуссионным вопросам современной грамматики, словообразования и словоупотребления¹⁰. В ней, в частности, говорится о том, что, поскольку в большинстве профессий, наименования которых оканчиваются на *-man*, по-прежнему доминируют мужчины, такие лексические единицы у многих все-таки соотносятся с мужским полом. Вместе с тем в языке имеются, а в целом ряде случаев даже целенаправленно создаются альтернативные наименования, лишённые половых характеристик: *statsman* — *politiker* ‘политик’; *polisman* — *polis* ‘полицейский’; *talesman* — *representant*, *företädare*, *språkrör* ‘представитель, рупор’; *vetenskapsman* — *vetenskapare*, *forskare* ‘научный работник, ученый, исследователь’; *idrottsman* — *idrottare* ‘спортсмен’¹¹. Легко заметить, что в подавляющем большинстве случаев в качестве альтернативы выступают слова с суффиксом *-are*. Интересная ситуация складывается с наименованием членов шведского парламента — *риксдага*, среди которых, как известно, 50% — женщины. По отношению к ним возможно употребление слова *riksdagsman*, но, поскольку оно иногда все же порождает двусмысленность, существует альтернатива — не *riksdagskvinna*, а *riksdagsledamot* ‘член риксдага’. Однако в ряде шведских работ отмечается, что если *riksdagsman* — это может быть и мужчина, и женщина, то, когда говорят *riksdagsledamot*, всегда имеется в виду женщина. Авторы вышеупомянутой книги приводят целый ряд рекомендаций Комитета по шведскому языку в отношении употребления наименований профессий¹². Главная из них — стремиться к использованию нейтральных в отношении признаков пола названий. Среди остальных рекомендаций хотелось бы особо остановиться на двух моментах. Во-первых, поскольку наименования профессий с

---

¹⁰ Språkriktighetsboken. Stockholm, 2005.

¹¹ Ibid. S. 82.

¹² Ibid. S. 86–87.

компонентом *-man* уже достаточно долго использовались в качестве нейтральных, их употребление признается возможным, однако в тех случаях, когда имеется альтернативный вариант, он считается более предпочтительным. Во-вторых, рекомендуется не создавать новых названий профессий со вторыми компонентами *-kvinna* и *-man*. Последний момент небезынтересен в контексте вопроса о статусе элемента *-man*. Учитывая существующую в языке тенденцию к активизации суффикса *-are*¹³, а также то, с каким вниманием шведы обычно прислушиваются к подобным авторитетным рекомендациям, можно предположить, что разговор об элементе *-man* как о полуаффиксе со временем утратит свою актуальность, как это уже происходило с целым рядом когда-то высокочастотных вторых компонентов.

Подводя итоги вышесказанного, можно отметить дальнейшее усиление роли суффиксального словопроизводства в образовании наименований профессий и должностей в шведском языке. При этом специалистами по языковому нормированию ведется целенаправленная работа по закреплению за суффиксами, изначально использовавшимися для создания слов — обозначений лиц мужского пола, статуса нейтральных. Среди используемых для «нейтрального» обозначения лиц суффиксов, безусловно, доминирует суффикс *-are*. Это единственный из всех упомянутых выше суффиксов, который современная «Академическая грамматика шведского языка» относит к числу продуктивных¹⁴. Словник новейшего словаря шведских неологизмов¹⁵ показывает, что за последние десятилетия в языке фиксируется порядка 20 новых обозначений лиц с суффиксом *-ist*. Однако среди этих лексических единиц доминируют композиты, вторые компоненты которых либо повторяются у нескольких слов (*trettiotalist* ‘человек, родившийся в 30-е годы’, *fyrtiotalist* ‘человек, родившийся в 40-е годы’ и т. д.), либо не являются новообразованиями (*ekoturist* ‘турист, изучающий природу’, *miljöfascist* ‘человек, фанатично защищающий природу даже в ущерб другим интересам общества’). Простых слов на *-ist* в словнике два: *arborist* ‘человек, профес-

---

¹³ Об этом см.: *Савицкая А. В.* Словообразовательная активность суффикса *-are* в современном шведском языке // Скандинавская филология = *Scandinavica* VII. СПб., 2004. С. 120–128.

¹⁴ *Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik. Bd. 2. Stockholm, 1995. S. 40.

¹⁵ *Nyordsboken. Med 2 000 nya ord in i 2000-talet.* Svenska språknämnden och Norstedts Ordbok. Stockholm, 2000.

сионально занимающийся обрезанием деревьев и уходом за ними' и islamist 'исламист'. Обе эти лексические единицы являются прямыми заимствованиями, а первое к тому же имеет и параллельный шведский вариант: trädvårdare. Рассматривая вопрос о продуктивности словообразовательных суффиксов, С.-Й. Мальмгрен справедливо говорит о том, что суффикс может считаться продуктивным только, если он используется для создания новой лексики, а не просто регулярно попадает в язык в составе заимствований¹⁶. Следовательно, суффикс -ist едва ли может быть отнесен к разряду продуктивных.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о судьбе «женских» суффиксов. Как видно из вышеизложенного, они уже почти полностью перестали использоваться в наименованиях профессий и должностей. Постепенно уходят они и из спортивной терминологии. В то же время они продолжают широко использоваться в лексике целого ряда других тематических групп. Это убедительно показывает Биргитта Линдгрен, анализирующая именно этот аспект словника 12-го издания нормативного словаря SAOL¹⁷. При сравнении данных Б. Линдгрен со словником последнего, 13-го, издания SAOL оказывается, что в него не вошло только порядка 10 слов с «женскими» суффиксами из имевшихся в его предшественнике. Безусловно, говорить о продуктивности этих суффиксов не приходится, однако в словах, характеризующих женщину как родственницу, представителья определенной национальности, как исполнителя некой функции или действия, они обнаруживают явную устойчивость. Вместе с тем любопытно отметить, что в отдельных случаях и здесь прослеживается характерное для профессиональной сферы стремление к нейтральности наименования, что сказывается на семантике лексических единиц с «женскими» суффиксами. Так, слово *vårdinna* 'хозяйка (дома)' теперь все чаще употребляется по отношению к женщине, принимающей гостей вместе с мужем. Если же у хозяйки нет мужа, то ее предпочтительнее называть *vård* 'хозяин'¹⁸. Существительное *hjäلتinna* 'героиня' употребляется по отношению к литературному персонажу или к женщине, совершившей относительно скромный

¹⁶ *Malmgren S.-G. Förnybart, reliabelt och tvåsamf föräldraskap. Om subjektiv och objektiv produktivitet hos några suffix // Gäller stam, suffix och ord. Festschrift till Martin Gellerstam den 15 oktober 2001. Göteborg, 2001. S. 302.*

¹⁷ *Lindgren B. Förtjuserska men språkvårdare // Språkets vård och värden. En festschrift till Catharina Grünbaum. Stockholm, 2004. S. 54–63.*

¹⁸ *Språkriktighetsboken. S. 85.*

поступок, например доставшей друзьям билеты на премьеру. Если же женщина спасла кого-нибудь с риском для жизни, то ее называют hjälte ‘герой’¹⁹.

Динамика продуктивности словообразовательных моделей и отдельных словообразовательных морфем неизменно находится в центре внимания исследователей. Думается, что ситуация с суффиксами, используемыми в шведском языке для образования наименований лиц, еще долгое время будет сохранять актуальность для исследования. Даже в лексико-семантической группе слов-названий профессий, где многие вопросы уже кажутся решенными, все-таки остаются возможности для дальнейшего развития.

---

¹⁹ *Lindgren B.* Op. cit. S. 62.

А. А. Салтыков

РОМАН ЙОХАННЕСА В. ЙЕНСЕНА «ЛЕДНИК»

Творчество датского нобелевского лауреата Йоханнеса Вильгельма Йенсена (1873–1950), одного из наиболее выдающихся представителей литературы Дании конца XIX — первой половины XX в., по праву заслужило широкое признание, как в Скандинавии, так и за ее пределами. В настоящее время имя Йоханнеса В. Йенсена, прозаика, поэта, публициста и литературного критика, занимает почетное место в ряду крупнейших скандинавских литературных классиков XX в.

Цикл романов, объединенных под общим названием «Долгий путь» (1908–1922), стал одной из вершин многообразного наследия выдающегося художника.

Эволюционное учение Ч. Дарвина и мысли, впервые сформулированные Йенсеном в сборнике философских эссе «Готический ренессанс» (1901)¹, натолкнули писателя на создание целого ряда литературных произведений, повествующих об эволюции человеческого общества с древних времен до наших дней.

Каждый из шести романов «Долгого пути» («Потерянная земля» (1919), «Ледник» (1908), «Норне-Гест» (1919), «Поход кимвров» (1922), «Корабль» (1912), «Христофор Колумб» (1921)) является самостоятельным произведением, описывающим тот или иной период истории человеческого общества. Объединенные в цикл, они образуют после-

---

¹ *Куприянова И. П.* Предисловие // Йенсен Й. В. Избранное. Л., 1989. С. 6.

довательное повествование об эволюционном прогрессе человека. Таким образом, необычная авторская трактовка теории Ч. Дарвина находит здесь свое воплощение в художественной форме.

Роман «Ледник» стал первым воплощением замысла Йенсена. По исторической хронологии, первым звеном цикла является роман «Потерянная земля». Несмотря на это, именно «Леднику» было суждено стать отправной точкой при создании эпопеи. Все остальные части «Долгого пути» выстроены вокруг этого произведения.

Повествовательная модель романа — рассказ об отдельной личности, которая представляет собою проекцию целой исторической эпохи, — является характерным приемом писателя. Подобный способ построения можно проследить во многих других произведениях Йенсена (например, в романе «Падение короля», в сборниках рассказов о людях датской провинции Химмерланд и др.). Но только в «Леднике», а позднее и в других частях цикла, этот принцип впервые стал своего рода универсальной моделью организации повествования. Герои эпопеи, в отличие от героев предыдущих произведений писателя, — не просто яркие представители своих эпох, а как бы непосредственные воплощения этих исторических этапов. В подобной структуре не отрезок исторического времени обуславливает героя, а, наоборот, отдельная личность подчиняет себе движение цивилизационного развития².

Действие романа разворачивается в первобытном тропическом лесу — на территории современной Скандинавии, где обитает племя древних людей доледникового периода. Главный герой — юноша Дренг — представитель высокочтимого рода хранителей огня. Писатель изначально предопределяет дальнейшую судьбу героя: ему предстоит пройти путь от прачеловека к человеку, оторваться от родного племени и научиться жить на Леднике, в то время как его сородичи, спасаясь от холода, будут отступать на юг. В этой внутренней борьбе с самим собой, в дарвинистском «приспособлении» к условиям среды обитания происходит так называемый эволюционный скачок — обретение героем качеств современного человека³.

Потомки Дренга, подобно своему праотцу, останутся жить на Леднике и спустя много веков образуют первую на земле народ-

---

² *Handesten L., Johannes V. Jensen. København, 2000. S. 224.*

³ *Курянова И. П. Литературно-историческая концепция Й. В. Йенсена. Эпопея «Долгий путь» // Скандинавская филология. V. Л., 1991. С. 130–131.*

ность — сообщество, которое Йенсен именует «расой». Этот термин писатель использует здесь в дарвинистском значении. Позднее эта «раса», достигнув своего расцвета, начнет деградировать, и ей на смену придет другая. Тем самым Йенсен подчеркивает цикличность развития любого общественного уклада.

Сюжетная линия романа подчинена закономерному движению: в начале герой осуществляет эволюционный «скачок», который в результате приводит к формированию более совершенного общественного уклада, а позднее потомки героя, поднявшись до определенной ступени развития, перестают двигаться вперед и останавливаются на той исторической фазе, за которой следует постепенное, но неминуемое разложение этого общества.

Писатель задает в «Леднике» свой алгоритм развития культуры. Это движение по спирали, согласно Йенсену, и есть эволюция человеческого общества. Но для того, чтобы перейти на новый виток развития, обществу необходим так называемый взрыв. У Йенсена такой «взрыв» способны осуществить только люди определенного склада, типаж которых нашли в романе воплощение в образах Дренга и Видбьерна. По словам писателя, эти образы являются ни чем иным, как художественными абстракциями⁴. Герои всех романов цикла бессознательно, находясь в благоприятных с исторической точки зрения условиях, получают возможность осуществить эволюционный прорыв.

Композиционно произведение состоит из двух частей: повествование о жизни Дренга и история второго героя романа — Видбьерна, одного из многочисленных потомков Дренга, которому, так же как и его прародителю, предстояло стать изгоем своего племени и в конце концов покинуть его. И Дренгу, и Видбьерну удастся создать новое общество, более совершенное, чем то, из которого они были изгнаны. Таким образом Йенсен выводит типологические черты своего «исторического» героя, создает некий архетип так называемого эволюционера.

Сильная личность, согласно философии писателя, формируется не благодаря влиянию среды, а, наоборот, вопреки ему. Подобное развитие становится в дальнейшем универсальным для всех частей цикла. Все центральные герои «Долгого пути» (Пламень, Дренг, Видбьерн, Норне-Гест, Христофор Колумб) сталкиваются с враждебностью и непониманием со стороны своего окружения.

---

⁴ *Jensen J. V. Æstetik og Udvikling. København, 1923. S. 77–79.*

В «Леднике» Йенсен начинает разрабатывать собственную литературно-историческую концепцию, которую позднее называет «новой естественнонаучной библией»⁵. Это определение может служить объяснением принципа воссоздания целого ряда мифов-основ на протяжении всех последующих частей цикла. «Первомифы» видоизменяются, с точки зрения автора, в различных культурах, но, тем не менее, являются универсальными для всей истории развития человечества. Таким образом писателю удается привести к единому знаменателю большинство существующих мифов, легенд и культовых традиций, найти для них в рамках цикла оригинальные обоснования, трактовки и комментарии.

Образ Дренга — один из самых сложных и неоднозначных как в романе, так и в эпосе в целом. В своей «новой библии» писатель отводит этому герою роль Адама. Вместе с тем разнородное наполнение образа первого человека достигается, как правило, при помощи различных аллюзий. Герой является здесь олицетворением и Адама, и библейского братоубийцы-изгнанника Каина, и Одина — верховного божества древних скандинавов. Этот образ трактуется в романе как некая основа мифа о первом человеке, трансформировавшаяся позднее по-разному в различных культурах.

Мотив тоски о потерянной земле становится определяющей чертой всех центральных героев цикла. Таким образом, писатель представляет собственную трактовку библейского сюжета изгнания из рая. В рамках своей литературно-исторической концепции он делает вывод о том, что именно это чувство, передавшееся всем великим потомкам героя (к которым автор относит и первооткрывателя Америки Христофора Колумба, и даже создателя эволюционного учения Ч. Дарвина), легло в основу эволюционного развития человечества, стало стержнем формирования так называемой готической расы⁶.

Первым попутчиком изгнанного героя становится старая обезьяна, представленная здесь как некий символ уходящей эпохи. Она, как и все прочие жители тропического леса, вскоре умирает, не сумев перенести резкого похолодания и прихода зимы. Ей на смену приходит дикая собака, которая становится верным спутником Дренга. Датский исследователь творчества Йенсена Л. Недергор отмечает, что образ собаки — верного друга и помощника человека — был

---

⁵ Ibid. S. 40.

⁶ *Handesten L. Op. cit. S. 232.*

заимствован писателем из повести Дж. Лондона «Зов предков», предисловие к которой Йенсен написал незадолго до начала работы над романом⁷.

Образ Дренга в период его жизни на Леднике также во многом перекликается с образом Робинзона Крузо. Ссылка на роман Дефо как один из источников создания «Ледника» содержится в очерке «Принципы и источники»⁸. Здесь писатель акцентирует внимание на первостепенном значении не приспособленческого, а противоборствующего начала в образе героя романа Дефо. Аллюзией на роман «Робинзон Крузо» является и повествование о приручении животных. Своеобразным намеком на образ Пятницы стал художественный портрет Моа, спутницы героя. Йенсен неоднократно отмечал, что, на его взгляд, одним из недостатков романа Дефо является то, что спутником главного героя в нем стал мужчина, а не женщина⁹.

Моа стала в йенсеновской «библии» прообразом ветхозаветной Евы. Встреча с ней оказывается знаковой как для героя, так и для всех последующих поколений его потомков. Образ девушки и вид моря — бескрайней и неведомой стихии — рождает в душе Дренга «страстную тоску». Таким образом, мотив тоски находит еще одну ипостась в романе. Тоска о покинутом рае — «раннем детстве человеческой цивилизации» — дополняется здесь новым натурфилософским мотивом «неизлечимой родовой тоски» по бескрайней морской стихии. Это чувство, по мнению писателя, на бессознательном уровне также укореняется в душах потомков первого человека.

В повествовании о создании первого постледникового общества Йенсен представляет патетический рассказ о добыче огня. Память об огне тесно связана в сознании героя с воспоминаниями о жизни в первобытном лесу. Мотив огня и акт его добычи получают в романе и эпосе в целом символическое наполнение. Огонь становится неким олицетворением воспоминания о «рае на земле», сохраненном в генетической памяти героев. Каждый из последующих героев эпоса обязательно проходит стадию лишения огня и вынужден самостоятельно добывать его вновь. Подобный акт добычи огня предвзвращает человечества на новую ступень цивилизационного развития. Благодаря добыче огня герою удается начать вести оседлый образ

---

⁷ *Nedergaard L.* Johannes V. Jensen. København, 1943. S. 170.

⁸ *Jensen J. V.* Op. cit. S. 46.

⁹ *Nedergaard L.* Op. cit. S. 170.

жизни и, таким образом, встать у истока первой самостоятельной народности. Огонь становится в произведении, с одной стороны, основным источником новой жизни, с другой — вечным напоминанием о «детстве человечества», нашедшим позднее воплощение в мифе об Обетованной земле.

Сакральная составляющая мотива добычи огня находит отображение в так называемых мгновениях. «Мгновения» — это своеобразные иррациональные просветления в сознании героя, видения, которые длятся долю секунды — время, пока вылетает кремневая искра, — в реальном времени. Вместе с тем они вмещают в себя продолжительные видения героя.

Во время первого из таких видений герой оказывается в диком фантастическом лесу. Здесь к нему приходит осознание своего родства с дикой природой. В то же время его переполняет чувство покровительства и ответственности за весь животный и растительный мир. В данном фрагменте писатель воссоздает дарвинистскую идею о взаимосвязи и стадильности происхождения на земле различных видов существ и растений. В этой системе человек предстает как одна из составных частей природы, но вместе с тем выделяется как наиболее совершенное из всех земных существ. Таким образом, за одно «мгновение» Дренг постигает все тайны природы и осознает свое место в этой сложной взаимосвязанной системе. Йенсен замечает здесь, что просветление героя происходит на подсознательном уровне. Когда искра потухает, завершаются длительные странствия героя по дикому лесу, он оказывается в своем жилище, не сохранив в памяти того, что с ним происходило.

Следующая искра, высеченная героем, переносит его во времени на много тысячелетий вперед. Дренг оказывается на улицах Чикаго начала XX в. Ему открывается будущее, которое, по мнению автора, предстает очередным воплощением предыстории человечества. Американский город является здесь символическим преемником дикого древнего леса. Йенсен также подчеркивает, что отношения между обитателями американского города фактически подчинены тем же законам, которые определяли жизнь в древнем лесу. Оба «мгновения» — звенья, замыкающие историческую цепь. Развитие современного человека, утверждает писатель, стало возможно благодаря той неосознанной тоске по утраченной земле вечного лета и тяге к морским путешествиям, которые зародились в характере Дренга много тысячелетий назад и передавались его потомкам.

Третье «мгновение» становится итогом мифа о Дренге и заключением первой части «Ледника». Здесь герой переносится на полвека вперед, оказывается в окружении целого народа своих потомков. Сам Дренг предстает в этом эпизоде седым стариком. Предвидя скорую смерть, он вместе со своим огнивом спускается в каменный склеп. Там он проводит несколько дней, слагая песни о своей долгой жизни. Как такового описания смерти героя в произведении нет. Говорится, что Дренг завалил за собой вход тяжелым камнем, но спустя несколько дней люди увидели свет, исходивший из могилы. Таким образом, Йенсен представляет здесь читателю аллюзию на библейский сюжет о воскресении.

Последнее видение Дренга — единая многоплановая картина мира в самых разнообразных его проявлениях. Центральное место этого живописного полотна писатель отводит солнцу как первопричине любой жизни на земле. Здесь герою открываются все тайны мироздания, все загадки Вселенной. Этим патетическим эпизодом завершается рассказ-миф о первом человеке.

Образ героя получает мифологический колорит благодаря многочисленным косвенным наименованиям, которые нередко используются писателем на протяжении всего повествования. Дренг выступает как Всеотец, Одноглазый, Дренг Древний и т. д. Спутница героя также получает имя Моа Древней. Таким образом, писатель старается соблюсти как внешнюю, сюжетную, так и формальную специфику мифологического повествования, стремится максимально стилистически приблизить свою описательную манеру к мифологической. С этим также связано отсутствие диалогической речи как в романе, так и цикле в целом, а также присутствие в произведении так называемого автора-проповедника¹⁰, который рассказывает читателю миф: поясняет причинно-следственные связи событий, приводит свою трактовку отдельных фрагментов, ставит перед читающим многочисленные риторические вопросы.

Потомки Дренга становятся новым народом, который стоит на более высокой эволюционной ступени. Тем не менее общество «северян», после того как происходит его окончательная адаптация к новым условиям жизни, начинает постепенно деградировать. Со временем внутри этого общества создается иерархия, лидирующее положение в которой принадлежит роду Гарма, происходящему от

---

¹⁰ *Неустроев В. П.* Литература скандинавских стран (1870–1970). М., 1980. С. 124–125.

первенца Дренга. Вырождающемуся обществу требуется новый эволюционный рывок, который в состоянии осуществить новый герой — один из многочисленных потомков Дренга. Он наследует от своего великого предка все качества, необходимые для этого рывка. Таким героем становится Видбьерн — второй центральный образ романа.

Его жизненный путь во многом повторяет путь Дренга. Повествование о Видбьерне содержит те же основные элементы: культурная стагнация, отчужденность от своего народа, преступление, побег, образование новой семьи, которая впоследствии перерастает в новый народ¹¹. Здесь также происходит эволюционный «скачок», возможный вследствие противостояния природным условиям. Центральное место в психологическом портрете героя также занимают подсознательная тоска по утраченной земле далеких предков и страсть к морским путешествиям. Таким образом, можно вновь проследить реализацию идеи писателя о том, что мир человека, с одной стороны, претерпевает очередное обновление, входит в новую эволюционную фазу, с другой — остается неизменным в своей основе. В соответствии с этим философским осмыслением исторического развития человека Йенсен впоследствии будет выстраивать общую линию всего цикла.

Во второй части произведения представлены такие мифо-эпические сюжеты, как победоносная схватка Видбьерна и единорога — воплощение древнейшей состязательной мифологемы и убийство сородича во имя восстановления справедливости — один из основополагающих мотивов эпической традиции в литературе. Отстранение героя от враждебной окружающей среды, его дистанцированность и выделенное автором превосходство над другими также являются распространенными сюжетобразующими мотивами героического мифа.

В образе спутницы героя Воор мы находим большинство черт Моа. Она так же помогает раскрыться всем его талантам и способностям, но сама при этом остается в тени своего мужа, олицетворяя собою материнство и вечную любовь. Проникновенные лирические описания героини вплетаются здесь в текст произведения, контрастируют с его динамичным сюжетным повествованием.

Образ Видбьерна имеет целый ряд черт одного из верховных богов древнескандинавского пантеона — Тора. Писатель реконструи-

---

¹¹ *Handesten L.* Op. cit. S. 227.

рует истоки скандинавской мифологии, возросшие, по его представлениям, в древности на реальных основах, которые позднее были мифологизированы и претерпели многочисленные изменения в различных культурах.

Здесь мотивы древнескандинавской мифологии тесно переплетаются с библейскими сюжетами. Йенсен не разграничивает христианство и язычество. Для него и то, и другое — единая мифологическая система, имеющая под собой реальную историческую основу. Например, ветхозаветный сюжет о Всемирном потопе и Ное также находит в романе своеобразную интерпретацию. Таящий Ледник начинает затоплять местность, где живет герой со своей семьей, в результате чего Видбьерн вынужден построить судно и отправиться на нем в путь.

Вторая часть завершается рассказом об образовании нового общественного уклада Севера — прямого предшественника древнескандинавского общественного строя. Корабль Видбьерна становится воплощением неминуемого распространения культуры Севера, которое начинается с этого времени по всей планете.

Произведение включает глава-миф «Жаворонок». Здесь Йенсен вводит нового героя — мореплавателя Свейна. Он приплывает к берегам незаселенной Дании. На лоне живописных ландшафтов северной природы Свейн обустраивает свою жизнь и обзаводится семьей. Этот самостоятельный фрагмент не имеет непосредственной сюжетной связи с предшествующими событиями романа. В то же время именно здесь писатель, с одной стороны, завершает повествование о «раннем детстве человечества» — преодолении эволюционного пути от прачеловека к человеку, его эпическом переходе через «ледниковый барьер»; с другой — создает в романе композиционную цикличность¹².

Повествование заключается философским рассуждением о том, что детство человечества — это потерянная земля тропических доледниковых лесов, но к этому тезису, выдвинутому в начале произведения, автор добавляет, что он справедлив и для каждого отдельного человека. Здесь Йенсен вновь декларирует дарвинистскую мысль об универсальности законов природы как для человека, так и для всего окружающего его мира.

Таким образом, заключительная глава романа, его эпилог, является самостоятельной частью произведения — мифом о первом засе-

---

¹² *Handesten L.* Op. cit. S. 227–228.

лении Дании. Вместе с тем этот заключительный фрагмент становится своего рода связующим звеном между доисторической эпохой и древним периодом истории человечества, повествование о котором писатель развертывает в последующих четырех частях цикла — романах «Норне-Гест», «Поход кимвров», «Корабль» и «Христофор Колумб».

Н. Н. Толстая

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ КАК ТЕМА У ПЕТЕРБУРГСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Россия без морей

Из всех царей и императоров, занимавших российский трон, только двое получили титул «великий». Среди российских самодержцев были «грозный», «тишайший», «благословенный» и «освободитель», тоже немало сделавшие для государства и народа. Например, Александр II, освободивший крестьян от рабства, давший своей стране много прогрессивных реформ, положивший конец 25-летней солдатской службе, — разве недостоин был титула «великого»? Но Александр II сделал и то, чего ему до сих пор не простили: сдал в аренду Америке русскую территорию, Аляску, которая назад уже не вернулась. «Великие» же Петр I и Екатерина II завоевали для России выходы к морям: Петр — к Балтийскому, Екатерина, спустя 75 лет, — к Черному.

Много веков Россия жила без выхода к морям, Белое море не могло удовлетворить потребностей огромной страны. Допетровская «святая Русь» — это страна церквей и монастырей, без школ и университетов, без светского искусства. Известны описания жизни и быта великих князей и царей до эпохи Петра: рано вставали и рано ложились, трижды в день отстаивали долгую церковную службу, много ели и пили, долго спали после еды. Спешить было некуда. Ко всем иностранцам относились с подозрением, но обойтись без них как специалистов тоже не могли. И вот про эту спящую долгим

сном страну монах Филофей сказал знаменитые слова, которые повторялись в течение 400 лет: «Москва есть третий Рим, четвертому не бывать». Ясно, что Москву он сравнил с Римом не потому, что оба эти города стоят на семи холмах.

Балтийское море — окно в Европу

В знаменитой поэме Пушкина «Медный всадник», написанной в начале XIX в., есть слова, которые стали одними из наиболее часто цитируемых. О поднимающемся из болот Петербурге — Северной Венеции — поэт писал:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Факт выхода России к Балтийскому морю был с восторгом встречен и самодержцем, и народом, а затем и русскими поэтами. Вся поэма посвящена тому, «чьей волей роковой Под морем город основался». С наследием Пушкина должны были считаться все писатели, желавшие сказать свое слово о Петербурге, Неве и Балтийском море. Но не все разделяли вдохновение Пушкина, его веру в то, что

Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Пушкин был последним певцом светлой стороны Петербурга, стоящего на Балтийском море. Сам Пушкин ни разу в жизни не был за границей и не потому, что не хотел, — Николай I не разрешал ему выехать за границу. Пушкин был «невъездным». Окно, которое прорубил Петр, оказалось тюремным окном с решеткой.

Сразу после октябрьского переворота 1917 г. начались побегии на запад через Балтийское море. С кронштадтских фортов по беглецам стреляли из винтовок, но многим удавалось бежать. Григорий Лозин-

ский, брат известного переводчика Михаила Лозинского, оставшегося в Советской России, бежал тем же путем, но летом на лодке. С собой этот молодой человек смог взять только связку любимых книг. Лодка то пряталась в камышах, то шла на веслах. И этот побег тоже удался. Молодой человек стал впоследствии профессором Сорбонны и умер в захваченном немцами Париже от голода, отказавшись сотрудничать с оккупантами. Его дочь до сегодняшнего дня хранит в своей библиотеке те самые, вывезенные на лодке книги, показывая друзьям пятна, оставшиеся от воды Финского залива.

Столица, отвернувшаяся от моря

Петербург был задуман как форпост России на Балтийском море. Состоятельные жители Петербурга не селились на взморье. Вспомним хотя бы уже упомянутую поэму «Медный всадник». Любимая девушка героя поэмы Евгения жила с матерью «почти у самого залива», и жизнь эта проходила скудно: «Забор некрашенный да ива // И ветхий домик». В начале XIX в. была архитектурно оформлена Стрелка — мыс Васильевского острова. Здесь была построена биржа со скульптурой бога морей Посейдона, поставлены роstralные колонны-маяки. Это была международная гавань со всеми полагающимися символами и эмблемами. Сюда пришел первый в истории города торговый корабль из Голландии. Набережные в этом месте были завалены товарами. Порт находился в центре столицы, а не на морском берегу.

В рассказах Ивана Генслера (1820–1870) мы находим интересную характеристику отдаленного угла Петербурга — Гавани. Тема наводнения трактуется у него в бытовых тонах, ведь гавань, как и весь Петербург, каждую осень затопляет вода. «Между тем как в других частях города спокойно выслушивают третий пушечный выстрел из Адмиралтейства, возвещающий о значительном возвышении воды в невских берегах, — в Гавани при третьем выстреле все приходит в движение, все засуетилось. И недаром: очень часто вслед затем Гавань превращается в Венецию». Однако обитатели Гавани не покидают это место. «Все в Гавани глядит ветхостью, все скрипит, кряхтит и кашляет. Этим старичкам-домикам очень хотелось бы прилечь на покой после испытанных ими тревог, бурь и непогод. Они поседели, поросли мохом, как надмогильные деревянные кресты их первых

владельцев, давно покоящихся под сенью берез Смоленского кладбища»¹.

Два века на самом берегу залива все сохранялось в первобытном состоянии. Писатели и поэты второй половины XIX в. полюбили окраины города и искали в них еще не исследованные стороны городской жизни. Постепенно в их восприятии образ столицы империи видоизменяется. Возникает и разрабатывается тема неотвратимой гибели Петербурга. В воображении авторов искусственно задуманный и созданный город исчезает, погребенный морскими волнами. Поэт Михаил Дмитриев в стихотворении «Подводный город» (1847), представляющем собой парафраз пушкинских стихов о Петербурге, пишет о том, как старый рыбак и мальчик спускают ветхую лодку на воду. Мальчика берет тоска, и он спрашивает у старика, «о чем море стонет». Старик показывает на шпиль, торчащий из воды, к которому они привязывали лодку, и говорит:

Тут был город, всем привольный
И над всеми господин;
Ныне шпиль от колокольни
Виден из моря один.

Город уничтожен за свои грехи, как Содом и Гоморра. Такова вторая русская легенда о подводном городе (первая рассказывала о граде Китеже, ушедшем под воду в условиях угрозы нашествия татар).

О том, что когда-нибудь весь город провалится, думали не только политические враги Петра Первого, в первую очередь косные московские бояре. Так, увы, думал и народ, не понимая, зачем на пустом бесплодном месте нужно во что бы то ни стало, ценой тысяч жизней, строить никому, кроме царя, не нужный город. Для Дмитрия Мережковского (1866–1941) как философа-мистика Петербург есть неудавшийся синтез России и Запада, насилие над русской историей. Это город, изначально обреченный. По Мережковскому, образ смерти Петербурга присутствует уже у его колыбели. В романе «Петр и Алексей» город является действующим лицом, играющим существенную роль в судьбе героев. Тема наводнения особенно привлекала Мережковского. В романе мы читаем, что Петр Первый во всех взо-

---

¹ Цитаты из кн.: *Генслер И. С.* Голландские чиновники в домашнем быту. СПб., 1904. С. 4–9.

рах читал древний страх воды, с которым боролся всю жизнь: «Жди горя с моря», «беда от воды»; «где вода, там и беда», — гласили народные пословицы.

«Петербургу быть пусту» — это пророчество генетически восходит к Книге Иеремии, где предсказывалась гибель и потопление Вавилона. Известны два круга документальных источников, отметивших это легендарное проклятие новой столице. Первый — протоколы допросов Алексея, старшего сына Петра Первого, в которых это заклятие приписывалось его матери, царице Евдокии Лопухиной. Другие источники, бумаги Тайной канцелярии 1722 г., говорят о распространившемся в Петербурге слухе: на колокольне церкви св. Троицы завелась кикимора (ведьма), и дьякон этой церкви произнес именно это пророчество — о городе, который будет брошен жителями. В XIX в. его предсказание превратилось в устойчивую формулу и использовано во многих художественных произведениях XX в. (например, в «Поэме без героя» Анны Ахматовой).

Город Преступления и Наказания

Из богатого литературного наследия Федора Достоевского (около 30 романов, повестей и рассказов) можно выделить около 20 произведений, в которых Петербург выступает как фон для сюжета. Достоевский воспринимал Петербург глубоко и сложно. Вообще северная столица получила у Достоевского многообразное отражение. Его отзывы о Петербурге столь разноречивы, что трудно понять, каково органическое отношение писателя к городу. То появляется образ чахоточной девушки из «Белых ночей», олицетворяющей собой Петербург, то утверждается, что в столице нет ничего своего, все заимствовано, и все по-своему исковеркано.

Внимание Достоевского приковывает водная стихия Петербурга. Нева, ее рукава и каналы играют большую роль в его произведениях. Мы часто видим его героев, пристально всматривающимися в чернеющие воды. Петербург вырос вдали от истоков русской национальности, и писатель называет этот город «самым умышленным городом в мире». Свойственные XIX в. бытовые картины на темы «физиологии города» часто встречаются и на страницах прозы Достоевского. Пристально всматривается Достоевский в облик города. Его скучный, больной и холодный вид не пугает писателя, он прозревает за этой

отталкивающей оболочкой иной внутренний мир. «Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная греза: а что как разлетится туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе этот гнилой город? Поднимется вместе с туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее финское болото...» В знаменитом романе «Преступление и наказание» Петербург предстает как город мрака, ветра и мокроты. В романе есть два последовательных сюжета, соответствующих заглавию, — история Раскольникова и история Свидригайлова. Преступление Раскольникова совершается возле Сенной площади, там же он кается и просит прощения у народа. А Свидригайлов совершает преступление «в темную ночь, во мраке и холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер», и затем уходит на Петровский остров, чтобы и с жизнью покончить в такую же мрачную сырую ночь. Стрелка Петровского острова вдается в Финский залив, который как бы тоже вовлекается в трагическую развязку. Вспомним слова писателя из «Братьев Карамазовых» о русском человеке, душа которого так широка, что не мешало бы сузить, чтобы идеал содомский не уживался в его душе с идеалом Мадонны. «Свидригайлов пошел по скользкой грязной деревянной мостовой по направлению к Малой Неве. Ему мерещились высоко поднявшаяся за ночь вода, Петровский остров, мокрая трава, мокрые деревья и кусты». Как мы видим, постоянный акцент, который Достоевский делает на воде, сырости и мокроте, не случаен.

«Холодные и сырые вечера, когда у всех прохожих бледно-зеленые лица» («Преступление и наказание»). «Ночь ужасная, мокрая, туманная, когда ветер вздымает черную воду» («Подросток»). «Могилы, в которых вода, совершенно вода и какая зеленая» («Бобок»). Явившись Раскольникову, как призрак, Свидригайлов исчез в сыром туманном утре Петербурга, а водная стихия воспринимается читателем как стихия греха.

Двадцатый век

Два выдающихся поэта XX в., Александр Блок и Анна Ахматова, создали несхожие образы Петербурга. Блок, родившийся на территории Санкт-Петербургского университета, ректором которого был его дед, узнал всероссийскую славу первого поэта, принял и февральские, и октябрьские революционные события, поверив, что наступает обновление мира (вспомним поэму «Двенадцать»). Но октябрьский

переворот, за которым последовала гражданская война, принес Петрограду голод, аресты заложников и гонения на интеллигенцию. Когда поэт понял свою роковую ошибку, оказавшись в полной изоляции, он тяжело заболел и умер.

Блок сказал о Петербурге «город мой непостижимый». Все части города — его гавань, каналы, предместья — нашли отзвук в его стихах. Петербург-порт получает неожиданное освещение, город наполняется дыханием моря: «И в переулках пахнет морем». Водный простор пробуждает тоску по далеким краям, романтические мечтания. Но в Петербурге накануне Первой мировой войны поэт не находит романтики. Вот как изображен в стихотворении «В северном море» курорт на Финском заливе:

Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями.

<...>

И дряблость мускулов и груди обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.

Как всякому настоящему поэту, обывательская пошлость была невыносима для Блока, но он не мог знать, что впереди его ждут несравнимо более тяжкие испытания.

Анна Ахматова (1889–1966) родилась и провела отроческие годы на берегу Черного моря. Южная Россия (нынешняя Украина) и тогда, и сейчас разительно отличалась от Петербурга по языку, культуре, обычаям и традициям. Ахматова полностью отказалась от своего южного наследия и свой новый облик сохранила навсегда. Это был одновременно скромный и величественный облик поэта от Бога. Об Ахматовой говорили, что у каждого поэта есть муза, но Ахматовой муза не нужна: она сама себе муза.

В последние годы жизни, когда после долгих лет молчания Ахматова, будучи уже старой и больной женщиной, вновь обрела имя и

славу, она получила от Союза писателей небольшую дачу в Комарове (Териоки). Эту дачу она называла «будкой» и очень полюбила Карельский перешеек, где написала много лирических стихотворений, навеянных близостью Балтийского моря. «Мне мачт корабельных мерещится скрип», «И этот воздух, воздух вешний, Морской свершивший перелет» — это строки из стихов разных лет, но все они объединены морской темой.

Земля, хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.
На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

Это стихи 1964 г., написанные за два года до смерти. Ахматова — поэт подлинной пушкинской традиции.

Вообще говоря, тема Балтийского моря возникала в русской литературе только в связи с Петербургом. Невозможно перечислить всех русских писателей и поэтов, которые писали о Петербурге, — писали двояко, и гимны, и проклятия. Мы сознательно не касаемся ни второй мировой войны, ни блокады Ленинграда, отраженных во многих произведениях поэзии, прозы и драматургии. Это отдельная тема.

Е. М. Чекалина

НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЯ SIN В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из немногих различий между датской и шведской грамматикой является употребление возвратно-притяжательного местоимения *sin* при анафорической отсылке к 3-му лицу. В датском языке это допустимо только с именным коррелятом в единственном числе, а в шведском распространяется и на множественное число; ср.: дат. Han (hun) vasker sine hænder; De vasker deres hænder¹; Pigen leger med sine dukker; Pigerne leger med deres dukker², но швед. Han håller sitt löfte; De håller sitt löfte³; Eleverna har sina förkunskaper⁴.

Правда, в южношведском региональном варианте, как в датском языке, при именном корреляте множественного числа вместо возвратного встречается притяжательное местоимение 3-го л. *deras*, например: Skottar är kända inte allena för deras sparsamhet, utan också för deras oftast lika utpräglade saklighet⁵.

В большинстве случаев появление возвратно-притяжательного местоимения «регулируется правилами прономинации, носящими

---

¹ Еснерсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 259.

² Karker A. Sprogbrug og sprognormering: Tilfældet hver sin i dansk // Språket lever! Festskrift till Margareta Westman. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 80. Falun, 1997. S. 137–144.

³ Thorell O. Svensk grammatikk. Stockholm, 1973. S. 87.

⁴ Ibid. S. 89.

⁵ Svenska akademiens grammatik. Stockholm, 1999. Bd. 2. S. 332.

строго синтаксический характер»⁶. Тем не менее, как писал Э. Велландер в своей широко известной книге «Riktig svenska», на протяжении всего XX в. служившей основным пособием по нормативной грамматике и стилистике шведского языка, употребление возвратных местоимений является одной из наиболее часто обсуждаемых и спорных проблем шведской грамматики: «I många fall kan en bestämd regel givas och följas, men i andra fall står regel mot regel, och språkkänslan är osäker. Ofta ger den enes språkkänsla bestämt utslag i en riktning, den andres i en annan, beroende på någon olikhet i tankegång, i medvetna eller omedvetna analogier, i språklig skolning, i tycke och smak»⁷. Ему вторит на исходе XX в. и современный шведский языковед Л.-Г. Андерсон: «Valet mellan *sin* och *hans*, *sin* och *hennes*, *sin* och *dess* och *sina* och *deras* hör till knepigheterna i den svenska grammatiken»⁸.

Постановка *sin* является обязательной, когда именной коррелят анафорической отсылки выступает смысловым субъектом предикации в рамках простого предложения, независимо от синтаксической функции. Чаще всего, однако, он является грамматическим субъектом: Hon målade *sin* båt / sitt hus / *sina* naglar⁹; Han gladdes åt *sin* brors framgångar¹⁰; Hon föreföll aldrig irriterad på *sina* medarbetare¹¹; Han lovade (mig) att ta med *sina* dikter till nästa gång; Hon räknade med att få *sin* artikel antagen¹²; Axel talade länge om en resa till *sin* födelsesocken¹³; Genom denna berättelse gjorde han mig nyfiken på *sin* fru¹⁴.

В одноремных высказываниях с формальным грамматическим субъектом и реальным подлежащим в постфинитной позиции местоимение *sin* кореферентно последнему: Plötsligt flög det upp några fåglar från *sina* pinnar; Det sitter en gubbe därnere i *sin* gungstol och pratar med alla som kommer förbi¹⁵.

---

⁶ Исаченко А. В. О синтаксической природе местоимений // Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 160.

⁷ Wellander E. Riktig svenska. En handledning i svenska språkets vård. Tredje, översedda upplagan. Stockholm, 1948. S. 233.

⁸ Andersson L.-G. Vi säger så. Falun, 2000. S. 110.

⁹ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 230.

¹⁰ Teleman U. Den lätta tumregeln och den svåra verkligheten // Språket lever! Festskrift till Margareta Westman. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 80. Falun, 1997. S. 271–280.

¹¹ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 336.

¹² Ibid. S. 335.

¹³ Ibid. S. 334.

¹⁴ Ibid. S. 336.

¹⁵ Ibid. S. 340.

Под прототипическое употребление с именным коррелятом *sin* в функции подлежащего подпадают также предложения, осложненные синтаксическими оборотами:

- ❑ со сравнительной частицей *än*: *Per är äldre än sin bror*¹⁶;
- ❑ со сравнительным союзом *som*; *Per hade samma yrke som sin bror*¹⁷;
- ❑ с предлогом *utom* в союзной функции¹⁸: *Utom sin bror kände kassören bara två personer i församlingen*¹⁹;
- ❑ с предложно-инфинитивным оборотом: *Hon ville imponera på oss genom att visa sina talanger i matlagning*²⁰;
- ❑ при безличном оформлении предложения с «низведенным» смысловым субъектом инфинитива: *Det går lätt för Per att skriva ner alla sina idéer*²¹.

Возвратно-притяжательное местоимение может употребляться и при отсутствии эксплицированного именного коррелята для указания на обобщенный смысловой субъект инфинитивной конструкции в высказываниях различной синтаксической структуры:

- ❑ с инфинитивом цели: *Skåpet är avsett att lägga sina privata saker i*²²;
- ❑ с инфинитивной конструкцией в постфинитной позиции при формальном грамматическом субъекте: *Det är dumdrigt att säga upp sig från sitt arbete i dessa tider*²³; *Det är skönt att få sova i sin egen säng*²⁴; *Någon att anförtro sina hemligheter är det viktigt att ha*²⁵; *Det är inte alltid lätt att hålla sina löften*²⁶; *Det är inte lätt att ha sina barn på sjukhus*²⁷;

---

¹⁶ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 336.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ См. об этом: *Чекалина Е. М.* Частеречный статус полифункциональных слов в современном шведском языке // *Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения*. Вып. IV. Великий Новгород, 2002. С. 143–151.

¹⁹ *Teleman U.* Op. cit. S. 276.

²⁰ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 335.

²¹ Ibid. S. 331.

²² Ibid. S. 335.

²³ Ibid. S. 334.

²⁴ Ibid. S. 332.

²⁵ Ibid. S. 335.

²⁶ *Thorell O.* Op. cit. S. 90.

²⁷ *Teleman U.* Op. cit. S. 275.

- с инфинитивной конструкцией в инициальной позиции грамматического субъекта: Att segra är sin egen belöning²⁸; Att opponera sig mot sina lärare lönar sig inte längre²⁹; возможна также замена инфинитива синонимичным существительным с процессуальной семантикой: Oppositionen mot sina lärare lönar sig inte längre³⁰.

Нередки, однако, и такие случаи, когда именной коррелят возвратного местоимения является второстепенным членом предложения:

- препозитивным определением в форме генитива: Peters bok om sin far är mycket intressant³¹;
- дополнением: Att odla sin trädgård roade honom mest av allt³²; Vi erbjöd fångarna daglig kontakt med sina fruar³³.

Именной коррелят в функции дополнения встречается также в предложениях осложненной синтаксической структуры:

- при сложном дополнении с инфинитивом: Vi hörde honom spela sina skivor³⁴;
- при распространенном постпозитивном определении к дополнению, выраженном причастием: Vi såg Bengt bärande på sin gamla väska³⁵;
- в предложениях с объектным предикативом: Detta har gjort Bengt besviken på sina vänner; Jag betraktade Koivisto som sitt lands främste politiker³⁶;
- при инфинитивном обороте с предлогом: Jag misstänkte honom för att ha sålt sina skivor³⁷;
- при каузативном предикате с инфинитивной конструкцией после дополнения, раскрывающей содержание каузации: Vi förbjöd Axel att ta med sin dator³⁸.

---

²⁸ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 332.

²⁹ Ibid. S. 334.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. S. 340.

³² Ibid. S. 335.

³³ Ibid. S. 334.

³⁴ Ibid. S. 335.

³⁵ *Teleman U.* Op. cit. S. 275.

³⁶ Ibid.

³⁷ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 335.

³⁸ Ibid. S. 331.

Однако в синтаксически осложненных высказываниях с несколькими актантами однозначная трактовка коррелята *sin* возможна только при подлежащем в 1-м и 2-м л., когда замещение возвратным местоимением недопустимо: *Jag visade Peter till sitt rum; Jag upptäckte Per vid sitt skrivbord; Vi gav Peter sin välförtjänta belöning*³⁹. При нескольких актантах в 3-м л. сразу же возникает неопределенность анафорической отсылки, например: *Bertil lät inte Peter tala med sin syster*⁴⁰; *Bengt såg Peter läsa i sin bok*⁴¹; см. также остроумный пример с тремя актантами, придуманный У. Телеманом: *Bengt lät Peter se Katrin sova i sin säng [sin = Katrins eller Peters eller Bengts]*⁴². Аналогичный пример реального употребления, «в котором можно при желании усмотреть двусмысленность», приводит в своей книге Э. Велландер: *En morgon fann städerskan honom död i sin säng*⁴³.

В случаях подобного рода при употреблении *sin* в предложениях с несколькими актантами 3-го л. имеет место синтаксическая синонимия: *De (1) lät barnen (2) bo i sitt föräldrahem; Per (1) lät Bengt (2) köra sin båt*⁴⁴; *Per (1) skickade ut Bengt (2) för att möta sin moster*⁴⁵; *Per (1) visade Björn (2) till sitt rum*⁴⁶.

Судя по приведенному в статье У. Телемана материалу, при выборе именного коррелята *sin* действует принцип преимущества контактного расположения: *Peter lyssnade på Axels berättelse om Ernsts besök hos sin kusin [sin = Ernsts, men också alternativt Axels eller Peters]*⁴⁷.

Иногда в языковой системе имеются специализированные средства, позволяющие снимать омонимию подобного рода, как, например, в предложениях с предикатом, выраженным глаголом *be* и предложно-инфинитивной конструкцией, ср.: *Katrin bad Peter om att få ringa till sin bror [sin = Katrins]*, но: *Katrin bad Peter om att ringa till sin bror [sin = Peters]*⁴⁸. Возможная неоднозначность снимается в первом

---

³⁹ *Teleman U.* Op. cit. S. 276.

⁴⁰ *Ibid.* S. 271.

⁴¹ *Ibid.* S. 279.

⁴² *Ibid.* S. 277.

⁴³ *Wellander E.* Op. cit. S. 250.

⁴⁴ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 331.

⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁶ *Ibid.* S. 335.

⁴⁷ *Teleman U.* Op. cit. S. 278.

⁴⁸ *Ibid.* S. 274.

предложении облигаторным употреблением полувспомогательного глагола *få* при инфинитиве, которым маркируется, что Катрин попросила разрешения позвонить своему брату⁴⁹; во втором предложении, напротив, речь идет о том, что Катрин попросила Петера, чтобы тот позвонил своему брату.

В ряде случаев однозначное указание на именной коррелят обусловлено ситуативным контекстом; так, в предложениях *Polisassistenten bad Anna visa sitt pass*; *Polisassistenten lät Anna låna sin bil*⁵⁰ семантика предикатов прямо указывает на именной коррелят возвратного местоимения — косвенное дополнение в первом случае и подлежащее во втором.

Особо следует выделить случаи употребления *sin* в составе синтаксических групп со свернутой предикацией, ядром которых являются существительные с процессуальной семантикой — *nomen actionis*, *nomen qualitatis* или *nomen agentis*. Чаще всего коррелят в форме генитива является смысловым субъектом процесса (у *nomen actionis*) или состояния (у *nomen qualitatis*), выраженных некусными существительными⁵¹, а возвратное местоимение входит в состав постпозитивного предложно-субстантивного определения к такому существительному: *Vi hörde om Pers besök hos sin gamle lärare*; *Skolans ansvar för sina elever efter skoltid är lika med noll*; *Pers generositet mot sina vänner var välkänd*⁵².

Свернутая предикация может содержаться и в *nomen agentis*, которое способно выступать именным коррелятом возвратного местоимения *sin* в составе постпозитивного предложно-субстантивного определения: *Jag kunde inte stå ut med denne pratsamme beundrare av sin stad*; *Fiender till sina egna ekonomiska intressen har vi gott om i det här partiet*⁵³.

---

⁴⁹ См. подробнее: *Чекалина Е. М.* О значении сочетания *få* с инфинитивом в современном шведском языке // Вопросы германского языкознания. М., 1985. С. 122–126.

⁵⁰ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 331.

⁵¹ Некусные существительные как особый разряд имен были выделены О. Есперсеном, включившим в эту группу не только отглагольные *nomen actionis* (напр., англ. *arrival*), но и предикативные *nomen qualitatis*, образованные от прилагательных (напр., англ. *cleverness*); близостью между этими разрядами он объясняет, в частности, то обстоятельство, что датский язык, в котором нет отглагольного существительного, соответствующего глаголу *elske*, употребляет вместо него *kærlighed* от прилагательного *kærlig*; см. об этом: *Есперсен О.* Указ. соч. С. 155.

⁵² Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 333.

⁵³ *Ibid.* S. 339.

В благоприятных синтаксических условиях в качестве коррелятов возвратного местоимения в составе синтаксических групп могут выступать имена родства: *Jag har träffat två av hennes barn med sin förste man*⁵⁴; *Ser du Bengt där borta med armen om livet på sin nya fru?*; *Jag talade med min moster, sin systers motsats i allt*⁵⁵.

При трансформациях, обусловленных коммуникативными задачами, возвратное местоимение и его именной коррелят оказываются в разных субъектно-предикатных структурах, составляющих сложное синтаксическое целое:

- выделительную конструкцию с «расщеплением» (швед. *utbrytning*): *Det var sin bror som Bengt pratade med i telefonen*⁵⁶;
- сложноподчиненное предложение с «переплетением» главной и придаточной изъяснительной частей (швед. *satsfläta*): *Sin bror tror jag inte Anna har träffat på länge*⁵⁷; *Sin bror vet jag inte om Anna har pratat med*⁵⁸.

Как видно из этих примеров, в случаях эмфазы возвратно-притяжательное местоимение может предшествовать именному корреляту; важнейшим условием его употребления является сохранение смысловой структуры исходной модели.

Анализируя русские возвратные местоимения, А. М. Пешковский обратил внимание на то, что «когда возвратное местоимение относится к 3-му лицу, может возникнуть некоторая неясность в его значении, объясняющаяся конкуренцией нескольких третьих лиц, к одному из которых можно отнести возвратное местоимение. Дело в том, что, в отличие от первого лица, которое, конечно, всегда едино для всей данной речи, и от второго лица, которое всегда едино для данного предложения, третье лицо может мыслиться перемененно на протяжении даже одного и того же предложения. В жизни, конечно, обстановка, а в литературе контекст (иногда очень отдаленный) вызывают в нас должное понимание, хотя нередки и недоразумения на этой почве. Социальная функция местоимений, разряда, наиболее ярко воплотившего в себе две основные сущности языка — отвлеченность и социальную обусловленность, — делается здесь столь

---

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ *Teleman U. Op. cit. S. 275.*

⁵⁶ *Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 342.*

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ *Teleman U. Op. cit. S. 272.*

тонкой, что “рвется”. В русском языке эта двусмысленность в пределах данного предложения обостряется еще и тем, что возвратное местоимение может тут относиться, как мы только что видели, ко всем трем лицам. В известном, например, стихотворении Пушкина *Слыхали ль вы за роццей глас ночной / Певца любви, певца своей печали?* контекст заставляет относить слово *своей* к слову *певца* (которое как глагольное существительное совмещает здесь в себе и действие, и субъект его); мы представляем себе, конечно, что этот певец поет о своей печали. Но в других условиях контекста мы могли бы относить *своей* и к слову *вы* как субъекту другого действия того же предложения (*слыхали*), т. е. понимать этот вопрос, как *слыхали ль вы за роццей глас певца вашей печали?* Если в русском языке можно при всех двусмысленностях его возвратности все же констатировать, что возвратность эта никогда не может относиться к субъекту другого предложения, то относительно немецкого и французского этого утверждать нельзя. Впрочем, надо заметить, что наша “точность” в этом пункте тесно связана с нашей «расплывчатостью» в предыдущем пункте, так как при способности возвратного местоимения относиться ко всем трем лицам оно должно замкнуться в пределы одного предложения, чтобы не лишиться своего значения. Если бы это было иначе, то, например, в стихотворении Пушкина “К морю” после слов *ты катишь волны голубые и блещешь гордою красой* поэт мог бы сказать: *свой грустный шум, свой шум призывный услышал я в последний раз*, а это уже отдает бессмыслицей. Социальная обусловленность языка исправляет здесь неопределенность одного пункта определенностью другого»⁵⁹.

Как видно из работ шведских грамматистов, в области употребления шведских притяжательных местоимений 3-го л. и возвратного *sin* также существует обширная маргинальная зона, в которой имеет место синтаксическая синонимия. Это наблюдается, в частности, при их употреблении в синтаксических группах с предложными словосочетаниями: *Stoltheten hos Peter över sina/hans anor på mödernet; brevet från Bertil till sin/hans hustru; löftet av min bror att stanna hos sina/hans barn*⁶⁰. Ядерным словом в составе такой синтаксической группы может быть *nomen actionis*: *Persson fick syn på advokatens brev*

⁵⁹ *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001. С. 170–171.

⁶⁰ *Svenska akademiens grammatik.* Bd. 2. S. 334.

till sin far [sin = Perssons, eller oftare: advokatens]; Persson åkte utomlands efter advokatens försäljning av sina fastigheter [sina = Perssons, eller oftare: advokatens]; Persson kritiserade advokatens skötsel av sina affärer [sina = Perssons, eller oftare: advokatens]⁶¹.

Во всех этих случаях предпочтительность выбора именного коррелята к *sin* определяется принципом преимущества контактной позиции.

В книге Э. Велландера «Riktig svenska» детально описаны тонкие семантические нюансы, которыми могут различаться высказывания с возвратным *sin* и притяжательными местоимениями 3-го л. в составе предложно-субстантивных словосочетаний. Так, в предложении *Slottsherren har inbjudit oss till älgjakt på sina marker* содержится указание на то, что сам владелец замка также принимал участие в охоте. При употреблении местоимения 3-го л. *hans* в том же вербальном окружении, напротив, речь идет о том, что охотились в его угодьях только гости⁶². По той же причине в предложении *Han tog oss med på en vandring genom sina skogar*, где предикатом маркируется участие денотата подлежащего в совместном действии, необходимо возвратное местоимение⁶³. В других предложно-субстантивных словосочетаниях нюансы употребления возвратного и притяжательного местоимений являются еще более тонкими. Так, по наблюдениям Э. Велландера, в предложении *Tavlan föreställer kejsarinnan Eugénie med sina hovdamer* речь идет о том, что на картине изображена царица в окружении придворных дам; акцент ставится здесь на том, каким образом предстает она на полотне художника. Напротив, в предложении *Tavlan föreställer kejsarinnan Eugénie med hennes hovdamer* подчинительное словосочетание с предлогом по смыслу становится близким сочинительному *kejsarinnan och hennes hovdamer*; акцент делается здесь на том, кто, кроме самой царицы, изображен на полотне художника⁶⁴. Те же нюансы усматривает Э. Велландер и в других употреблениях: *Slottet med sina/dess dyrbara inventarier skall säljas*; в первом случае речь идет о том, на каких условиях должен быть продан замок, а во втором — что следует продать вместе с ним; *Salen var full av studenter med sina/deras flammor*; в первом случае говорится о том, что студенты пришли не одни, а со своими девушками, а во втором

---

⁶¹ Ibid. S. 333.

⁶² Wellander E. Op. cit. S. 244.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Ibid.

подчеркивается, что в зале были не только студенты, но и девушки; När chefen kom in på kontoret, fann han endast en ung flicka vid sin/hennes skrivmaskin; в первом случае речь идет о том, чем занималась по обыкновению девушка-машинистка, а во втором — где она сидела, когда ее начальник вошел в отдел; Bielke fick se kungen på sin/hans vita häst; в первом предложении говорится о том, как выглядел король, а во втором — где его увидел Бьельке⁶⁵. Таким образом, Э. Велландер связывает выбор местоимения с синтаксической функцией словосочетания, в которое оно входит: «Om prepositinsuttrycket mera attributivt ansluter sig till sitt huvudord, så framträder benägenheten att rätta pronomenalet (sin) efter detta, om det åter mera adverbialt hänför sig till satsens predikat så rättar sig pronomenalet efter satssubjektet (3:e person)»⁶⁶.

На роль синтаксической функции словосочетания при выборе возвратного или притяжательного местоимения обращает внимание и Л.-Г. Андерсон. Он отмечает, в частности, что высказывание Jag tycker att vi träffade honom tillsammans med sina föräldrar звучит значительно лучше, чем Vi träffade honom hos sina föräldrar: «Förklaringen ligger kanske i hur nära prepositionsfrasen, alltså *tillsammans med sina föräldrar* respektive *hos sina föräldrar*, är knuten till ordet honom»⁶⁷. Постановка возвратного местоимения в предложении Äldste sonen övertog ledningen av partiet efter mordet på sin far, как остроумно отмечает У. Телеман, может быть понято как указание на то, что убийство отца совершил его сын⁶⁸, поскольку финальная часть высказывания трактуется как синтаксическая группа с тесной внутренней связью между компонентами. По этой же причине предпочтительным является употребление возвратного, а не притяжательного местоимения в высказывании: Jag kokte fisken i sitt eget spåd⁶⁹, поскольку речь идет о том, как, а не где варилась рыба; замена sin местоимением dess трансформирует синтаксическую функцию словосочетания, делая его обстоятельством места.

Существенным фактором, «размывающим» нормативное употребление sin в пользу притяжательных местоимений 3-го л., является изменение диатезы при пассивной форме глагола, когда грамматиче-

⁶⁵ Ibid. S. 245.

⁶⁶ Ibid. S. 245–246.

⁶⁷ Andersson L.-G. Op. cit. S. 111.

⁶⁸ Teleman U. Op. cit. S. 278.

⁶⁹ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 333.

ское подлежащее не является смысловым субъектом предикации: Händelsen har beskrivits av presidenten själv i all sin/dess löjlighet; Frågorna besvaras av deltagarna i sin/deras helhet; Flickan giftes bort med en kusin mot hennes/sin vilja; Pojken flyttades av modern till en annan skola för hans/sin skull⁷⁰. Как видно из этих примеров, предпочтение в разных случаях отдается разным местоимениям; местоимения 3-го л. являются более предпочтительными при одушевленном корреляте, в то время как в случаях неодушевленности выбор делается скорее в пользу возвратного *sin*. Показательно также, что предложно-субстантивные сочетания имеют устойчивый характер и близки к фразеологизмам.

Неопределенность анафорической отсылки при наличии нескольких смысловых субъектов возникает и в тех случаях, когда местоимение и его коррелят входят в разные субъектно-предикатные структуры, образующие сложное синтаксическое целое:

- в предложениях с переплетением: Sin chef trodde inte Per (1) att Anna (2) visste om Bo (3) hade träffat⁷¹;
- при эмфатическом выделении с «фальшивым расщеплением» (швед. *falsk utbrytning*): Det enda Bengt ville ta med sig var sin/hans gamla klocka; Det första Anna fick syn på var sin/hennes gamla cykel⁷²;
- в сложноподчиненных предложениях с придаточными относительными: Chefen vill ha en assistent som öppnar sin/hans post; Peter har ingen som öppnar sin/hans post när han är borta; Där hänger den bild av sin/hans far som Bengt målat i Paris⁷³.

По данным, которые приводятся в «Шведской академической грамматике», частотность употребления *sin* в осложненных синтаксических структурах может быть различной. Так, если в эмфатических высказываниях с «фальшивым расщеплением» оно используется многими носителями языка (*accepterar många språkbrukare*), то в сложноподчиненных предложениях с относительными придаточными такое употребление встречается лишь у некоторых (*kan hos vissa språkbrukare talas, vissa språkbrukare accepterar*)⁷⁴.

⁷⁰ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 346.

⁷¹ Ibid. S. 343.

⁷² *Teleman U.* Op. cit. S. 273.

⁷³ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 343.

⁷⁴ Ibid.

Важным фактором, предопределяющим выбор возвратного *sin* или притяжательного местоимения при их синтаксической синонимии, является прагматическая установка говорящего. В опубликованной недавно книге «Språkriktighetsboken», подготовленной Шведской языковой комиссией, приводятся примеры высказываний, в которых допускается варьирование возвратного и притяжательного местоимений: *Boken handlade om Annas liv i sin/hennes älskade stuga; Varför vill (s) driva Britta från sitt/hennes hus?*⁷⁵ Второй из приведенных примеров является одним из лозунгов предвыборной агитации Умеренной коалиционной партии Швеции, критикующей политику социал-демократов; в лозунге употреблено возвратное местоимение *sin*. Анализируя тонкие различия в прагматике таких высказываний в зависимости от выбора местоимения, авторы книги отмечают, что в тех случаях, когда предпочтение отдается возвратному местоимению, говорящий как бы принимает точку зрения того лица, о котором сообщается в высказывании: «Det är Britta det handlar om, det är henne vi ska sympatisera med, och det är henne vi ser framför oss packande sina pinaler. På samma sätt intar exempel med Anna hennes perspektiv snarare än bokens... Tvärtom kan motsvarande meningar, skrivna i enlighet med den gamla tumregeln, uppfattas som mer distanserade. Principen här är alltså att *sin* markerar närhet och *hans/hennes* markerar distans i perspektivet, vilket kunde väntas ge utslag åt båda håll, men det yttrar sig framför allt i en ökad användning av *sin*»⁷⁶.

Указание на возможность представить одну и ту же ситуацию говорящим в ближней или дальней перспективе (*närhet / distans i perspektivet*) при использовании вариативных средств в передаче одного и того же содержания представляется особенно интересным. Сделанные авторами книги наблюдения вписываются в более общую картину, отражающую смысловую корреляцию между возможностью представить одну и ту же ситуацию как актуальную, концептуально близкую (ближняя перспектива) или, напротив, отчуждаемую, дистанцируемую (дальняя перспектива)⁷⁷. Так, в высказывании *Per åkte*

⁷⁵ Språkriktighetsboken. S. 222.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ См. об этом: *Tchekalina E.* Temporalt och modalt perspektiv i svenskan // *Rask. Internationalt tidsskrift for sprog og kommunikation.* 1997. N 5/6. S. 139–155; *Чекалина Е. М.* Смысловая корреляция субъективного и объективного в шведском языке // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология.* 2003. № 6. С. 77–92.

till Tyskland med Ingrid, sin/hans sekreterare⁷⁸ выбор притяжательного местоимения 3-го л. может быть обусловлен тем, что говорящий выражает свое неодобрение этого поступка или как-либо иначе дистанцируется от сообщения о поездке, исключая описываемую ситуацию из сферы своего личного «я».

Интересно, что близкую предлагаемой современными шведскими лингвистами трактовку коммуникативно-прагматической вариативности возвратного и притяжательных местоимений выдвигал в свое время А. М. Пешковский. Относительно таких употреблений притяжательных местоимений 1-го и 2-го л. вместо возвратного *свой*, как, например у Пушкина в монологе Бориса Годунова («В семье *моей* я мнил найти отраду...») или в стихотворении Лермонтова («...и вы не смаете всей *вашей* черной кровью поэта праведную кровь»). Как пишет А. М. Пешковский, «выбор между этими прилагательными, когда они употребляются в смысле *свой*, и самим этим *свой*, по-видимому, совершенно свободен в настоящее время в литературном языке. И, как это бывает при каждом *грамматическом синониме*, на этот выбор наслаиваются уже и особые стилистические оттенки. Так, едва ли случайно Борис Годунов говорит в одном случае — Я дочь *мою* мнил осчастливить браком... — а в другом случае — Я отравил *свою* сестру царицу... . Во втором случае *свой* больше подходит, чем *мой*, потому что высказывается мнение **не самого Бориса, а его хулителей** [выделено мною. — Е. Ч.], которые про него говорили: «Он отравил *свою* сестру». Так что *свой* намекает здесь на этих хулителей, а *мою* излишне подчеркивало бы участие говорящего в той мысли, которой он на самом деле не разделяет» [выделено мною. — Е. Ч.]⁷⁹.

Таким образом, реальная языковая действительность оказывается гораздо более сложной и неоднозначной, чем описывающие ее правила нормативной грамматики. Как остроумно заметил Л.-Г. Андерсон в небольшой заметке о синтаксической синонимии *sin* и *hans*, легче говорить по-шведски, чем объяснять, как это происходит, во всяком случае тому, для кого шведский язык является родным. По его мнению, выбор местоимений нередко происходит исключительно на основе языкового чутья: «Vi låter vårt inre öra avgöra valet mellan *sin* och *hans*, liksom så mycket annat. Försökte vi välja mellan *sin* och *hans*

⁷⁸ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 338.

⁷⁹ Пешковский А. М. Указ. соч. С. 169–170.

genom att ta ut satsdelar och följa grammatiska principer, skulle vi inte få många rätt — och inte mycket sagt heller»⁸⁰.

Однако и языковое чутье иной раз может подвести носителя языка в тех случаях, которые представляют собой слабые звенья языковой системы, продуцирующие неустойчивость нормы. В реальном языковом употреблении нередки случаи, когда носители языка отдают предпочтение различным вариантам, как, например, в шутивно-назидательном двустишии, которое приводит Л.-Г. Андерсон: *Från denna regel aldrig vik att hänga nyckeln på sin spik*⁸¹. Некоторые носители шведского языка считают такое употребление *sin* ошибочным, отдавая предпочтение *dess*, хотя, как представляется, именно первый вариант звучит более естественно.

Возможны и настоящие ошибки, допускаемые носителями шведского языка. Так, по данным, которые приводит Л.-Г. Андерсон, в газетном тексте встретилось предложение *Jan Myrdals mörka porträtt av sina föräldrar i boken Barndom skilde sig helt från sin syster Sisselas mycket ljusare minnen*⁸². Второе местоимение *sin*, появившееся не без влияния первого, должно быть обязательно заменено на *hans*, поскольку *nomen agentis minnen* содержит указание на новый смысловой субъект. Ошибки такого рода могут встретиться в спонтанной устной и письменной речи даже там, где им трудно найти какое-либо объяснение, например: *Dom ville ju inte att sin ballong skulle fastna i trädet*⁸³; *Mamma vet bäst vad sin superstar vill ha*⁸⁴.

Нарушения грамматической нормы при употреблении возвратного местоимения отмечаются не только в шведском, но и в датском языке, например в тех случаях, когда *sin*, вопреки правилу, соотносится с коррелятом во множественном числе. Это особенно характерно для языка прессы, как видно из материала, приведенного в небольшой заметке датского лингвиста А. Каркера: *De rapporterede sine iagttagelser til politiet (Politiken 1966. 19/2); Det vil og skal ikke længere accepteres, at studienævnene udnytter sin kompetence til at krydse de beslutninger, der træffes i Folketinget (Magisterblad 1974. 5/6); Moderne tider har holdt sit indtog (Jyllands-Posten 1991. 1/10)*⁸⁵. В на-

⁸⁰ Andersson L.-G. Op. cit. S. 111.

⁸¹ Ibid. S. 110.

⁸² Ibid. S. 111.

⁸³ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 344.

⁸⁴ Andersson L.-G. Op. cit. S. 110.

⁸⁵ Karker A. Op. cit. S. 137–138.

чале 1990-х гг. датские лингвисты обратили внимание на распространение этого явления, усмотрев в нем тенденцию на расшатывание грамматической нормы, которое в будущем могло бы привести к ликвидации различия между датским и другими скандинавскими языками в области употребления возвратно-притяжательного местоимения *sin*⁸⁶.

---

⁸⁶ *Galberg Jakobsen H., Stray Jørgensen P. Håndbog i nudansk. 2 udg. København, 1991. S. 397; Hansen E. Rigtigt dansk. 2. udg. København, 1993. S. 178–179.*

А. Н. Чеканский

Х. К. АНДЕРСЕН И СОВРЕМЕННОСТЬ (по материалам автобиографической прозы писателя Х. К. Андерсена)

Х. К. Андерсен, бесспорно, принадлежит к числу наиболее «читаемых» авторов, классиков мировой литературы. Но многое ли читатели и почитатели писателя знают о нем самом, о его жизни и судьбе? Вопрос отнюдь не праздный, ибо именно этим незнанием в первую очередь можно объяснить те недоразумения, что происходят с наиболее популярной частью творческого наследия Андерсена — его сказками и историями в иноязычных культурах. Самое главное заблуждение состоит в отнесении сказок Андерсена к сугубо детскому чтению (на самом деле «детскими» можно считать никак не больше двух десятков из почти ста шестидесяти, созданных автором). Вот и стремятся его зарубежные интерпретаторы адаптировать тексты к детскому восприятию, то смягчая жестокую концовку или вообще присочиняя хэппи-энд, то — что чаще всего и бывает, — сбиваясь на пересказ в стремлении избежать слишком жестоких для детей сцен.

А ведь еще Гёте наставлял нас: тому, кто хочет поэта постичь, следует отправиться в страну поэта. И, разумеется, речь он вел не только и не столько о той территории в рамках государственной границы, где поэт родился и чью культуру впитал с молоком матери, сколько мир его чувств и мыслей, который развивался и под воздействием иных культур. Безусловно, в какой-то степени «страна поэта» открывается нам в его творчестве, и все же лучшим путеводителем

в данном случае, пожалуй, оказываются его собственные свидетельства, заключенные в автобиографиях, письмах и дневниковых записях. Блестящим примером, подтверждающим этот тезис, является, например, работа одного из ведущих на сегодня андерсеноведов мира Йохана де Мюлиуса «Есть только один Бог. Х. К. Андерсен и ислам»¹, в которой, так сказать, «доказательная» часть основана именно на скрупулезном изучении дневников, писем и автобиографий писателя.

Впрочем, обратимся к тому, что сам Андерсен думал на этот счет. В небольшом введении к первой своей автобиографии «Жизнеописание» он среди прочего пишет: «Я записываю здесь все, что память сохранила о моих юношеских годах, и, быть может, эти отрывки воспоминаний помогут человеку, мне не знакомому, постороннему, сложить их в единое целое и объяснить, оправдать и прояснить многое в моих стихах, если, конечно, люди будут читать их после моей смерти». (IV, стр. 5)². Разумеется, в рамках данной статьи мы не сможем «сложить <...> отрывки воспоминаний <...> в единое целое», поэтому сконцентрируем внимание на самом главном, попытавшись ответить на вопрос: чем Андерсен может быть интересен и полезен (второе, вероятно даже более важно в наше прагматичное время) нам сегодня, иными словами, в чем актуальность творчества и жизненного опыта Андерсена в наши дни? Однако сперва несколько подробнее об источниках.

Книга автобиографической прозы Ханса Кристиана Андерсена «Сказка моей жизни» вышла в свет в двух томах в 1855 г. и составила заключительные тома «Собрания сочинений» Андерсена, принятого в связи с пятидесятилетием писателя, однако это отнюдь не первый опыт автора в жанре автобиографии. Отправляясь в 1832 г. в первое продолжительное заграничное путешествие, Андерсен оставил своим друзьям описание своей жизни, доведенное до 1831 г. Рукопись эта пролежала в полной неизвестности почти сто лет, пока в 1926 г. ее не обнаружил и не издал под названием «Жизнеописание Х. К. Андерсена» известнейший датский литературовед и критик Ханс Брикс.

---

¹ *Mylius J. de. Der er kun én Gud. H. C. Andersen ser på islam. Odense, 2006.*

² Здесь и далее цитаты из автобиографий Андерсена даются по изданию: *Андерсен Х. К. Собрание сочинений: В 4 т. М., 2006. Т. III: Сказка моей жизни; Т. IV: Жизнеописание.*

Вторично Андерсен предпринял попытку составить свое более или менее полное жизнеописание — теперь уже публично — в 1847 г. по просьбе немецкого издателя, датчанина по происхождению Карла Б. Лорка, предпославшего «Сказку моей жизни без прикрас» в качестве введения к «Собранию сочинений» Андерсена на немецком языке. Английский перевод этого издания вышел в том же году и был немедленно перепечатан в Америке.

В 1868 г. в связи с изданием в США полного авторизованного собрания сочинений Андерсена писатель начал работу над продолжением «Сказки моей жизни», в котором довел свое жизнеописание до 1867 г. Впервые дополненная автобиография Андерсена вышла три года спустя в Нью-Йорке. На датском языке эта часть биографического очерка опубликована сыном Эдварда Коллина под названием «Х. К. Андерсен. Сказка моей жизни. Продолжение (1855–1867)» уже после смерти автора, в 1877 г., сперва отдельным оттиском, а затем во втором издании «Собрания сочинений».

Последующие публикации «Сказки моей жизни» в Дании сопровождаются, как правило, приложением, включающим «Продолжение» и «Послесловие» с подзаголовком «Последние годы жизни Х. К. Андерсена», составленными Эрлингом Рёрдамом на основе писем писателя и его дневниковых записей, которые он вел вплоть до самой кончины.

Авторы первого перевода «Сказок моей жизни» на русский язык — знаменитые переводчики произведений скандинавской литературы Анна и Петр Ганзен полагали, что книга слишком перегружена описаниями природы и городов, которые можно найти в многочисленных книгах путевых заметок Андерсена, а также малозначительными эпизодами встреч писателя с политическими деятелями, королевскими особами и т. д. Поэтому в их переводе ряд сцен либо опущен совсем, либо дан в сокращении или переложении. В принципе соглашаясь с авторами, можно лишь отметить, что в отборе материала они были не всегда последовательны и аккуратны, отчего в русском варианте оказалась нарушенной композиционная стройность книги, а за его пределами остались некоторые эпизоды, которые могли бы представить интерес и для современного читателя. А вот в юбилейном четырехтомнике издательства «Вагриус» «Сказка моей жизни» впервые представлена на русском языке в полном объеме, не говоря уже о том, что «Жизнеописание» в России вообще до сих пор не публиковалось.

Андерсену довелось стать свидетелем событий, в том числе и весьма печальных, которые привели к радикальным изменениям в политической системе и общественной жизни Дании и — что более важно — к крутым переменам в самосознании датчан. И если еще в 1870-е гг. знаменитый писатель Йенс Петер Якобсен с полным на то основанием считал датчан нацией созерцателей и фантазеров, то к концу века в обществе возобладал гораздо более прагматичный взгляд на жизнь. И, как это ни парадоксально (ведь он сам был романтиком или, по крайней мере, считался таковым), Андерсен во многом способствовал развитию этого процесса. Но знаменательно, что на страницах автобиографий автор либо вообще умалчивает об этих судьбоносных для своей страны событиях, либо пишет о них вскользь: просто Андерсен считал, что поэт не может быть слугой политики, а должен идти впереди политических движений как провидец. И надо сказать, что Андерсен провидел многое, например в своей знаменитой «скандинавской» песне «Один народ» за несколько лет до того, как идеи политического скандинавизма (объединения и сотрудничества народов скандинавских стран) приобрели жгучую актуальность. Заметим в скобках, что в наше время уровень развития интеграции на европейской Севере значительно выше, чем в рамках Европейского Союза, и по достижениям интеграционных процессов в этом регионе можно вполне надежно судить о возможных направлениях развития отношений в рамках ЕС. Но вот когда политические игры привели к войне, когда разразилась первая шлезвиг-голлштинская война и пролилась кровь, когда, что называется, родина оказалась в опасности, Андерсен не остался в стороне, он, будучи подлинным патриотом, призвал своих сограждан на борьбу с силами зла. А в том, что Андерсен был подлинным патриотом своей родины, убеждает его взволнованный, полный сочувствия ко всем страждущим, но напрочь лишенный псевдоромантических выпендреностей и воздыханий рассказ о первой шлезвиг-голлштинской войне. Но сколь благороден его патриотизм, сколь гуманна его национальная гордость, выраженные в одной только фразе: «Я глубоко убежден, что сила наша не в мече, а в духовном развитии...»

На фоне всех этих исторических событий, экономической разрухи и нищеты в Дании невиданным ни до, ни после этого цветом расцвели искусства и науки, и нам достаточно назвать имена Торвальдсена и Бурнонвиля, Эленшлегера и Грундтвига, Эрстеда и Киркегора, чтобы понять, в какой богатейшей и разнообразнейшей куль-

турной среде рос и учился Андерсен. Со многими великими людьми своего времени поэт встречался, с некоторыми был коротко знаком и даже близко дружен, о них он ведет рассказ на страницах своих автобиографий, как, впрочем, и о многих европейских знаменитостях — Гейне, Гюго, Рашели, Диккенсе.

Впрочем, взаимоотношения Андерсена с людьми — это тема особая, ведь так много писали и говорили о его вспыльчивости, неуживчивости, чудачествах. Однако дело в том, что Андерсен действительно выделялся среди писателей и поэтов «золотого века», но вовсе не дурным характером или непредсказуемым поведением. Нет, он единственный среди них вышел из низов, а все остальные почти без единого исключения — из благополучных в смысле достатка семей. Ему было знакомо то, чего не могли видеть его коллеги по профессии, и он никогда не забывал своего «пролетарского» происхождения и потаенного знания жизни на «дне».

Многие произведения Андерсена, даже те, в которых автор обрабатывает фольклорный или литературный мотив, в культурно-историческом, биографическом, а зачастую и в языковом плане можно «привязать» к какой-то конкретной ситуации, местности, событию или прототипу персонажа. Два небольших примера: «Это был огород моей матери. Он и теперь еще цветет в моей сказке “Снежная королева”», или: «Старая Доменика в “Импровизаторе” и мать скрипача в романе “Всего лишь скрипач” — в этих двух образах я постарался изобразить свою матушку» (III, 6). Впрочем, материала для подобных сопоставлений в автобиографиях можно найти много, даже в тех случаях, когда автор прямо на них не указывает.

Вообще же первую главу «Сказки» (в дальнейшем автор выступает не как художник, а, скорее, как скрупулезный и педантичный историк или хроникер, фиксирующий в основном внешнюю фактуру событий) и в особенности «Жизнеописание» можно отнести к лучшим образцам мировой литературы, и не только в жанре автобиографий. Ведь у читателя практически не возникает ощущения, что автор пишет о себе. Нет, он пишет себя, и мы оказываемся словно бы в мастерской скульптора и воочию видим, как он «лепит» своего героя, как «создает» его характер — замечательная школа для начинающего прозаика!

Правда, здесь на помощь Андерсену приходит одна из его «странностей», заключающаяся в том, что характер поэта с детских лет не претерпел особых изменений, в нем, скажем, нет и следа тех психо-

логических зарубок, что обычно оставляет в душе человека переходный возраст. Это не значит, разумеется, что Андерсен на всю жизнь остался большим ребенком, нет, он был, конечно же, зрелым человеком и понимал о жизни гораздо больше многих, но то, что детское простодушие было свойственно ему до конца дней, так же как и великая вера в себя, в свои силы, это бесспорно.

Не удивительно поэтому, что те небольшие зарисовки из детских лет, представленные в первой главе, словно бы вмещают всего Андерсена, именно оттуда, из детства, тянутся нити к решениям и поступкам взрослого поэта, ко многим его персонажам и сюжетам. В те времена еще не знали, какое огромное значение для становления личности имеют первые годы жизни ребенка, но интуиция художника не подвела Андерсена и на этот раз, и он описал эти эпизоды так, что характер его предстает перед нами едва ли не во всей своей полноте. Открыта в будущее и знаменитая сцена в поле, где Андерсен вместе с матерью и другими горожанами собирали колоски. Вдруг появился злой и жестокий управляющий. Все убежали, Андерсен отстал от других. «Управляющий уже замахнулся на меня кнутом, но я взглянул ему прямо в глаза, и у меня невольно вырвалось: “Как смеешь ты бить меня, ведь Господь видит тебя!” И суровый человек сразу смягчился, потрепал меня по щеке...» (IV, 26). Помимо всего прочего эта сцена символизирует отношение Андерсена к окружающим: он, не смущаясь, выставляет свои слабости напоказ и тем самым обезоруживает противника.

Эта открытость характера была свойственна Андерсену с младых ногтей, оттого, видно, и не чурался он ни в малом возрасте, ни в дальнейшем личностей убогих и сырых, падших и брошенных на дно. Именно поэтому он всегда стремился к взаимопониманию в общении с другими людьми, при встрече с другими культурами и религиями старался отыскать в них нечто общее, тот духовный элемент, который не разъединяет, а объединяет людей и делает всех живущих на земле гражданами «государства Духа», как он выразился в одном из своих писем³. Вот откуда взялись все эти «чудные» личности, в которых нет недостатка на страницах романов и сказок писателя. С некоторыми из них мы встречаемся и в «Сказке моей жизни», и в «Жизнеописании», например с родным дедом будущего поэта. Еще до рождения внука он лишился рассудка, и его судьба

---

³ *Mylius J. de. Der er kun én Gud. H. C. Andersen og islam. S. 10–11.*

оставила в душе Андерсена неизгладимое впечатление на всю оставшуюся жизнь, он и сам стал бояться сойти с ума, поскольку знал, что я плоть и кровь его. О других своих родственниках, тетке и сводной сестре Андерсен почти не упоминает, слишком уж мрачный след в его душе оставило их пребывание на грешной земле.

Еще больше «белых пятен» биографического порядка во второй части «Сказки». Весьма, например, лапидарен автор в описании своих взаимоотношений с женщинами — не это ли один из источников тех, никак и ничем впрочем, не подтверждающихся слухов и домыслов, зачастую грязных и низких, что сопровождают земную и посмертную славу писателя? Так, чуть меньше двадцати строк посвящает Андерсен первой своей любви к Риборг Войт и даже забывает сообщить, что посватался к ней, хотя и знал, что она была уже помолвлена с другим.

Многие, правда, полагают, что, открывая Риборг свои чувства, Андерсен был заранее уверен в отказе, и такое его поведение объясняют нежеланием поэта связывать свою свободу, прежде всего творческую, какими бы то ни было узами. Есть и другая версия: дескать, Андерсен просто не был уверен в глубине своего чувства и не решился наложить на себя непосильные обязательства. Однако достаточно прочесть яркий и искренний рассказ Андерсена о своих взаимоотношениях с Риборг Войт, занимающий, кстати, седьмую часть «Жизнеописания», чтобы понять, сколь глубоко заблуждаются авторы подобных утверждений.

Отчаявшись добиться встречи с возлюбленной наедине, Андерсен решает написать ей письмо, которое, по его словам, вырвалось у него из груди, точно пламя из печки. И вот что он, в частности, пишет: «Любите ли Вы его больше всех на свете? Тогда помогите вам Господь обоим! Тогда мне хотелось бы, чтобы Вы были счастливы, я пожелал бы Вам этого от самого чистого сердца. Не думайте в таком случае о том, что написано в этих строках, считайте просто, что я из братских чувств прислал Вам лирическое стихотворение. Но любите ли Вы его такой высокой любовью, как Господа и вечное блаженство? Вы уверены в этом? Дайте же мне надежду, не пугайте меня! Я все для Вас сделаю, стану работать, сделаю все, чего потребуете от меня Вы и Ваши родители» (IV, 192).

Можно ли сомневаться в искренности чувств молодого человека, тем более поверенных любимой женщине, которая может поймать тебя на слове: ты ведь уже посвятил свою жизнь целиком поэзии,

а тут вдруг соглашаешься пойти на государственную службу, чтобы зарабатывать на жизнь семье? К тому же, как явствует из этого отрывка, он вовсе не был уверен в отказе. Но он все-таки последовал: «Прочитав мое письмо, она, я знаю, расплакалась, почувствовала себя несчастной. Она ведь сама несколько лет плакала и горевала из-за того, что родители были против ее любви, а <...> нет, у меня нет слов. Она сказала: “Но что же А. подумает обо мне, если я, даже ради него, нарушу данное мною обещание? Не решит ли он, что и его, может, ожидает такая участь? Она сказала, что это ее долг — быть верной другому, что она не может сделать его несчастным и что он любит ее всею душою и всем сердцем!” (IV, 193). Невозможно представить себе, что эта сцена разыграна по заранее написанному сценарию. И очень жаль, что Андерсен не написал, как собирался, «о том, как болезненно я пережил крах моей первой любви» (IV, 196), — работу над рукописью «Жизнеописания» прервал отъезд автора в большое заграничное путешествие, и впоследствии он к ней возвращался, — иначе в досужих разговорах о его взаимоотношениях с противоположным полом была бы поставлена окончательная точка.

Большое место в «Сказке моей жизни» занимает тема взаимоотношений Андерсена с критикой и критиками. К началу 1830-х гг. он стал уже довольно хорошо известен в литературных кругах, но его лирические и прежде всего драматические сочинения едва ли не в равной мере вызывали и похвалу, и хулу. В датском романтизме к тому времени выделилось два крыла — радикальное, группировавшееся вокруг Эленшлегера, которому симпатизировал и Андерсен, и более консервативное (Грундтвиг, Ингеманн и др.). Непримиримых противоречий между этими группировками, по большому счету, не было, но перепалки случались знатные, в них-то и перепало Андерсену, и чаще всего незаслуженно.

И вот почему незаслуженно: рамки «чистого» романтизма были Андерсену тесны, и он их решительно переступал. Вообще прозу его можно назвать предтечей реализма конца XIX в. Ему чуждо романтическое обожествление гения, в этом отношении он занимает гораздо более сдержанную позицию, хотя, разумеется, отдает дань и этой теме, но на свой, андерсеновский, лад, считая, что гения нужно всячески поддерживать, оберегать, окружать теплотой и заботой.

В еще меньшей степени присуще Андерсену свойственное романтикам чрезмерное восхищение стариной, временами героического эпоса и мифов. И уж совсем не укладывается в романтическое ми-

роощущение преклонение Андерсена перед наукой и техникой. Он и в жизни по-детски радовался всяким техническим новшествам, будь то пароход, железная дорога или фотография, и в творчестве отдал дань науке, например в «Капле воды».

В общем, и по своему мироощущению, и по его выражению Андерсен уходил от романтизма и при этом со всей решительностью преступал границы, установленные модной традицией. А что до критики, то доставалось ему от нее, пожалуй, не больше, чем многим его собратям по ремеслу. Другое дело, что он был необычайно чувствительным к этим нападкам и тяжело переживал их наедине с собой. И, вынося свой труд на суд публики и критики, вовсе не чувствовал полной уверенности в себе.

Об этом мы можем судить даже по названию его первого сборника прозы «Сказки, рассказанные детям», два последних слова в котором наводят на мысль: а не хотел ли он таким образом заранее оградить от критических нападков свое детище, которое поначалу вовсе не считал выдающимся произведением, а все надежды возлагал на свой талант романиста и драматурга? Что, дескать, взять с этих детских безделушек. Во многом поэтому так быстро и прочно прилипла к нему слава детского писателя (будем надеяться, все же не навсегда). Впрочем, эта «детская» история приводит нас к иному, очень важному и деликатному моменту, к уже упоминавшимся «странностям» в характере и поведении Андерсена, за которые ему тоже доставалось от современников.

Многие видят источник андерсеновских «чудаществ» в его непомерном тщеславии. И действительно, Андерсен был не просто тщеславен, он был чудовищно, но и великолепно тщеславен. Мы убеждаемся в этом, когда видим, с какой протокольной тщательностью фиксирует он любой, пусть даже самый незначительный знак внимания, оказанный ему какой-нибудь известной личностью. Однако, рассказывая нам об этих победах, столь дорогих его сердцу, поэт никогда не забывает, что он всего-навсего сын башмачника и прачки. «Я прославлю себя!» — так объяснял он матери свое решение перебраться в столицу. Но славы он желал не для того, чтобы добиться влияния, власти или богатства, слава — и только она — могла сообщить смысл его существованию, подтвердить, что жизнь его — сказка, и показать, что есть «Бог, который все направляет к лучшему».

Да, тщеславие Андерсена связано, конечно, с его неистребимой потребностью в самоутверждении, но оно еще выражает и глубокое

смирение его перед Господом, ведущим его по дороге жизни. И чем выше взбирается он по крутым ступеням славы, тем с большим смирением склоняет голову перед Божией волей: «Есть что-то возвышающее и страшное в том, что твои мысли разлетаются по свету и становятся достоянием других людей... Странное чувство радости, смешанное со страхом, наполняет меня всякий раз, когда гений моего счастья несет мои сочинения другим народам» (IV, 196). Радость — и страх, в этой двойственности, неопределенности — основная черта характера Андерсена.

А между тем Андерсена не назовешь человеком нерешительным. Он взбирается на Везувий чуть ли не по теплым еще потокам лавы, в течение месяца колесит по придунайским странам, охваченным вооруженным конфликтом. Или в самый последний момент заменяет счастливую концовку в «Истории матери» на трагическую, но более правдоподобную. Кстати сказать, в первом варианте «Новое платье короля» заканчивалось словами главного персонажа после без каких-либо эксцессов завершившейся процессии: «Теперь я всегда буду носить это платье». И только уже в корректуре появляется мальчик со своей сакраментальной фразой и всем, что с ней связано. И так всегда: осторожность в малом, решительность — в большом!

Одной из психофизических особенностей Андерсена была быстрая смена настроения, иногда мгновенный переход от меланхолии к радости, от шутливости к мрачности, и наоборот. «Я — словно вода, — писал поэт в одном из писем. — Все во мне в движении. Все отражается во мне». Но эти причуды психики объясняются не только особенностями его организма, они обусловлены и его социальной неустроенностью. Перешагнув все сословные границы, что по тем временам было делом почти невыполнимым, Андерсен так и не обрел определенного места в общественной иерархии. Не было у него ни семьи, ни дома, а ведь он так нуждался в дружеском участии и домашнем уюте.

И все-таки жизнь свою он называл прекрасной сказкой. Но жизнь не становится сказкой сама по себе. Ее нужно делать такой. А для того, чтобы серые наши будни расцвели пестрыми сказочными красками, нужна твердая, сильная воля. Для большинства романтиков сказка — это игра фантазии, выражение действительности в мечте, для Андерсена она жесткая, порой жестокая, но и прекрасная реальность. В ней есть и бедность, и благополучие, и борьба, и покой, и слава. Но создать такую сказку дано только тому, кто верит в свое

предназначение и не отступает от своей судьбы, именно в этом смысл названия книги, о которой мы сейчас говорим.

Вот такой он был человек, этот Ханс Кристиан Андерсен, человек, сотканный из множества противоречий, одновременно открытый и замкнутый, стремившийся к дружеской поддержке и теплу, но всю жизнь проживший в одиночестве, человек, с оптимизмом, основанным на непреклонной вере в конечное торжество добра, правды и красоты, смотревший в будущее, но знавший и горькие стороны земного существования.

«Жить — значит путешествовать», — говорил Андерсен, а путешественник он был неутомимый. Но во время своих странствий он всегда учился у людей, с которыми сводила его судьба, учился, читая книги своих товарищей по ремеслу, но более всего учился он у природы. Он посетил много стран, совершил восхождение из низов общества к едва ли не самой его вершине, открыл перед литературой новые горизонты, наконец, он просто прожил долгую жизнь. И даже время оказалось подвластно этому злостному нарушителю всех и всяческих границ, будь то географические, государственные, сословные или эстетические. Он и после физической смерти продолжает свое путешествие, он и по сей день живет в своих книгах и несет в наши дома радость встречи с подлинным искусством и настоящим современным человеком — Хансом Кристианом Андерсеном.

Так что вопрос, ценен ли для нас, живущих в эпоху, когда рушатся жесткие политические структуры, размываются границы, взрываются рамки прежних догм и канонов, жизненный и творческий опыт такого человека, представляется сугубо риторическим.

Т. Л. Шенявская
НОРВЕЖСКИЙ ЯЗЫК «ДАТСКОГО
ПЕРИОДА»

Æg stackars Norske Guth,
maa bruckie Norskie Maal,
Æg ansa ingien Fransk,
aa ingjen Rysk aa Paal...
Vert inckie prettin paa
mi Norskie Bone-Dict,
Siaa du bli-øgt paa mæg,
førdj æg vogde slikt.
Kvær so kain bruckie pin
dei no aat Printzen rima
Mæ Fransk, Lautin, aa Tysk,
dej brotha fram aa prima,
Æg slet aa bert mæ slikt
no inckie fosta vil,
Men paa goe ramma Norsk,
mit Ønskie settia vil.

Анонимный поэт конца XVII в.

В середине XIV в. на Европу обрушилась эпидемия чумы, позднее названная Черной смертью. Норвегия потеряла около половины своего населения. Полный упадок хозяйственной системы, ослабление королевской администрации и аристократии и межскандинавские конфликты привели к тому, что страна сначала оказалась втянутой в унию с Швецией (1319–1355), а в 1380 г. — с Данией и в конце концов почти на триста лет утратила независимость (1536–1814).

Тронная хартия Кристиана III от 30 октября 1536 г. установила в Норвегии власть датской короны на вечные времена и объявила страну составной частью датской державы, подобно Ютландии, Фюну или Сконе¹.

Датский язык постепенно вытесняет норвежский из всех официальных сфер. Укреплению его позиций немало способствовала Реформация, поскольку ее проводила датская церковь, и многие представители нового духовенства, особенно его высших слоев, были выходцами из Дании. Письменным языком Норвегии, таким образом, становится датский², норвежский сохраняется преимущественно как разговорный язык. При этом в городах складываются смешанные говоры (или городские полудиалекты), лексика и морфология которых были в основном датскими, а фонетика и синтаксис — норвежскими. В сельской местности население продолжает говорить на соответствующих диалектах, которые, сохраняя преемственность с древнорвежскими, в то же время претерпевают существенные изменения, и в XVI в. их фонетическая и морфологическая система приобретает вид, во многом соответствующий тому, что мы находим в современных диалектах, особенно архаичных. Вследствие этого между письменным датским и разговорным норвежским языком образуется значительный разрыв.

Однако отсутствие нормы в датском языке того времени³ способствовало проникновению в письменный язык не только норвежских слов и выражений, но также фонетических и грамматических форм, т. е. в известной степени делало его открытым для влияния норвежских диалектов. Этим объясняется, например, довольно большое количество норвежских вкраплений в произведениях Абсалона Педерссена Бейера (1528–1575), самого яркого представителя бергенского гуманистического кружка и норвежского гуманиз-

---

¹ См., напр.: *Даниельсен Р. и др.* История Норвегии. От викингов до наших дней. М., 2003.

² Дольше всего норвежский язык сохранялся в законах, поскольку «Ландслов» («Закон страны»), принятый королем Магнусом Исправителем Законов в 1247 г., оставался в силе до начала XVII в. и только в 1604 г. был заменен «Норвежскими законами Кристиана IV», по сути представлявшими собой его исправленное и дополненное датское издание: *Vårt eget språk* / Red. av E. B. Johnsen. Oslo, 1987. Bd. 1: I går og i dag. S. 56.

³ См. об этом: *Skautrup P.* Det danske sprogs historie. København, 1947. Bd. 2: Fra Unionsbrevet til Danske lov.; *Karker A.* Dansk i tusind år. Et omrids af sprogets historie. Modersmål-Selskabets Årbog 1993. Ny rev. udg. 2001.

ма в целом. Ср. следующие записи из его дневника (Bergens Kapitelsbog, 1552–1572):

Julius 1571		Июль 1571	
Dies		День	
<...>		<...>	
24.	Hafde skredderne steffnt Peter skred-dere til raadhus orsagen, fordi han lader Sine suene arbeде vedt bryggen helle maaneder oc wger, Same dag lerde min dotter sin abcbog vd, hafde hun da gongit xij vger til Schole.	24.	Портные вызвали в ратушу портного Петера по той причине, что он заставляет своих учеников работать у пристани целые месяцы и недели, В тот же день моя дочь выучила свою азбуку, тогда она ходила в школу уже 12 недель.
<...>		<...>	
25.	Fich ieg Erick Rosenkrantzis breff som hand screff mig til, oc vdi blant annit scriuer hand at Jemteland skal her effter euig oc alltid høre til Norrigris krone.	25.	Я получил письмо от Эрика Розенкранца, которое он мне написал и где, среди прочего, пишет, что Емтланн будет отныне и во веки принадлежать норвежской короне.
27.	begrauen een gammil quinne som otte hieme her i byen hos Brynnilde moer.	27.	похоронили старую женщину, которая жила в городе у девицы Брюннильды.
28.	skenchte Vincentius Juел slotzherre mig it stycke maltt.	28.	наместник Винцент Жюль налил мне чарку малта (жидкого солода).

В целом дневник написан на довольно последовательном датском языке, однако такие формы, как *dotter* ‘дочь’, *gammil* ‘старый’, причастие от глагола *ходить* *gongit* и претерит от глагола *иметь* *otte* (*otte hiema* ‘жила’, букв. ‘имела местожительство’, ср. исл. *átti heima*) отражают влияние бергенского говора⁴.

Усиление королевской власти, особенно заметное с середины XVI в., и установление абсолютизма (1660)⁵ способствовали нормализации датского письменного языка⁶. Этот процесс затронул и

⁴ Vårt eget språk. S. 57. О литературной деятельности Абсалона Педера Бейера см., напр.: Norsk litteratur i tusen år. Teksthistoriske linjer. Oslo, 1994. S. 139–140.

⁵ См., напр.: Палудан Х. и др. История Дании. М., 2006.

⁶ Skautrup P. Op. cit.; Karker A. Op. cit.; Vårt eget språk. S. 57; Otnes H., Aamotsbakken B. Tekst i tid og rom. Oslo, 2000. S. 106–109.

Норвегию. Теперь, чтобы писать «правильно», нужно было избегать норвегизмов. Так, их практически нет в стихах Дороте Энгельбретсдаттер (1634–1716)⁷, жившей в Бергене примерно на век позже Абсалона Педерссена Бейера. Например, в лирическом «Утреннем вздохе» из ее первого сборника («III. Morgen Suck: Siælens Sang-Offer», 1678) к несомненным норвегизмам относится только глагол *balde*: *Jeg mit Nattøy sammen balder* ‘Я сворачиваю свое ночное белье’. Особый интерес с точки зрения взаимоотношений датского и норвежского языков и языковых контактов в Норвегии и в Скандинавии в целом представляет форма *kleent*: *Mæled er for kleent og stacked* ‘сказано слишком неумело и обрывочно’. Это прилагательное было заимствовано из нижненемецкого уже после того, как в датском языке начался процесс образования новых дифтонгов в результате вокализации согласных, поэтому дифтонг в нем сохранился, ср.: а) норв. *stein*, но дат. *sten* «камень» (< др.-сканд. *steingr*) и б) норв. *klein*, дат. *klejn* (< н.-нем.; ср. нем. *klein*). Тем не менее у Дороте Энгельбретсдаттер мы находим форму с монофтонгом, которая не имеет однозначного объяснения. Она могла появиться либо под влиянием бергенского говора (и тогда это второй норвегизм в «Утреннем вздохе») ⁸, либо в результате гиперкоррекции из страха написать дифтонг и тем самым допустить ошибку в датском языке ⁹.

Дело, однако, не только и не столько в сокращении количества норвегизмов. Гораздо важнее, что у авторов XVII–XVIII вв. их употребление в основном становится контекстуально обусловленным. Показательно в этом отношении творчество священника и поэта Петера Дасса (1647–1707)¹⁰. Его датский язык в целом намного чище, чем у предшественников и современников. Но в «Нурланнской трубе» («*Nordlands Trompet*»)¹¹, где он описывает повседневную жизнь в Северной Норвегии, довольно много норвегизмов, которые автор использует для создания местного колорита: *Fiære* ‘отлив, малая вода;

⁷ О ее творчестве см., напр.: *Norsk litteratur i tusen år*. S. 157–158.

⁸ Нужно, однако, отметить, что для бергенского говора в целом не характерна монофтонгизация дифтонгов, в связи с этим представляется наиболее вероятным предположение Е. Р. Сквайрс (пользуясь случаем выразить ей благодарность), что слово могло быть заимствовано уже с монофтонгом из соответствующего нижненемецкого диалекта.

⁹ *Vårt eget språk*. S. 59.

¹⁰ См. о нем, напр.: *Norsk litteratur i tusen år*. S. 155–157.

¹¹ Поэма была опубликована после смерти автора, в 1739 г.

осушной берег' (совр. норв. fjære/fjøre, ср. исл. fjara), Hysse 'пикша' (совр. норв. hyse, ср. исл. ýsa), Naakiering 'полярная акула' (совр. норв. håkjerring, второй компонент kjerring 'старуха'; ср. исл. hákarl со вторым компонентом karl 'старик'), Lodde 'мойва' (совр. норв. lodde, ср. исл. loðna), Steeinbid 'полосатая зубатка' (совр. норв. steinbit, ср. исл. steinbitur) и др. Кроме того, диалект нередко «звучит» в его поэме, хотя и переданный посредством датской орфографии, как, например, в сцене ссоры из-за мельницы и кобылы¹². Интересно, что в той же функции использует норвегизмы и Людвиг Хольберг (1684–1754). Он родился в Бергене, однако почти всю свою взрослую жизнь прожил в Копенгагене и не просто писал по-датски, но сыграл важную роль в развитии датского литературного языка. Создатель датского национального театра, Хольберг прославился своими комедиями. В эпоху классицизма комедия считалась низовым жанром, и, чтобы передать живую норвежскую речь, он сохраняет некоторые норвежские формы множественного числа, употребляет возвратно-притяжательное местоимение там, где по правилам датского языка должно быть притяжательное: mange forlode sine Booliger «многие покинули свои жилища»; вводит повторение местоимения: jeg heeder Jeronimus jeg 'я зовусь Иероним, я', а также норвежские слова и выражения, например Gubbe 'старик' (совр. норв. gubbe), Dalføre 'длинная долина' (совр. норв. dalføre), en Kroge Foed 'подножка' (совр. норв. krokfot; ср. также beinkrok/benkrok), Fladbrød 'лепешка' (тонкая лепешка из пресного теста; совр. норв. flatbrød), gnikke 'скупиться, скряжничать, скупердяйничать' (совр. норв. gnikke/gnike). Именно через его пьесы некоторые норвежские заимствования вошли в датский язык: Kiending 'знакомый' (совр. дат. kending, норв. kjenning), Elv 'река' (совр. дат. и норв. elv), Sprenglærd 'невероятно ученый, крайне эрудированный; кладезь премудрости' (совр. дат. sprænglærd, норв. sprenglærd), fremsynet 'предусмотрительный, дальновидный; ясновидящий' (совр. дат. fremsynet, норв. framsynt) и др.¹³

Однако в датский период норвежцы писали не только по-датски. В XVII–XVIII вв. появляются диалектные тексты различных жанров — от правовых документов до народной литературы¹⁴. В 1643 г. в Норвегии открывается первая типография, где в 1647 г. была на-

¹² Vårt eget språk. S. 58; Otnes H., Aamotsbakken B. Op. cit. S. 109.

¹³ См., напр.: Vårt eget språk. S. 60; Otnes H., Aamotsbakken B. Op. cit. S. 114.

¹⁴ Ср., напр., тексты в антологии: Venås K. Den fyrste morgonblånen. Oslo, 1990.

печатана народная баллада «Свадьба воронов в Вороньей Роще» («Rabnabrydlaup i Kråkelund»), ниже приводится ее первая строфа:

LAnte oster i Kraakelund	Далеко на востоке в Вороньей Роще
Dar æ so vacker ei By /	Стоит красивый городок /
Adle de Dyr i Væra er	Все звери, какие только в мире есть
Sonkast dar uti /	В нем собрались /
Biødnen han er uppaste Kar uti Skog.	Медведь, он первый парень в лесу.

Записал балладу, вероятно, священник Анфинн Юханнесен Бредер (ум. в 1677 г.). Ее язык соответствует одному из хордаланнских диалектов. Позже варианты этой баллады были записаны в различных уголках Норвегии, например в XIX в. в Согне и Халлингдале. Она известна также в Швеции¹⁵.

В то же время на диалектах существовала и авторская поэзия. Так, довольно популярным сочинителем стихов на случай (прежде всего для новобрачных) был в свое время священник Якоб Лунд (1690–1754), писавший на «неотшлифованном крестьянском языке» (*upolerede Bondesprog*), под которым в его случае понимается трэндский диалект со следами сильного влияния нурмёрского¹⁶. Однако гораздо более известны уроженцы Гудбраннсдалена Томас Росинг де Стокфлет (1743–1808) и Эдвард Сторм (1749–1794), сочинявшие как по-датски, так и на диалекте.

Из правовых текстов можно назвать, например, разговор о судебном деле от 1730 г., написанный на телемаркском диалекте, и «Разговор между Эйнером Йермонсоном и Рейаром Рандульвсоном» («*Samtale mellom Einer Jermonsøn og Reiar Randulvsøn*», 1771) — жалобу, которую послал королю в Копенгаген Эйнар Йеллебёль, оформив ее как разговор двух бондов на румерикском диалекте.

Реформация, как отмечалось выше, способствовала распространению в Норвегии датского языка. В то же время одним из основных ее постулатов был перевод богослужения на народные языки. Следуя ему и заботясь о просвещении своей паствы, священники (в том числе и датчане по происхождению) переводили на различные норвежские диалекты отдельные части Священного Писания и другие религиозные тексты. Так, в 1698 г. был опубликован перевод на

¹⁵ Vårt eget språk. S. 65.

¹⁶ Ibid. S. 63.

яренский диалект первой главы Послания к Римлянам, сделанный Якобом Раском. В 1753 г. Петер Лоренц Херслеб из Сторда перевел на трэндский диалект Первую книгу Моисееву, отметив в предисловии к изданию, что перевод на диалект, по его мнению, в большей степени дает возможность передать экспрессивность исходного текста. В 1800 г. Ханс Барлиен опубликовал в «Тронхеймском вестнике» («Trondhiems Budstik») переведенные им на трэндский диалект десять заповедей. В 1750 г. священник из Суннмёре Кнуд Лем перевел на кармёйский диалект отдельные главы «Церковной истории» Людвига Хольберга¹⁷.

В XVII в. просыпается интерес к норвежскому языку. Появляются списки «особых норвежских слов, которых нет в датском языке», и сборники пословиц. В основном священники собирали и записывали их либо из филологического интереса к диалекту своего прихода, либо просто чтобы облегчить себе общение с прихожанами. Около 1625 г. Йорген Томассон записал более 300 пословиц из Вест-Агдера, например: *Brendt Baadn Ræest elden, Bedde Baadn Ræest Hunden* ‘обжегшееся дитя огня боится, укушенное дитя собаки боится’; *Da eina Trolld Truer inkje dæ ajre* ‘один троль не верит другому’; *Tru Tenar fær go Løn* ‘верные слуги получают хорошую плату’. Первым норвежским диалектным словарем стал содержащий более 1000 слов «Den Norske Dictionarium eller Glosebog», который в 1646 г. издал священник из Суннфьорда Кристен Йенссон. Из предисловия видно, что автор считал норвежский не диалектом датского, а самостоятельным языком со своей собственной историей: *voris gode oc gamle Norske Sprog* ‘наш старый добрый норвежский язык’. В 1749 г. вышел «Glossarium Norvagicum» Эрика Понтопидана, в котором он собрал слова хордаланнских диалектов, а в 1780 г. — список слов, записанных в Эстфолде Якобом Николаем Вилсе. Приходской священник из Хардангера Маркус Шнабель описал местный диалект, указав, в частности, на его связь с древнорвежским и составив список сохранившихся в диалекте древнорвежских слов. Его работа была опубликована в 1784 г., через четыре года после смерти автора.

Таким образом, в период унии в Норвегии писали не только на датском языке. Почти одновременно с разрушением старой письменной традиции в качестве письменного языка начинают использоваться диалекты. Тем самым закладываются предпосылки совре-

---

¹⁷ Интересно, что два года спустя Кнуд Лем стал профессором саамского языка.

менной языкой ситуации и отчасти сохраняется преемственность с древненорвежским, когда норма в значительной степени была ориентирована на диалект (ср.: «когда бергенская канцелярия была переведена в Осло, за ней последовала и трёндско-бергенская канцелярская норма. Таким образом, в XIV в. мы находим в Восточной Норвегии две языковые нормы: традиционную канцелярскую и более свободную, восточнонорвежскую, стоявшую ближе к разговорному языку»¹⁸).

---

¹⁸ *Seip D. A. Norsk språkhistorie til omkring 1370. Oslo, 1931. S. 128.*

А. А. Яковлева

О СОЧЕТАЕМОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ

Изучение способности предикатов сочетаться с подчиняющими операторами, в том числе с отрицанием, является на сегодняшний день неотъемлемой частью семантического анализа глагольной лексики. В отрицательных предложениях «получают косвенное поверхностное проявление семантические характеристики предиката, скрытые от наблюдения в утвердительных предложениях, не говоря уже о том, что сопоставление смысла общеотрицательного предложения со смыслом соответствующего ему утвердительного является основным методом выявления логико-семантических различий между предикатами»¹. Согласно выполняемой функции, отрицание иногда относят к модальным операторам, но, с соответствующей оговоркой, рассматривают отдельно². Данная статья представляет собой попытку продемонстрировать ценность анализа минимальных отрицательных контекстов на примере трех глаголов говорения нидерландского

---

¹ Кобозева И. М. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания // Логический анализ языка. Знание и мнение / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1988. С. 82.

² В грамматике нидерландского языка «Algemene Nederlandse Spraakkunst» отрицания, производные от *niet* 'нет' относят к «определениям отрицания», однако указывается, что иногда их относят к модальным определениям (Algemene Nederlandse Spraakkunst. Groningen, 1997. P. 1614).

языка — *praten, spreken* и *zeggen* (соответствуют русской видовой паре *говорить/сказать*).

Н. Д. Арутюнова пишет: «Областью действия отрицания является логическая связка: отрицание аннулирует отнесенность предиката к субъекту, снимает связь»³. Языковые средства, позволяющие «снять» субъектно-предикатную отнесенность, в лингвистике обозначаются термином «показатели снятой утвердительности». Е. В. Падучева приводит следующее определение: «Соединение предиката с субъектом требует от предиката <...> предикативной формы, а предикативная — финитная — форма во многих языках выражает, по умолчанию, изъявительное наклонение, то есть утвердительную модальность. Нужны специальные средства, чтобы эту модальность снять. По У. Вейнрейху это показатели «снятой утвердительности»⁴. Итак, существуют языковые средства, отражающие отказ автора высказывания от ответственности за содержание высказывания, такие как номинализация, инфинитив, будущее время, императив, сослагательное наклонение, модальные слова, отрицание, вопрос, целевые и условные союзы.

Известно, что все подчиняющие операторы являются носителями так называемого пропозитивного (фактообразующего) значения, которому противопоставлено значение онтологическое (событийное), называемое реалии, в отличие от пропозитивного значения, называемого суждения о реалиях. Для пропозитивного значения характерны различия по признакам «реальности / гипотетичности, верифицируемости / неверифицируемости, истинности / ложности, утвердительности / отрицательности (логическому качеству), по референции субъекта (логическому количеству)»⁵. Поскольку факты могут быть в равной степени утвердительными и отрицательными, и это отличает их от событий, способных иметь только положительное содержание, критерий отрицания стал применяться для установления пресуппозиционной части в толковании предиката: «Для отрицания, — отмечает Е. В. Падучева, — вопрос решается понятием пресуппозиции и противопоставлением пресуппозиция — ассерция, которое в свое время позволило сформулировать одно из наиболее

---

³ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 2004. С. 832.

⁴ Падучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 17.

⁵ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 405–406.

общих правил композиции смыслов: отрицание воздействует на ассертивный компонент в семантическом разложении глагола, а presupпозиция не отрицается»⁶. Данное правило накладывает ограничения на сочетаемость с отрицательными показателями предикатов пропозициональной установки, например перцептивных и ментальных. К последним относятся и глаголы говорения.

Рассмотрим простейшие нераспространенные положительные контексты с глаголами говорения, т. е. элементарные предложения с утвердительной модальностью, а затем сравним их с соответствующими отрицательными аналогами.

***Je praat ‘Ты говоришь’**

Данное предложение нельзя считать корректным, т. к. при стандартном положении дел (когда *praten* обозначает деятельность, а агенс и адресат являются лицами) способность лица осуществлять деятельность говорение не ставится под сомнение, а, значит, составляет часть пропозиции. Тогда рассматриваемое предложение представляется, как минимум, избыточным для ситуации, т. к. если имеет место говорение, то это очевидно для всех участников ситуации и констатация факта говорения со стороны одного из коммуникантов должна вызывать реакцию ‘я знаю’ или ‘ну и что?’. Можно говорить о том, что в предложении отсутствует новая информация, нет ассертивной части. Если из пропозициональной части высказывания убрать факт способности говорения собеседника или факт ‘слышимости’ говорения всеми коммуникантами, тогда глагол перейдет из презумпциональной части в ассертивную, и предложение может быть верным в двух случаях, когда: 1) говорящий сам не слышит (не может слышать), что издает звуки, и ему об этом рассказывает автор рассматриваемого высказывания с глаголом говорения; 2) автор высказывания с глаголом говорения полагает, что его собеседник не обладает способностью говорить / обещал не говорить / обычно не говорит, но вдруг заговорил; т. е. имеет место реакция на неожиданное произнесение звуков со стороны адресата. Однако при ближайшем рассмотрении последнее связано с изменением значения самого глагола *praten*, который в данном случае будет означать не ‘деятельность говорение’, а ‘способность говорить’.

---

⁶ Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. С. 122.

Примечательно, что в любом контексте снятой утвердительности, данное предложение становится абсолютно логичным и уместным, например:

Je moet praten. ‘Ты должен говорить’. — модальность;
Praat maar! ‘Говори!’ — императив;
Praat je? ‘Ты говоришь?’ — вопрос;
Je zou eens praten. ‘Ты бы поговорил’. — сослагательное наклонение.

Также добавление в индикативное предложение наречия образа действия (атрибутивного компонента) делает предложение естественным, т. к. восстанавливается баланс тема-рема, а соответственно, пресуппозиция — ассерция:

Je praat snel. ‘Ты говоришь быстро’,
где Je praat — тема; snel — рема;
‘X говорит Y’ — пресуппозиция;
‘скорость говорения Y оценивается X как быстрая’ — ассерция.

Рассмотрим отрицательный вариант элементарного предложения с praten: Je praat niet ‘Ты не говоришь’.

В отличие от утвердительного, отрицательное предложение корректно, т. к. пропозициональное условие способности к говорению снимается, меняясь на отсутствие говорения, что является естественным и может быть ремой предложения. Возможны следующие варианты интерпретации этого предложения: 1) ‘ты не говоришь (а делаешь что-то другое, например кричишь)’ — в случае, если фразовое ударение падает на глагол; 2) ‘ты молчишь’. Если следовать правилу композиции смыслов, которое гласит, что отрицаться может только ассерция, то, давая рассматриваемому предложению статус общеотрицательного, мы утверждаем, что praten является ассерцией, в то время как в утвердительном предложении предикат входил в пресуппозицию, однако, как и в предыдущем примере, сама «способность» осуществлять деятельность говорения входит в пресуппозициональную часть толкования.

В контекстах снятой утвердительности отрицание, как правило, употребляется безо всяких ограничений, что актуально и для настоящего примера:

Je moet niet praten. ‘Ты не должен говорить’. — модальность;
Praat maar niet! ‘Не говори!’ — императив;

Praat je niet? ‘Ты не говоришь?’ — вопрос;

Je zou eens niet praten. ‘Ты бы не говорил’. — сослагательное наклонение.

А вот пример с обстоятельством образа действия, так называемая адвербиальная группа, вместо общеотрицательного дает частноотрицательное значение. Это объясняется тем, что при наличии определения, глагол говорения может иметь только значение ‘деятельность’, т. е. входит в пропозицию, где адвербиал является ассерцией, а глагол — презумпцией, так что, например, в следующем предложении отрицается только скорость:

Je praat niet snel. ‘Ты говоришь не быстро’,

где ‘У говорит X’ — презумпция;

‘скорость говорения У оценивается X как не быстрая’ — ассерция.

Аналогичный распространенный пример: Aardige mensen durfden dat niet, die praten niet met de machines (K70). ‘Милые люди не осмелевают на это, они не говорят с машинами’.

В качестве минимального предложения с praten был намеренно выбран пример с логическим ударением на глаголе говорения, т. к. данное фразовое ударение можно считать стандартным (нейтральным) для общеутвердительного предложения нидерландского языка. Однако не исключен такой контекст, когда фразовое ударение падает на местоимение. В этом случае меняется фокус говорящего (формально это выражается в использовании полной формы личного местоимения), т. е. отношение презумпция — ассерция:

Jij praat. ‘Ты говоришь’,

где ‘У говорит’ — презумпция;

‘Говорит именно У, а не кто-то другой’ — ассерция.

Данное утверждение можно проверить, сделав предложение отрицательным, где возможно два варианта:

1) Niet jij praat. ‘Не ты говоришь’;

2) Jij praat niet. ‘Ты не говоришь’.

Как можно заметить, в обоих случаях предложение из общеотрицательного превращается в частноотрицательное.

Возможно также ударение на *praten*, когда ассерцией, также как и в случае с ударенным местоимением, отрицается осуществление отрицания, в результате чего утверждается осуществление некоего действия, отличного от говорения.

***Je spreekt ‘Ты говоришь’**

Глагол говорения *spreken* в минимальном контексте ведет себя аналогично *praten*, когда общеутвердительное предложение при стандартном фокусе невозможно, а в контексте снятой утвердительности дает все возможные, как утвердительные, так и отрицательные, варианты, например:

O, dacht ik, zo zit dat bij die De Coninck, als een vrouw maar niet spreekt, is ze goedgekeurd! (H17) ‘Ага, думала я, так вот какой этот Де Конинк, если только женщина не говорит, то она ему подходит!’

Heeft de slang gesproken of niet? (M113) ‘Змея говорила или нет?’

При наличии в предложении адвербиальной группы:

Daarna riep ik het eerste wat mij te binnen schoot, uitgerekend die ene naam, die ik sinds mijn jeugd nooit meer hardop had gesproken, en zonder na te denken bleef ik die maar aan één stuk door herhalen (J161). ‘После этого я закричала первое, что пришло мне в голову, именно то единственное имя, которое я с юности никогда больше вслух не произносила, и, не задумываясь, продолжала повторять его подряд раз за разом’.

(Niet) Ik had die ene naam ooit gesproken — презумпция;
daarna hardop — ассерция.

Je zegt het ‘Ты это говоришь’

В отличие от двух других глаголов говорения, *zeggen* в минимальном контексте употребляется с прямым дополнением, которое, с точки зрения исполняемой роли, является высказыванием (Z). Данное предложение с *zeggen* абсолютно корректно, т. к., будучи действием (а не деятельностью, как *praten* и *spreken*), *zeggen* может быть ремой, т. е. входить в ассертивную часть высказывания. Тем более естественными являются контексты снятой утвердительности.

Изменим данное предложение, сделав его отрицательным:

Je zegt het niet. ‘Ты это не говоришь’.

Данное отрицательное предложение можно интерпретировать следующими двумя способами: 1) ‘X не говорит, т. е. и не Z’; 2) ‘X говорит, но не Z’. Первое толкование является общеотрицательным, а второе — частноотрицательным. Как видно из толкования, существование высказывания Z в общеотрицательном контексте не исчезает, из чего следует, что Z входит в пропозициональную часть высказывания с *zeggen*, где ‘X обладает информацией Z’ — презумпция, а ‘X не говорит’ — ассерция, которая, по правилу композиции смыслов, и отрицается в общеотрицательном контексте. В частноотрицательном контексте Z также входит в пропозицию, т. к. ‘X обладает информацией Z, X говорит’ — презумпция; ‘X говорит не Z’ — ассерция. Следовательно, высказывание Z составляет часть пропозиции любого предложения с *zeggen*, т. е. существование Z не может отрицаться ни в одном из контекстов.

Другие примеры:

— Ik zei niet dat ik je niet geloofde (C60). ‘— Я не сказал, что я тебе не верю’,

где (He) X сказал Z, из чего Y сделал (может сделать) вывод, что X не верит Y — презумпция;

X не верит Y — ассерция.

Отрицание ассерции в данном предложении означает следующее: ‘X верит Y’, т. е. отрицается не сам факт говорения, а смысл высказывания Z.

В общеотрицательных предложениях, содержащих модальный глагол, отрицание относится не к самому высказыванию или глаголу говорения, а к модальности:

— Kom, je wilt toch niet zeggen dat jullie niet naar het restaurant zijn geweest? (C101) ‘— Ну, ты же не хочешь сказать, что вы не ходили в ресторан?’

Если вынести отрицание за скобки, получим: (Niet) je wilt toch zeggen dat... То есть в утвердительном предложении имеем ‘желание’, а в отрицательном, соответственно, ‘нежелание’. Сам факт говорения

при этом не утверждается, и не опровергается. В сочетании с модальным *willen* ‘хотеть’ глагол говорения означает ‘иметь в виду’, ‘полагать’, когда ‘желание сказать’ в представлении человека не может не сопровождаться внутренним убеждением или представлением о фактах действительности, т. е. ‘хотеть сказать’ = ‘думать’.

— *Ik kan niet zeggen dat ik al je gedichten begrijp* (C75). ‘— Я не могу сказать, что понимаю все твои стихотворения’.

При вынесении отрицания за скобки получаем: *(Niet) Ik kan zeggen dat ik al je gedichten begrijp* ‘Я могу сказать, что понимаю все твои стихотворения’. Сочетание модального *kunnen* + *zeggen* не может употребляться в прямом значении, т. к. ‘мочь сказать’ воспринимается как способность говорить и не подвергается сомнению при нормальном положении дел. В контекстах, подобных данному, оно явно избыточно, т. к. все, что мы можем сказать, мы просто говорим. Если сказать: *Ik begrijp niet al je gedichten* ‘Я понимаю не все твои стихотворения’, смысл предложения не изменится. ‘Невозможность сказать’ автоматически передает смысл ‘я так не думаю’, так что с модальным *kunnen* получаем отрицание высказывания: ‘Я не понимаю твои стихотворения’. То есть *Ik kan zeggen* — презумпция, а *Ik begrijp je gedichten* — ассерция.

Неопределенный отрицательный артикль ‘*geen*’ может употребляться только в предложениях с переходным *zeggen*:

Ik kan geen ‘nee’ zeggen (K449). ‘Я не умею говорить «нет»’,
где *(geen) ik kan iets zeggen* — презумпция;
ik zeg nee — ассерция.

Если из предложения исключить модальность, то получим: *Ik zeg geen ‘nee’*. Когда предложение от первого лица, сам факт того, что говорящий (он же агент) что-либо говорит, уже налицо, следовательно, данное предложение, грамматически являющееся общеотрицательным, по смыслу превращается в частноотрицательное. Из этого следует, что для отрицания предложения с *zeggen* достаточно отрицать смысл высказывания или, как в данном случае, само высказывание.

— *Het is vreselijk. Soms kan ik geen woord meer zeggen* (C127). ‘— Это ужасно. Иногда я не могу больше сказать ни слова’.

(Geen) *soms kan ik een woord zeggen — утвердительный вариант этого предложения невозможен, а отрицательный звучит абсолютно естественно.

Daarom mogen mannen geen vieze woorden zeggen als er dames bij zijn en kijken vrouwen vaak misprijzend als ze een Playboy-kalender aan de muur zien hangen (K107). ‘Поэтому мужчинам нельзя говорить пошлые слова, если присутствуют дамы, а женщины часто неодобрительно смотрят, если видят на стене календарь Плейбой’.

Данное предложение с модальным *mogen* частноотрицательное, так как запрет, то есть отрицание, распространяется только на ‘пошлые слова’, хотя грамматически (по месту негации в предложении) оно могло бы быть и общеотрицательным:

‘могут говорить, но не пошлые слова’;
(geen) mannen mogen iets zeggen — презумпция;
vieze woorden — ассерция.

En over de immense materiële schade praat ik niet eens... (M485) ‘А об огромном материальном ущербе я даже не говорю...’

Отрицание *niet eens* ‘даже не’ в сочетании с глаголом говорения является очередным примером того, когда утвердительный вариант соответствующего контекста невозможен. Парадоксально высказывание, когда автор уверяет, что не говорит того, что говорит в этом же предложении. Очевидно, что глагол говорения употреблен здесь в составе устойчивого выражения, частью которого и является отрицание:

Hij zei niets (J50). ‘Он ничего не сказал’.

Отрицание ассерции приводит к отрицанию всего предложения, так как ассерция — содержание высказывания, то отказ от содержания — отрицание факта говорения. Интерпретация зависит от интонации:

hij zei niets — общеотрицательное;
hij zei niets — частноотрицательное;
Также: Ik zeg niks (P119). ‘Я ничего не говорю’.

С отрицательным местоимением *niets* может также сочетаться только переходный *zeggen*. Несмотря на видимое отрицание только местоимения, замещающего высказывание, предложение является общеотрицательным, что в очередной раз подтверждает возможность негации только высказывания для отрицания всего предложения:

Zij verkneukelden zich ergens over, dat konden ze niet verbergen, maar als ik ernaar vroeg zeiden ze niets (J85). ‘Они о чем-то злорадствовали, это они скрыть не могли, но, когда я об этом спросил, они ничего не сказали’.

Hij dacht aan zijn eigen jeugd, aan de momenten waarop zijn vader hem voorstelde aan theaterberoemdheden die hem onverschillig lieten en tegen wie hij niets te zeggen had... (C146) ‘Он думал о своей собственной молодости, о тех моментах, когда отец представлял его театральным знаменитостям, которые оставляли его равнодушным и которым ему нечего было сказать’.

Предложения с отрицательным местоимением *niemand* ‘никто’ также являются общеотрицательными, так как отрицается наличие какого-либо агенса, что в ситуации с говорением автоматически означает отсутствие действия:

De katholieke Kerk heeft de biecht afgeschaft, als de dominee langskomt, zegt niemand wat en de grote bloeitijd van de psychotherapie is voorbij (K144). ‘Католическая церковь отменила исповедь, когда проходит священник, никто ничего не говорит, и пышный расцвет психотерапии прошел’.

Предложения с отрицанием обстоятельства времени дает общеотрицательный результат, причем, относясь к местоимению, отрицание относится ко всему высказыванию:

‘Kind, ga iets moois voor jezelf kopen en let vooral niet op de kosten’, dát had zij graag willen horen, maar dat zegt hij nooit (K253). ‘«Малыш, иди и купи себе что-нибудь красивое, и не думай о деньгах», — это она очень хотела услышать, но этого он никогда не говорил’.

Анализ отрицательных предложений с тремя нидерландскими глаголами говорения позволил выявить различие в пресуппозиционной части толкования данных предикатов. Удалось установить,

что в предложениях с глаголами *praten* и *spreken* в пресуппозиционную часть толкования всегда входит ‘способность осуществлять деятельность говорение’, а сам факт осуществления этой деятельности — в ассертивную. В предложениях с *zeggen* факт осуществления действия говорения и некое высказывание, напротив, входят в пресуппозицию, а ассерцией является смысловое наполнение высказывания.

Литература

1. *Campert R.* Een liefde in Parijs. Amsterdam, 2004. (С№)
2. *Hemmerechts K.* Taal zonder mij. Amsterdam; Antwerpen, 2000. (Н№)
3. *Japin A.* Een schitterend gebrek. Amsterdam; Antwerpen, 2003. (J№)
4. *Kroonenberg Y.* Nee, dan die van mij. Meneer als ik u zie heb ik zo'n zi in ruzie. Pandora, 2004. (К№)
5. *Mak G.* De eeuw van mijn vader. Atlas. Amsterdam; Antwerpen, 2000. (М№)
6. *Palmen C.* De wetten. Amsterdam, 1992. (Р№)

Содержание

Предисловие.....	3
Tabula gratulatoria.....	4
Борис Сергеевич Жаров.....	6
Список печатных работ Бориса Сергеевича Жарова.....	11
<i>В. П. Берков.</i> Об имплицитном в двуязычном словаре.....	25
<i>И. Б. Братусь.</i> Об одной конструкции с нидерландскими позиционными глаголами	38
<i>Е. А. Гурова.</i> Словообразовательный элемент -fuld: компонент сложных прилагательных или суффикс?	43
<i>Е. Б. Добрынина.</i> Старый Амстердам (лингвострановедческий очерк)	54
<i>Е. Л. Жильцова.</i> Особенности семантики интернациональных «слов-близнецов» в шведском и русском языках	66
<i>О. А. Комарова.</i> О норвежских переводах из новой русской литературы	76
<i>О. В. Костанда.</i> Метафоры-композицы в современном шведском языке	85
<i>Е. В. Краснова.</i> Роль метонимии в создании датских композитов	93
<i>Э. Б. Крылова.</i> Датские модальные глаголы и эпистемическая модальность.....	100
<i>Ю. К. Кузьменко.</i> Саамская интерференция в скандинавских языках	112
<i>И. П. Куприянова.</i> Й. Л. Хайберг и его драматическая сатира «Душа после смерти».....	131
<i>А. Н. Ливанова.</i> Пространство сказок Андерсена в норвежских переводах	142
<i>П. А. Лисовская.</i> Репродукция эпоса Ю. Л. Рунеберга в романе П. К. Йершильда «Путешествие Кальвиноля по свету».....	152
<i>К.-Х. Лунд.</i> Датские причинные союзы в тексте	162
<i>И. М. Михайлова.</i> Голландия есть плоская страна? Образ Нидерландов в русских переводах нидерландской поэзии	175
<i>Д. Б. Никуличева.</i> Датское композитное словообразование в свете структурной типологии датского языка.....	187
<i>О. Б. Овечкина.</i> Виллем Фредерик Херманс и Людвиг Витгенштейн	197
<i>Н. А. Пресс.</i> Особенности композиции ранних романов Стига Дагермана.....	206

<i>А. В. Савицкая.</i> «Мужские» и «женские» профессии и должности. К вопросу о динамике словообразовательных моделей шведского языка	214
<i>А. А. Салтыков.</i> Роман Йоханнеса В. Йенсена «Ледник»	224
<i>Н. Н. Толстая.</i> Балтийское море как тема у петербургских писателей	234
<i>Е. М. Чекалина.</i> Норма и вариативность употребления местоимения <i>sin</i> в современном шведском языке	242
<i>А. Н. Чеканский.</i> Х. К. Андерсен и современность (по материалам автобиографической прозы писателя Х. К. Андерсена)	257
<i>Т. Л. Шенявская.</i> Норвежский язык «датского периода»	268
<i>А. А. Яковлева.</i> О сочетаемости глагольных предикатов пропозициональной установки с отрицательными показателями	276

Научное издание

Скандинавская филология

Scandinavica

Выпуск IX

Межвузовский сборник
К 70-летию со дня рождения
Бориса Сергеевича Жарова

Редактор *О. С. Капполь*
Корректор *Е. С. Васильева*
Технический редактор *С. В. Кузнецов*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 30.03.2007.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Усл. печ. л. 18. Тираж 100 экз. Заказ № .

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства СПбГУ
199061, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 41